

ИСОП

Б48

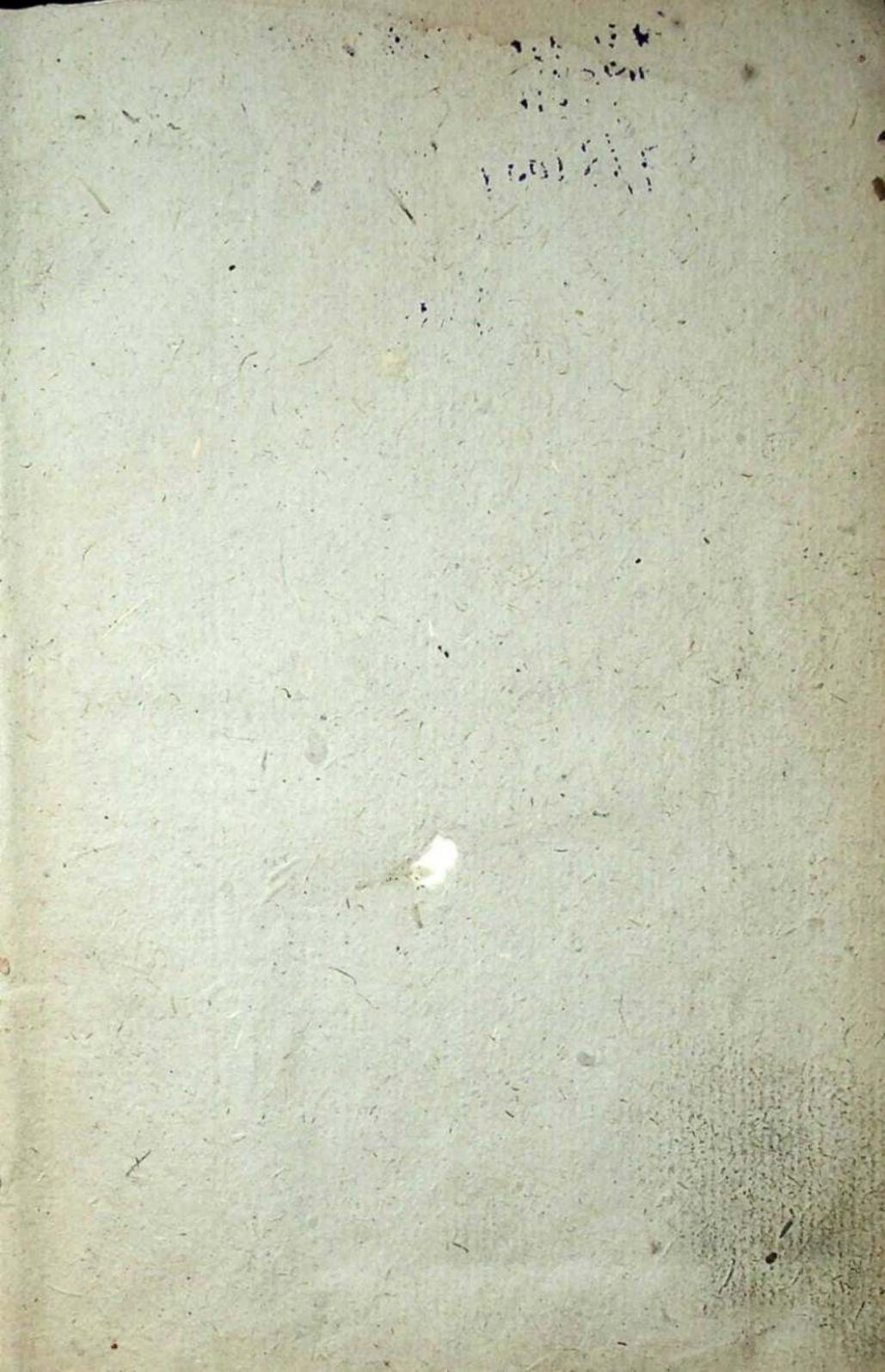
8733

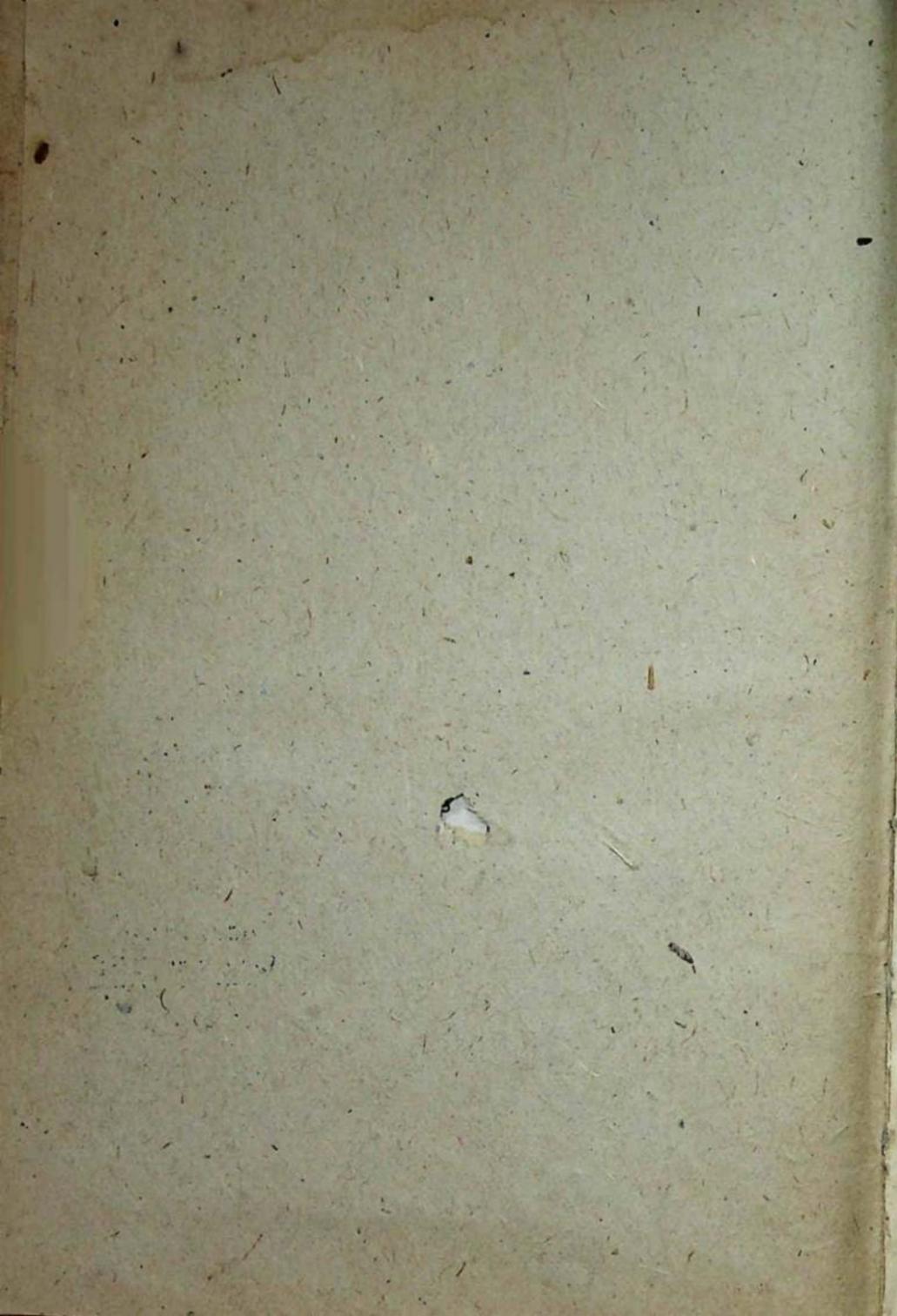
БЕРАНЖЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПЕСЕН

Т. III

14

ОТД. АВ. 548

42

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

ПЪСЕНЪ БЕРАНЖЕ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ

РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

съ многочисленными иллюстраціями,
автобіографіей знаменитаго французскаго поэта
критической оцѣнкой его литературной дѣятельности.

ПОГАШЕНА

Подъ редакціей С. С. Трубачева.

8733
12146

~~Вологод. как деп. Бюджетная. 100~~

Томъ III.

122710-1

Вологодская
городская ЦБС

Отделъ Центр писателя
В. И. Белова
КНИГОХРАНЕНИЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. Ф. Пантелеева. Подольская, 14.

1905.

4.28

99

Учет 1935 г.

Вологод. как деп. Бюджетная. 100
№ 12146
В. И. Белова
КНИГОХРАНЕНИЯ

И (ФФ)
548

Дозволено цензурою. СПб. 20 Августа 1904 г.

№ 5

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Исторический факультет
Специальная библиотека

Мое исцѣленіе.

Друзья! Живеть въ винѣ
Таинственная сила:
Она разумъ мнѣ
Въ темницѣ возвратила...

Хвативъ стаканъ изрядный романаи,
Сказалъ я музѣ: „Мой совѣтъ прими—
Не насмѣхайся (Будь впередъ умнѣе!)
Надъ власть и мощь имущими людьми!“
Вино, вино! Ты—чудное лекарство:
Готовъ я былъ среди тюремныхъ стѣнъ
Воспѣть свободы благодное царство,—
Чуть смаковать принялся шамбертэнъ...

Друзья мои! Въ винѣ—
Живительная сила,—
Она сознание мнѣ
Изъ мертвыхъ воскресила...

Какъ романаи выпилъ два стакана,
Я покраснѣлъ за старыя грѣшки:
Хоть комната какъ будто стала пьяна,
Но и слѣда не видно отъ тоски...
Пусть угнетаетъ умъ самолюбивый
Пристрастныхъ судей жесткій приговоръ,—
Мнѣ шамбертэнъ волной своей игривой
Поддержать духа бодрого задоръ...

Друзья! Всегда въ винѣ
Жила святая сила,—
Она тоску во мнѣ
Навѣки погасила...

Есть романаи?.. Третій опрокинулъ —
И ни на чемъ не вижу я оковъ:
Гнетъ произвола словно призракъ сгинулъ,
Я снова жить и вѣровать готовъ...
Вѣротерпимость шествуетъ повсюду,
Пономаремъ заходитъ на Парнасъ,—

Готовъ всему я вѣрить, даже—чуду,
За шамбертэнъ принявшись въ третій разъ...

Друзья мои! Въ винѣ
Спасительная сила,—
Она—на радость мнѣ—
Борьбу угомонила...

Вотъ романей сухъ стаканъ послѣдній,—
И отъ восторга плакать я готовъ:
Передо мной—надъ прахомъ прежнихъ бредней—
Сіяетъ мысль межъ лавровъ и цвѣтовъ;
Умѣренность—прочнѣй всего въ законѣ,
Сомнѣній мгла въ грядущемъ не видна,
Свободы лучъ горитъ на небосклонѣ,—
А шамбертэнъ—допить уже до дна...

Друзья! Видна въ винѣ
Невѣдомая сила,—
Она меня вполне
Отъ думъ освободила...

О, шамбертэнъ! О, влага романей!
Предвѣстники зари прекрасныхъ дней!
Отъ васъ весь міръ глядитъ на жизнь свѣтлѣе
Въ сіяніи чарующихъ огней...
Любовь, Надежда, Истина и Вѣра,—
У васъ однѣхъ—судьба всѣхъ странъ въ рукахъ!
Вѣдь романаея есть хоть для примѣра,
Вѣдь шамбертэнъ не высохъ въ погребахъ...

Друзья мои! Въ винѣ,
Въ одномъ винѣ—вся сила—
Она разсудокъ мнѣ
Въ темницѣ исцѣлила!..

ОХОТНИКАМЪ *).

Вы сумку дичи мнѣ прислали...
Подаркомъ вашимъ вдохновенъ,
Забылъ я всѣ свои печали...

Тонтопъ, тонтопъ, тонтѣпъ, тонтопъ!..
Я не охотникъ былъ до лѣни
И здѣсь могу пропѣть вамъ въ тонъ,
Друзья изъ Илля и Виллени:

Тонтопъ, тонтопъ, тонтѣпъ, тонтопъ!..

Охотьтесь, — чортъ возьми, — стрѣляйте!
Розеттъ всѣхъ бросьте, всѣхъ Иренъ!
Поля Бретани оглашайте!

Тонтопъ, тонтопъ, тонтопъ, тонтѣпъ!..
Къ чему на жизнь смотрѣть такъ хмуро,—
Возьмите вы изъ душныхъ стѣпъ
Къ себѣ въ загонщики Амура...

Тонтопъ, тонтопъ, тонтопъ, тонтѣпъ!..

Велѣлъ Беарнецъ**), въ вспыскѣ гнѣва,
Сажать охотниковъ въ понтопъ...
Чудака — не слыхивалъ напѣва:

„Тонтопъ, тонтопъ, тонтѣпъ, тонтопъ!“...

А Габріэль всѣмъ браконьерамъ
Свой предоставила кантопъ,
Не прибѣгая къ строгимъ мѣрамъ...

Тонтопъ, тонтопъ, тонтѣпъ, тонтопъ!..

*) «Благодарственная пѣснь» охотникамъ изъ департамента Илля и Виллени, приславшимъ въ тюрьму къ Беранже сумку съ дичью.

**) Генрихъ IV, издавшій суровые законы противъ нарушителей охотничьихъ правилъ.

Ружье въ провинціи когда-то
Вамъ воспрещалъ носить Бурбонъ;
Но братъ войною шелъ на брата...

Тонтонъ, тонтонъ, тонтэнъ, тонтонъ!..

„Для короля—всѣ перепелки,
Всѣ куропатки!“—былъ законъ;
Овецъ исправно-жъ рвали волки...

Тонтонъ, тонтонъ, тонтэнъ, тонтонъ!..

Я слышалъ—даже вы трубите,
Что нашъ народъ всѣхъ правъ лишонъ...
Права охоты сохраните!

Тонтонъ, тонтонъ, тонтэнъ, тонтонъ!..

Во имя чести всей Бретони—
Пусть всѣхъ насъ будить рога звонъ,
Всегда въ одномъ и томъ же тонѣ:

Тонтонъ, тонтонъ, тонтэнъ, тонтонъ!..

Мой карнаваль.

Она пришла—веселая недѣля;
Всегда ее съ друзьями я встрѣчалъ...
Опять теперь на пестрой колесницѣ
Везетъ всѣхъ Момусъ на блестящій балъ...
Мнѣ кажется, что надъ моей тюрьмою
Летятъ Амуры,—къ вамъ летятъ они;
Мнѣ слышатся и музыка, и пѣнье...
Друзья мои! Продлите счастья дни!..

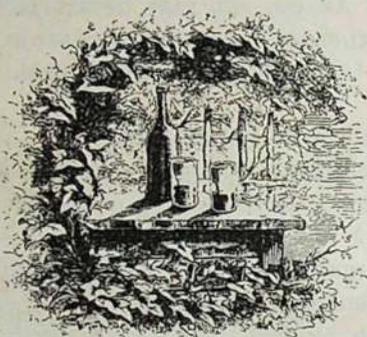
Да, вижу я танцующія пары;
Триумфъ любви справляетъ красота,—
Влюбленные влюбленныхъ обнимаютъ;
Веселый вальсъ прекрасенъ, какъ мечта...
Пусть ваше сердце обо мнѣ забудетъ,—
Пока горятъ веселые огни:
Къ чему смущать печалью праздникъ жизни!
Друзья мои! Продлите счастья дни!..

Вѣдь сколько разъ бывалъ я президентомъ
Обѣдовъ вашихъ, вашихъ всѣхъ утѣхъ!
Тамъ у меня лились изъ сердца искры,
Веселость зажигавшія во всѣхъ...
Мой кубокъ былъ веселыхъ полною пѣсенъ,—
Ихъ нѣтъ теперь... Засни, душа, засни!
Здѣсь некому смѣшать съ виномъ веселье...
Друзья мои! Продлите счастья дни!..

Страшиться нужно только ихъ утраты,
Ихъ праздновать—законъ святыхъ небесъ...
Старѣть я сталъ,—питать боговъ мнѣ нечѣмъ,
Огонь мой гаснетъ, пылъ страстей исчезъ;
Но еслибъ та, что всѣхъ у васъ прелестнѣй,
Могла зажечь въ душѣ моей огни,—

Еще оковы стали-бъ тяжелѣе...
Друзья мои! Продлите счастья дни!..

Когда на васъ блаженства опьянѣнье
Наложить цѣпь усталости вполнѣ,—
Послѣдній лучъ, остатокъ весь веселья
Несите вы въ тюрьму мою ко мнѣ!
Душой я—съ вами, какъ, бывало, прежде...
Мои оковы?.. Мнѣ легки они,—
Когда любовь и дружбу воспѣваю...
Друзья мои! Продлите счастья дни!..

Тѣнь Анакреона.

Юноша-грекъ шлетъ могиламъ улыбки,—
„Мы побѣдили!“... онъ имъ говорить.
Вторить ему многозвучное эхо,
Внемлетъ обоемъ безмолвный гранитъ...
„О, полубоги! О, свѣточи жизни!—
Онъ восклицаетъ: Вернитесь къ намъ!
Стиксъ переѣхавъ, зиждители славы,
Челнь свой направьте къ роднымъ берегамъ!“
Вдругъ подъ шатромъ лучезарнаго неба
Тѣнь появилась изъ мрака Эреба.

„Дѣти Свободы!—сказала она.—
Родины ждетъ возрожденья
Благостный богъ наслажденья,
Родина счастьемъ нужна!..

„Эллины! Я—это жизнь чья блаженствомъ,
Счастьемъ свободы была вся полна
Въ дни, когда предки любовь воспѣвали,

Пѣня завѣтные кубки вина...
 Анакреонъ, на пирахъ наслаждался,
 Былъ недоступенъ общеню рабовъ,—
 Не приближалась къ душѣ затемненной
 Радость, достойная свѣтлыхъ боговъ.
 Намъ на пирахъ олимпійца-народа
 Свѣточъ любви зажигала Свобода...

Дѣти Свободы! Близка вамъ она...
 Родины ждетъ возрожденья
 Благостный богъ наслажденья,
 Родина счастью нужна!..

„Неба лазурь разсѣкаетъ еще вѣдь
 Крыльевъ орлиныхъ могучій размахъ:
 Пѣснь соловья, какъ и встарь, раздается,
 Нѣжную страсть пробуждая въ сердцахъ...
 Ты же, народъ мой, что сдѣлалъ съ искусствомъ?
 Что же ты сдѣлалъ съ закономъ боговъ?
 Что же ты сдѣлалъ съ великимъ наслѣдьемъ
 Славныхъ героевъ войны и пировъ?!
 Праздникъ твой—голосъ печали смущаетъ,
 Пиръ твой—цвѣтовъ вдохновенья не знаетъ...

Дѣти Свободы! Близка вамъ она...
 Родины ждетъ возрожденья
 Благостный богъ наслажденья,
 Родина счастью нужна!..

„Ты побѣждаешь?.. Такъ пой же въ день счастья,
 Брось опасенья, оковы разбей!
 Можешь ты выйти героемъ изъ битвы,
 Если душой овладѣешь своей...
 Какъ! На развалинахъ древней Эллады,—
 Тамъ, гдѣ цвѣтъ міра для славы возросъ,—
 Бродитъ какой-то плебей-чужеземецъ,
 Спитъ—опьяненный дыханіемъ розъ?!
 Варварству данъ красотой петлѣнной
 Можетъ платить только парій вселенной!

Дѣти Свободы! Близка вамъ она...
 Родины ждетъ возрожденья
 Благостный богъ наслажденья,
 Родина счастью нужна!..

„Было бы слишкомъ для всѣхъ насъ позорно
 Предъ чужеземцемъ краснѣть отъ стыда,—

Память Олимпа онъ здѣсь вызываетъ—
 Память того, что ушло навсегда...
 Смѣло впередь!.. И опять возродятся
 Волей небесъ эти всѣ берега,
 И оросить ихъ воскресшая слава
 Кровью горячей тирана-врага...
 Зазеленѣютъ тучныя нивы,
 Мирной прохладой повѣютъ оливы...

Дѣти Свободы! Близка вамъ она...
 Родины ждетъ возрожденья
 Благостный богъ наслажденья,
 Родина счастью нужна!..

„Только желѣзо бери у сосѣдей,—
 Рабскій народъ—не союзникъ тебѣ!
 Марсъ принесетъ тебѣ молніи Зевса,—
 Вѣрь всемогущей въ безсмертіи судьбѣ!.. -
 Путь твой Венера укажетъ звѣздой,
 Вакхъ—непокорный обидамъ вѣковъ—
 Кубокъ наполнить тебѣ животворнымъ,
 Сердце бодрящимъ напиткомъ боговъ...
 Вѣрь—не изсякнетъ твой кубокъ завѣтный,
 Пѣнясь струею своей искрометной!

Дѣти Свободы! Близка вамъ она...
 Родины ждетъ возрожденья
 Благостный богъ наслажденья,
 Родина счастью нужна!“...

Юноша внемлетъ... Но рѣчь порвалась;
 Вотъ и исчезъ онъ—теосскій мудрецъ...
 Время твоихъ похоронъ не настало, —
 Греція, встань, подними свой вѣнецъ!
 Фивы, Коринѣи и Аѣины, и Спарта,
 Пусть ваши стѣны воздвигнутся вновь!
 Снова надежда сердца окрылила
 Всѣмъ, въ комъ струится лишь эллиновъ кровь...
 Анакреона слова повторяютъ
 Греціи дѣвы и съ нимъ восклицаютъ:

„Дѣти Свободы! Близка вамъ она...
 Родины ждетъ возрожденья
 Благостный богъ наслажденья,
 Родина счастью нужна!“.

Эпитафія моеѣ музы.

Прохожіе! На мигъ остановитесь,
Прочтите эпитафію мою:
Я воспѣвала бредъ любви безумной,
Вино, друзей и Францію свою,
Питала жалость я ко всѣмъ народамъ,
Обманутымъ коварною судьбой;
Зваль Веранже меня своею музою,
Изъ-за меня онъ жертвоваль собой...

Бѣдные грѣшники,
Молитесь за меня!
Бѣдные грѣшники,
Молитесь за меня!..

Меня онъ сдѣлалъ менѣе безумной,
Я утѣшала въ бѣдности его:
Отъ музъ другой, къ поэтамъ строгой, школы
Не получилъ онъ, бѣдный, ничего...
Онъ робокъ былъ, какъ юноша наивный,
Когда ему я лиру подала;
Его сюртукъ, во всѣхъ мѣстахъ потертый,
Цвѣтами я съ любовью обвила...

Бѣдные грѣшники,
Молитесь за меня!
Бѣдные грѣшники,
Молитесь за меня!..

Я заронила въ грудь его отвагу,
Онъ сталъ другимъ печали утолять;
Въ любви всегда я имъ руководила,
Учила—какъ красотою привлекать..
Къ нему я пташекъ дудкою подзывала,
Летѣли стаей глупенькія къ ней,—
Сердце немало привлекаль къ себѣ онъ,
Для ловли ихъ я доставала клей...

Бѣдные грѣшники,
Молитесь за меня!
Бѣдные грѣшники,
Молитесь за меня!..

Змѣя... (Мой Богъ! Напомнить это слово
 Всѣмъ Маршанжй,—онъ ползаль двадцать лѣтъ!)
 Змѣя весной всегда мѣняетъ кожу,
 Чуть заблеститъ сильнѣе солнца свѣтъ...
 Она на насъ набросилась и, вмѣстѣ
 Сковавъ цѣпями, предала врагу...
 Пусть говорятъ: оковы—щитъ закона;
 Нѣтъ, безъ свободы жить я не могу!..

Бѣдные грѣшники,
 Молитесь за меня!
 Бѣдные грѣшники,
 Молитесь за меня! .

Хоть говорилъ за насъ краснорѣчиво,
 Дюпенъ не могъ добиться ничего:
 Змѣя—не въ силахъ лезвія ужалить—
 Взяла и проглотила вдругъ его!
 Я умираю въ полномъ цвѣтѣ жизни,
 Передъ собой кромѣшный вижу аль...
 О, что за ужасъ! Сталъ иезуитомъ
 Самъ Сатана всего лишь день назадъ...

Бѣдные грѣшники,
 Молитесь за меня!
 Бѣдные грѣшники,
 Молитесь за меня!..

Сильфида.

Есть недочеты у разсудка,
Онъ не всегда свѣтло горитъ,—
Со мной онъ спорилъ не на шутку,
Что нѣтъ ни сильфовъ, ни сильфидъ;
Но, позабывъ его эгиду,
Мнѣ заслонявшюю просторъ,
Недавно встрѣтилъ я сильфиду...
О, сильфы, вашъ я съ этихъ поръ!..

Зефиръ—отецъ вашъ, мать—Аврора,
Вамъ сердце розы—колыбель;
Таите вы въ себѣ отъ взора
Всѣхъ наслажденій нашихъ хмель;
Вы осушаете намъ слезы
Лучомъ небеснаго огня...
О, сильфы, въ эти годы прозы
Богами будьте для меня!..

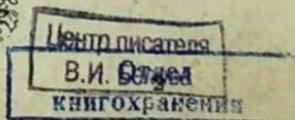
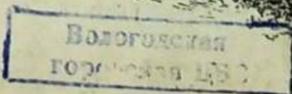
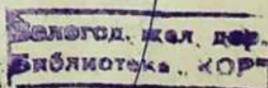
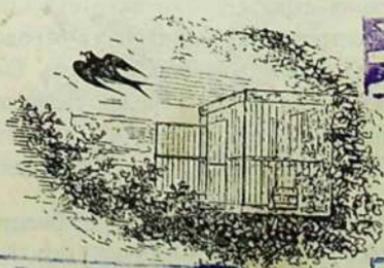
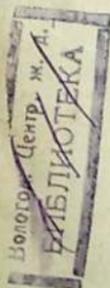
Мою сильфиду на банкетъ
Призналъ я вашу сестрой;
Нарядъ ея и въ вышемъ свѣтѣ
Блисталъ своей неполнотой..
Что мигъ — то лучше становилась!..
Она — прелестнѣй всѣхъ сестеръ!
Душа поэта ей молилась...
О, сильфы, вашъ я съ этихъ поръ!..

Ахъ, сколько прелести въ ней было —
Въ капризахъ дѣтскихъ и въ словахъ;
Она, какъ дѣвочка, шалила,
Будя огонь страстей въ сердцахъ...
Я видѣлъ, какъ подъ дымкой лѣни
Цвѣла любовь въ ней, всѣхъ маня...
О, сильфы, дѣти наслаждений,
Богами будьте для меня!..

Малютка милая блистала
Умомъ недѣтскимъ между всѣхъ;
Будилъ всѣ грезы въ вихрѣ бала
Ея безпечный рѣзвый смѣхъ;
Она безъ всякаго усиля
Къ себѣ приковывала взоръ..
О, сильфы, вы ей дали крылья...
О, сильфы, вашъ я съ этихъ поръ!..

Она мелькнула метеоромъ,
Покинувъ слишкомъ быстро насъ...
Ахъ, суждено ли мнѣ хоть взоромъ
Съ ней повстрѣчаться въ добрый часъ?!
Не сталъ ли сильфовъ царь супругомъ
Царицы нѣжныхъ чувствъ огня?
О, сильфы, кто мнѣ будетъ другомъ? —
Къ ихъ трону проведеть меня?..

122710-1

ЛИЗИНЫ СОВѢТЫ.

Мнѣ Лиза на ушко
Даетъ свои совѣты:
„Вамъ, сударь, лучше пѣть,
А не писать куплеты!“.

„Въ конторѣ *) бы сидѣть понравилось вамъ,—
Мнѣ Лиза говорить,—но есть подумать время!
Вѣдь деньги получать за трудъ урочный свой
Изъ самыхъ чистыхъ рукъ—не маленькое время...
Остаться бѣднякомъ для васъ весьма легко,—
Вѣдь вамъ всегда Амуръ настроить можетъ лиру,
Пускай она хрупка, пускай ее разбить
Θемида поклялась—на радость злomu міру!“.

Мнѣ Лиза на ушко
Даетъ свои совѣты:
„Вамъ, сударь, лучше пѣть,
А не писать куплеты!“.

„Займете мѣсто вы, что другъ вамъ предложилъ,
Ребенокъ старый мой, вы станете бояться
Права тѣ прославлять, которымъ вѣренъ онъ,—
Чуть только онъ начнетъ подсчетомъ заниматься...
Казаться будетъ вамъ, что каждый вашъ куплетъ
Всѣ сытые глупцы—забывъ про вдохновенье—
Сочтутъ за вашу лесть, поставивъ и ему
Рядъ вашихъ новыхъ риѣмъ чуть-чуть не въ преступленье“ ..

Мнѣ Лиза на ушко
Даетъ свои совѣты:
„Вамъ, сударь, лучше пѣть,
А не писать куплеты!“.

„Вы, происковъ страшась, не станете тогда
Смѣяться и острить надъ маклеромъ-барономъ,
Который, поддержавъ Священный нашъ Союзъ,
Считаетъ самъ себя всѣхъ королей патрономъ...
Онъ, кризиса боясь, отъ всей души желалъ,
Чтобъ сгибли греки всѣ... Какое благородство!—

*) Эта пѣсня посвящена г-ну Лаффиту, предложившему автору мѣсто въ своей конторѣ—взамѣнъ потеряннаго въ университетѣ.

Чтобъ больше получать процентовъ за кредитъ,
Готовъ всѣхъ христіанъ обречь онъ на банкротство“ ..

Мнѣ Лиза на ушко
Даётъ свои совѣты:
„Вамъ, сударь, лучше пѣть,
А не писать куплеты!“

„И муза можетъ тамъ разсудокъ потерять—
Вообразить, что льстить и гонится за славой,
Сказавъ, что рой интригъ, что хитрость и обманъ,
Въ Палатѣ воцарясь, сидятъ у насъ на правой,—
Что съ лѣвой стороны источникъ всякихъ благъ
На родину течетъ струями золотыми,
Что даже бѣдняки, что даже весь народъ
Хотя когда-нибудь да пользуется ими“ ..

Мнѣ Лиза на ушко
Даётъ свои совѣты:
„Вамъ, сударь, лучше пѣть,
А не писать куплеты!“

Такъ цѣлый часъ меня оракулъ вдохновлялъ
И пунктъ еще одинъ прибавилъ въ назиданье:
„Смѣется падо всѣмъ неравенствомъ любовь;
Для дружбы-жъ не смѣшно, повѣрьте, разстоянье!
Бѣднякъ, богаты вы своею нищетой.—
Всегда радушно васъ встрѣчали у Лаффита,
Вы чокалися тамъ и съ крезами подчасъ,—
Но все, что пили вы, за равенство лишь пито!“ ..

Мнѣ Лиза на ушко
Даётъ свои совѣты:
„Вамъ, сударь, лучше пѣть,
А не писать куплеты!“

Голубь-вѣстникъ.

„Аи“ сверкало искрами веселья,
 Моя Нериса пѣла гимнъ богамъ,
 Съ Эллагою мы Францію родили,
 Вдругъ—голубокъ упаль къ моимъ погамъ..
 Нашла Нериса подъ крыломъ записку,—
 Онъ несъ ее куда-то впереди..
 Пей, вѣстникъ, пей изъ кубка и спокойно
 Спи у Нерисы милой на груди!..

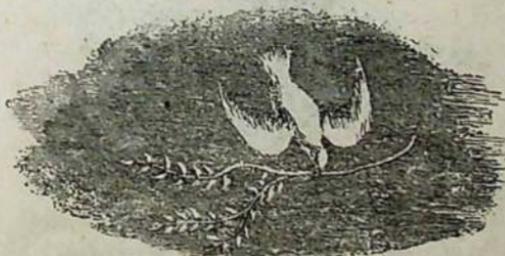
Упаль онъ,—бѣдный путникъ утомленный;
 Скорѣ силы мы ему вернемъ!
 Торговда-ль исполняетъ порученье,
 Летить ли онъ къ красавицѣ съ письмомъ?
 А можетъ быть, несеть онъ отъ несчастныхъ
 Изгнанниковъ послѣднее „Прости!“..
 Пей, вѣстникъ, пей изъ кубка. Отдохнешь ты
 И можешь дальше вѣсть своюнести!..

Но что-то сердцу вѣсть даетъ другую:
 Мнѣ кажется—письмо то изъ Аѳинъ,—
 Есть греки здѣсь... По родственному праву
 Прочтеть ее страны героевъ сынъ...
 О, Боже мой! Друзья!.. Какая новость!..
 Свободны греки!.. Франція, гляди!..
 Пей, вѣстникъ, пей изъ кубка и спокойно
 Спи у Нерисы милой на груди!..

Цвѣтутъ вновь лавры старыя Эллады..
 Пьемъ за Аѳины, за полубоговъ!..
 Напрасно въ дряхлость впавшая Европа
 Лишала славы Греціи сыновъ,—
 Побѣда ихъ сама ввела въ Аѳины...
 Прекрасный городъ, Францію прости!
 Пей, вѣстникъ, пей изъ кубка... Отдохнешь ты
 И можешь дальше вѣсть свою нести!..

Аѳины больше—не музей развалинъ,
 Онѣ—свободны!.. Пиндаръ, гдѣ же ты?
 Возьми свой скипетръ—лиру золотую—
 И пой свободу вѣчной красоты!
 Свободная Эллада, здѣсь въ Парижѣ
 Свои Аѳины новыя найди!..
 Пей, вѣстникъ, пей изъ кубка и спокойно
 Спи у Нерисы милой на груди!..

Прекрасный странникъ Греціи далекой,
 Здѣсь отдохнувъ, къ родному очагу
 Лети скорѣй, и увезуть въ Аѳины
 Тебя опять, забывъ про страхъ къ врагу...
 Всѣмъ королямъ, чей тронъ непрочный шатокъ,
 Ты о свободѣ грековъ возвѣсти!
 Пей, вѣстникъ, пей изъ кубка... Отдохнешь ты
 И можешь дальше вѣсть свою нести!..

Поздній бракъ

(Вольный переводъ).

Четà вступаетъ въ бракъ формальный—
И вотъ трунить надъ нею свѣтъ;
Какъ затѣвать обрядъ вѣнчальный,
Проживши вмѣстѣ двадцать лѣтъ?!

Но, право, строгость тутъ не къ мѣсту,
И можно-ль ставить имъ въ вину,
Что, къ алтарю ведя невѣсту,
Въ ней мужъ ведетъ свою жену?

Ей надоѣлъ вѣнокъ дѣвичій..
Пошли и дочкѣ ихъ Трорець,
Для соблюденія приличій,
Вести Амура подъ вѣнецъ!

Чтобъ узы брака были сладки,
Вина налейте вы въ графинъ;
Имѣвъ дѣтей, вина остатки
Вѣдь сберегли-жъ вы отъ крестинъ?

Д р у ж б а.

Амуръ на розахъ дремлетъ,
Ночь стелетъ пологъ тьмы...
Пусть мракъ весь міръ объемлетъ,—
Прославимъ дружбу мы:
Вѣдь дружба дружбѣ внемлетъ
И у дверей тюрьмы!..

Амуръ-тиранъ насъ заставляетъ
Довольно часто слезы лить,
Онъ намъ оковы отягчаетъ,—
Поможетъ дружба ихъ носить...

Амуръ на розахъ дремлетъ,
Ночь стелетъ пологъ тьмы...
Пусть мракъ весь міръ объемлетъ,—
Прославимъ дружбу мы:
Вѣдь дружба дружбѣ внемлетъ
И у дверей тюрьмы!..

Когда въ одну изъ всѣхъ Бастилій
Я съ музой выѣхалъ самъ-другъ,—
Едва рѣшотку опустили,
Какъ постучалась дружба вдругъ...

Амуръ на розахъ дремлетъ,
Ночь стелетъ пологъ тьмы...
Пусть мракъ весь міръ объемлетъ,—
Прославимъ дружбу мы:
Вѣдь дружба дружбѣ внемлетъ
И у дверей тюрьмы!..

Счастливъ—Амура кто не знаетъ,
Свободный отъ его цѣпей—
Всю память мукъ объединяетъ
Съ завѣтной памятью друзей...

Амуръ на розахъ дремлетъ,
 Ночь стелетъ пологъ тьмы...
 Пусть мракъ весь міръ объемлетъ,—
 Прославимъ дружбу мы:
 Вѣдь дружба дружбѣ внемлетъ
 И у дверей тюрьмы!..

Что слава тѣмъ, кто ждетъ денницы?..
 Друзья, откажемтесь блистать!
 Не лучше-ль мраморъ весь гробницы
 За пухъ подушки намъ отдать?!

Амуръ на розахъ дремлетъ,
 Ночь стелетъ пологъ тьмы...
 Пусть мракъ весь міръ объемлетъ,—
 Прославимъ дружбу мы:
 Вѣдь дружба дружбѣ внемлетъ
 И у дверей тюрьмы!..

О, вы, къ которымъ мысль стремится,—
 Друзья,—не бойтесь зимы!
 Не станемъ Времени страшиться,
 Какъ не пугались и тюрьмы!..

Амуръ на розахъ дремлетъ,
 Ночь стелетъ пологъ тьмы...
 Пусть мракъ весь міръ объемлетъ,—
 Прославимъ дружбу мы:
 Вѣдь дружба дружбѣ внемлетъ
 И у дверей тюрьмы!..

Плохое вино.

О, будь благословенно негодное вино,—
Вреда мнѣ никакого не принесетъ оно!
Пускай распорядитель веселаго стола
Букетъ твой восхваляетъ,—немного въ этомъ зла;
Пусть укуса кислѣе, всѣхъ винъ безвкуснѣй ты,—
Сумѣю на тарелкахъ я поливать цвѣты...

Да здравствуетъ, да здравствуетъ негодное вино,—
Для нашего здоровья вѣдь это все равно!..

Но только—еслибъ выпить меня кто пригласилъ,—
Всѣ мысли, все сознанье во мнѣ бы погасилъ;
Забылъ бы я, пожалуй, совѣты докторовъ,
Что для меня довольно былой любви даровъ,
Что Бахуса приличнѣй лишь въ пѣсняхъ славить мнѣ,—
Коль знаю толкъ я въ старомъ и молодомъ винѣ...

Да здравствуетъ, да здравствуетъ безвкусное вино,—
Для нашего здоровья вѣдь это все равно!

Вотъ если бы кто вздумалъ меня имъ напоить,—
Легко меня могла бы къ себѣ приворожить
Испанка или дѣва другихъ веселыхъ странъ
И вмгъ опустошила-бъ и сердце, и карманъ...
Ну, что бы, что сказала-бъ Лизета мнѣ тогда?
Пожалуй, потерялъ бы кредитъ я навсегда...

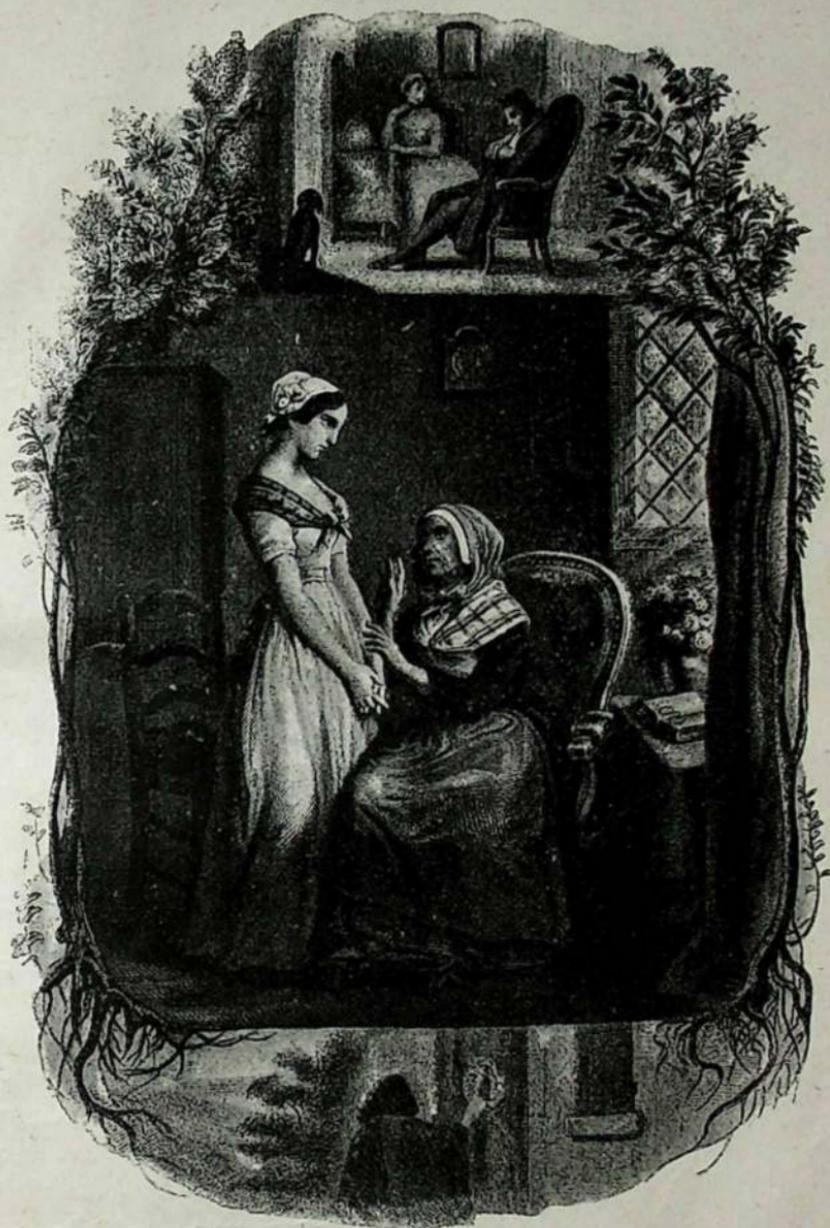
Да здравствуетъ, да здравствуетъ прокисшее вино —
Для нашего здоровья вѣдь это все равно!..

Когда бы отравило оно всю кровь во мнѣ,—
Стихи мои бы стали бессмысленны вполнѣ,
И—вдохновенный хмелемъ—свалиться могъ бы самъ
Я подъ ноги почтеннымъ и важнымъ господамъ;
Отправили меня бы, всему наперекоръ,
Въ тюрьму для размышленій... А, впрочемъ, это—вздоръ!

Да здравствуетъ, да здравствуетъ негодное вино —
Для нашего здоровья вѣдь это все равно!..

Что вижу? Исчезаетъ кислотина кругомъ
(А я вѣдь не на шутку считалъ ее врагомъ!),—
Повсюду ей на смѣну запѣнился пектаръ,
Шипучій, искрометный, боговъ достойный даръ...
Налейте мнѣ скорѣе! Еще, еще сюда!..
Философъ я, но выпить не прочь я никогда!..
Налейте же! Не бойтесь же бокала моего, —
Полезнѣе вина пѣтъ на свѣтѣ ничего!..

Любовный напитокъ.

Умри, такъ надо!.. Ты въ себѣ скрываешь
Даръ наслажденія—небесъ могучій даръ..
Верни Амуру отнятый тобою
Огонь любви и молодости жарь!..

Сказала мнѣ вчера одна старушка,
Припомнивъ и своей весны разцвѣтъ:
— „Ахъ, Клара! Гдѣ-жь румянецъ щечекъ вашихъ?
Какъ вы блѣдны!.. А вамъ вѣдь двадцать лѣтъ...“

„Я слышала, что вашъ гордецъ-папаша
Въ замужество васъ отдалъ старику;
Руководясь расчетами своими,
Обрекъ онъ васъ на вѣчную тоску...“

„При видѣ васъ съ холодною усмѣшкой
Амуръ— „Я обворованъ!“—говоритъ:
„Какъ безъ росы порой бываютъ ночи,
Такъ и она плодовъ не подаритъ!“

„Я обмануть Амура научу васъ:
Напитокъ есть... Онъ—въ сердцѣ старика
Зажжетъ огонь желанья молодого,
Онъ дастъ и вамъ желаннаго сына“...“

И тутъ она мнѣ голосомъ дрожащимъ
Передала рецептъ свой до конца..
Не будь ея,—въ порывѣ изступленья
Я прокляла-бъ и мужа, и отца!..

Я на зарѣ пришла подъ этотъ ясень,
Рука моя скользнула по вѣтвямъ..
Тамъ отдыхала мушка золотая,
Она—въ рукѣ... Ей вырваться не дамъ!..

Умри, такъ надо!.. Ты въ себѣ скрываешь
Даръ наслажденія—небесъ могучій даръ..
Верни Амуру отнятый тобою
Огонь любви и молодости жарь!..

И дни, и ночи--разочарованье, —
 Вся жизнь была мученіемъ однимъ;
 Едва-едва, сквозь слезы, я давала
 Названіе желаніямъ моимъ...

Горѣло сердце; и теперь—пылаетъ...
 Напитокъ чудный, полный дивныхъ чаръ!
 Ты утолишь ли жажду страсти знойной?
 Зальешь ли ты моей души пожаръ?!

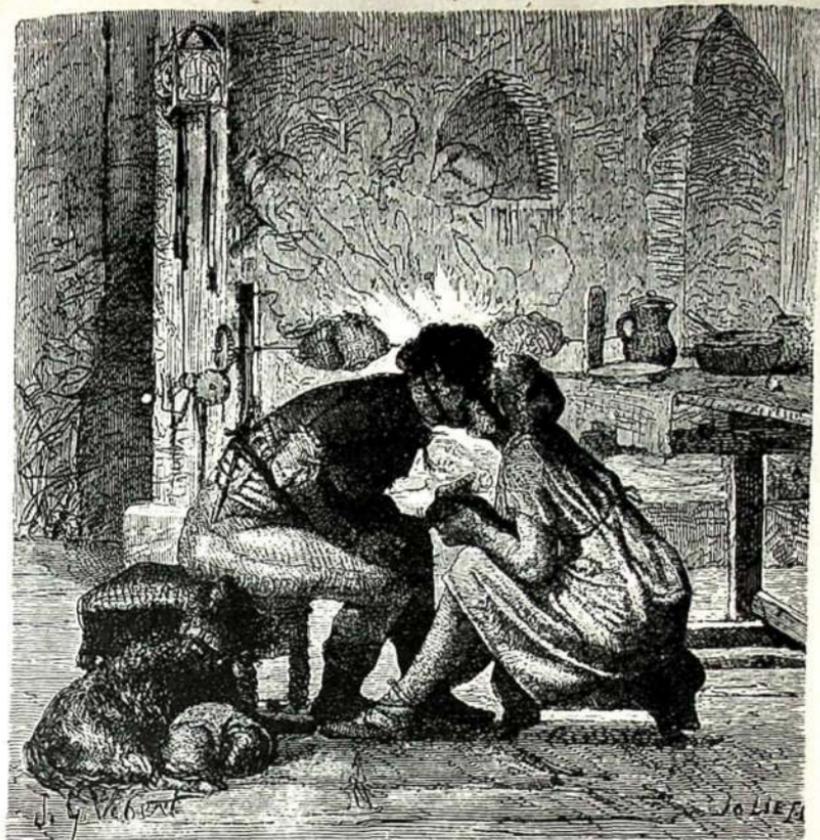
Отець, отецъ! Тебѣ бы лучше было
 Дочь схоронить въ стѣнахъ монастыря:
 Тамъ гаснутъ страсти, для изгнанницъ жизни
 Тамъ тихимъ свѣтомъ теплится заря...

Гдѣ-жь милый мой, мечтала о которомъ
 Я съ юныхъ дней, красавецъ мой женихъ?
 Въ его объятыхъ нѣжная стыдливость
 Напитковъ не искала-бъ никакихъ!..

Сказала мнѣ старушка: „Будь послушна, —
 И завтра же похвалишь муженька;
 И завтра же у вашего порога
 Повѣшу я цвѣтушихъ два вѣнка!“

Уми-жь, такъ надо!.. Ты въ себѣ скрываешь
 Даръ наслажденія—небесъ могучій даръ...
 Верни Амуру отнятый тобою
 Огонь любви и молодости жаръ!.

Вертелъ.

Я колоколь обѣданный люблю,
Но не вездѣ зовутъ обѣдать звономъ;
Предъ вертеломъ охотнѣе всегда
Склоняюсь я съ почтительнымъ поклономъ..
Сближаетъ онъ и друга, и врага;
Принцъ съ буржуа—становятся своими..
И подъ его „тикъ-такъ“ когда-нибудь
Подпишутъ миръ между двумя жаркими!..

Пускай потомъ вновь ссору заведутъ
За музыкой—какъ въ годы Бонапарта;
Пусть итальянецъ ловкій Амфiонъ
Тамъ побѣдитъ великаго Моцарта!
Я лишь однимъ мотивомъ дорожу,—
Онъ верхъ возьметъ всегда вѣдь надъ другими:
„Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!“... Когда-нибудь, ей-ей,
Подпишутъ миръ между двумя жаркими!..

Пускай Фортуна къ колесу влечетъ
 Хоть тысячи искателей почета;
 Пусть въ грязь бросаетъ, пусть хоть къ небесамъ
 Подниметъ тѣхъ, есть у кого охота!..
 Мой взоръ влечетъ твое лишь колесо,
 Волшебникъ-вертель! Ты—царишь надъ ними!..
 „Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!“... Ей-ей, когда-нибудь
 Подпишутъ миръ между двумя жаркими!..

Сооруженье дивное—часы;
 Но, времени теченья указуя,
 Опредѣлятъ они кругъ нашихъ дней,
 Ни радуя собою, ни чаруя...
 А вертель тѣмъ особенно хорошъ,
 Что вкусъ бодритъ движеньями своими...
 „Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!“... Когда-нибудь, ей-ей,
 Подпишутъ миръ между двумя жаркими!..

Его вѣдь только, въ сказочной дали,
 И не хватало золотому вѣку;
 Его пружину дружба въ наши дни
 Изобрѣла на радость человѣку...
 Ея рука заводитъ вертела,—
 Да здравствуютъ они и мы всѣ съ ними!
 „Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!“... Ей-ей, когда-нибудь
 Подпишутъ миръ между двумя жаркими!..

Науки.

Неясный свѣтъ, меня ты утомилъ,
Вводя собой нерѣдко въ заблужденья!
Хотѣлъ изгнать я всѣхъ красавицъ-музъ
И стать ученымъ принималъ рѣшенье...
Зачѣмъ, къ чему?! Наука сердце мнѣ
Не выведетъ изъ жизненнаго плѣна...
Останьтесь, музы! Будь, Амуръ, со мной!
Лизета, дай мнѣ томикъ Лафонтена!..

Армидою природа мнѣ была,
Въ ея садахъ бродилъ я изумляясь;
Спокойно химикъ царствуетъ надъ ней,
Въ ея останкахъ ревностно копаюсь..
Нѣтъ ничего, чего бы онъ въ свой горнъ
Не положилъ, слѣдя за силой газовъ...
Останьтесь, музы! Будь, Амуръ, со мной!
Поищемте въ поэзи алмазовъ!..

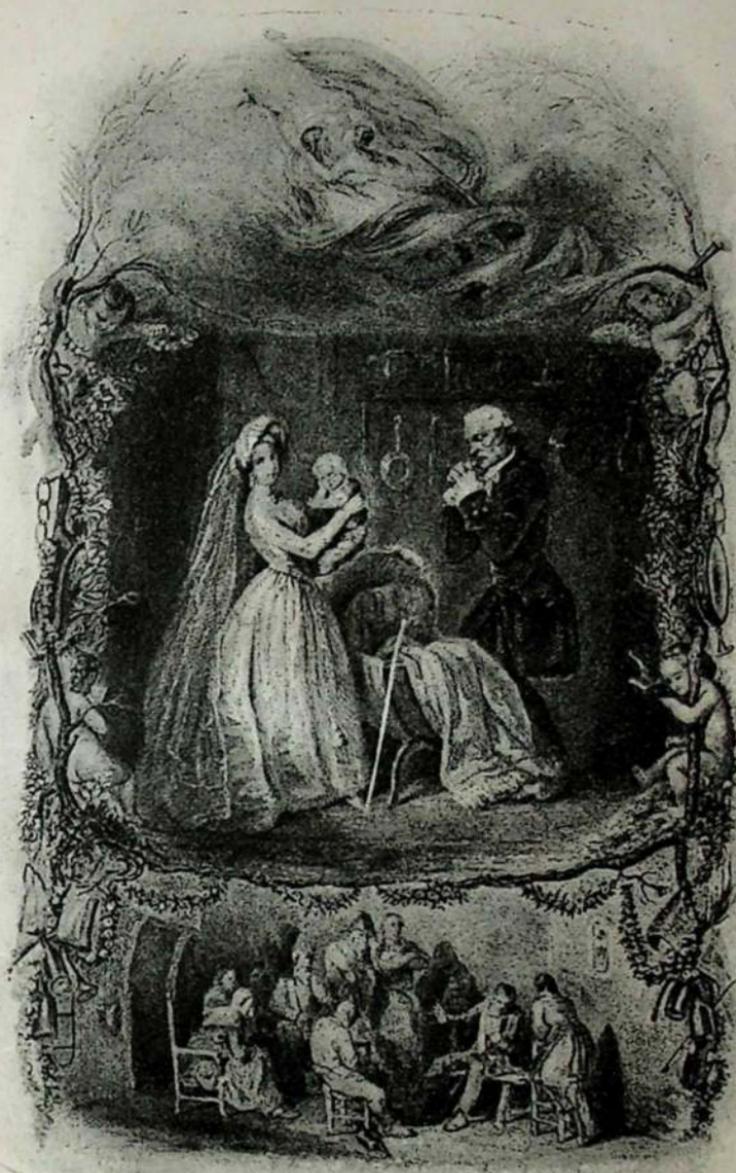
Я вспоминаю сказочницъ-старухъ,
Когда всѣхъ важно физикъ увѣряеть,
Что мертвецы, покорные ему,
Законы жизни нашей объясняютъ;
Онъ видитъ въ каждой лампѣ механизмъ,
А я хочу огонь ея лишь видѣть...
Останьтесь, музы! Будь, Амуръ, со мной!
Съ Лизетой мы васъ не дадимъ обидѣть!..

Что еслибъ небо тезисамъ наукъ
Повиноваться сразу отказалось!..
Ошибокъ мало-ль каждый Божій день
Межъ ножками у циркуля являлось!..
Богатъ нашъ вѣкъ походами назадъ,—
Вѣдь физику давно-ль всю измѣнили?..

Останьтесь, музы! Будь, Амуръ, со мной!..
Мы отступленій сроду не любили!..

Пусть сердце сердцу только говорить,—
Поэзіей давайте наслаждаться!
Поэзія—амврозія боговъ,—
Ей химіи не стануть ушиваться...
Меня страшитъ безмолвіе могилъ,
Мой вечеръ жизни вѣетъ грустью тлѣна...
Останьтесь, музы! Будь, Амуръ, со мной!
Лизета, дай мнѣ томикъ Лафонтена!..

Портной и фея *).

Въ Парижѣ—городѣ богатствъ и нищеты,
Году такъ въ тысяча семьсотъ восьмидесятомъ,
Жиль-быль бѣднякъ-портной, и у портного внукъ
Родился въ августѣ—передъ числомъ двадцатымъ...
Не изъ цвѣтовъ была у внука колыбель,
Не предвѣщало мнѣ ничто судьбы Орфея,—
Но какъ-то дѣдушка на плачь мой прибѣжалъ
И видить—на рукахъ меня качаетъ фея...

И пѣсенка ея страданій первыхъ крикъ
Успокоеніемъ смѣнила въ тотъ же мигъ...

Добрякъ-старикъ, въ глаза тревожно ей смотря,
Спросилъ волшебницу: „Что рокъ сулитъ дитяти?“
„Въ трактирѣ будетъ онъ,—отвѣтила она,—
Потомъ—въ приказчикахъ, въ работникахъ печати...
Ударомъ молніи онъ будетъ пораженъ,
Едва избѣгнетъ онъ погибели случайной;
Но Богъ его спасетъ, какъ птичку въ часъ грозы,
Для пѣсенъ, для борьбы совсѣмъ необычайной“...

И снова зазвенѣлъ чарующій напѣвъ,
Смѣняя радостью мой первый дѣтскій гнѣвъ...

„Проснется молодость, и юныя мечты
Настроить въ первый разъ живое вдохновенье,—
И отзовется пѣснь подъ кровлей бѣдняка,
Избавитъ отъ тоски питомцевъ наслажденья...
На все откликнется онъ въ пѣсняхъ: на печаль,
На радость, на любовь, на славу, на свободу,—
Какъ возвратившійся домой къ себѣ морякъ—
Про всѣ крушенія повѣдаетъ народу“...

И голосъ ласковой мелодіей звучалъ,
И первый дѣтскій плачь подъ пѣсню затихалъ...

*) Пѣсня, пѣтая моимъ друзьямъ 19-го августа, въ день моего рожденія
Беранже).

Прервалъ ее старикъ: „Что пѣсни! Звукъ пустой!..
 Пѣвала дочь моя, да вышло малѡ толку;
 По моему—чѣмъ пѣть да голодать вѣкъ свой,—
 Такъ лучше день и ночь держать въ рукѣ иголку“...
 „Не огорчайся, дѣдъ!—промолвила она:—
 Талантъ иныхъ пѣвцовъ дороже всякой прозы!
 Пѣснь внука твоего ударить по сердцамъ,
 Пробудитъ бодрый смѣхъ, осушить въ горѣ слезы!“.
 И фея добрая баюкала меня,
 Напѣвомъ радостнымъ въ край счастья маня...

Друзья, вчера я былъ печалень и угрюмъ,
 Но вдругъ—передо мной опять явилась фея,
 Мнѣ руку подала и молвила: „Старикъ!
 Признайся, ты не ждалъ, что вновь приду къ тебѣ я!..
 Какъ иногда мелькнетъ въ пескахъ пустынь миражъ,
 Такъ грезы юности на склонѣ дней проснутся...
 Живи и пой друзьямъ!.. Ихъ—много у тебя
 И кромѣ тѣхъ, что въ день рожденья соберутся!“...
 И голосъ ласковый страданій поздній крикъ—
 Какъ нѣкогда—смѣнилъ успокоеньемъ вмигъ...

Уборъ новобрачной.

Завтра идите безъ страха во храмъ...
Въ вѣрности клятву не дать почему-же,—
Если хотите меня промѣнять
Вы на богатаго стараго мужа?!.
Что же, что взялъ я обильную дань
Съ вашихъ сокровищъ (былъ шагъ неудачный!),—
Я вамъ въ обмѣнъ предлагаю уборъ —
Дивный уборъ новобрачной!..

Вотъ вамъ цвѣты померанца... Пусть ихъ
Къ вашей фатѣ прикрѣпятъ,—и, конечно,
Вашъ возгордившійся счастьемъ женихъ
Скажетъ друзьямъ всѣмъ: „Она безупречна!“.
Сплетничать будетъ, пожалуй, Амуръ,—
Развѣ повѣритъ женихъ вашъ невзрачный?!.
Полно, не бойтесь же, съ васъ не сорвутъ
Этотъ уборъ новобрачной!..

Примутся ваши подруги дѣлать
Ваши цвѣты подвѣчные... Надо
Такъ по обычаю... Кое-чего
Вамъ неостанетъ еще изъ наряда...
Не угадать вамъ—чего—никогда!..
Вы позабыли подвязку въ удачный
Мигъ для меня... Что-же, прибавить ее
Въ этотъ уборъ новобрачной?!

Свадебный пиръ будетъ скученъ у васъ,—
Рѣчи да тосты все, тосты да рѣчи,—
Все будетъ такъ, какъ должно тому быть;
Полночь погасить всѣ лампы и свѣчи...

Позднее утро настанетъ,—разъ сто
Будетъ твердить всѣмъ супругъ вашъ невзрачный,
Что укололъ свои пальцы Гименъ,
Снявъ вашъ уборъ новобрачной...

Мужъ вашъ доволенъ, счастливъ и рогать,—
Будетъ, конечно, обмануть и снова..
Боже, какая счастливая мысль!—
Мнѣ улыбнулась надежда былого..
Пусть поклялись вы быть вѣрной ему,
Пусть вы оплакали шагъ неудачный,—
Вы не забудьте потомъ заплатить
Мнѣ за уборъ новобрачной!..

Б о л ъ н о й .

Болѣзнь надрываетъ мнѣ грудь,
Мой голосъ отъ муки слабѣтъ;
А все возрождается вновь,
Боярышникъ цвѣтомъ пестрѣтъ...
Я видѣлъ, какъ утромъ пчела
Искала въ цвѣтахъ его меду;
Улыбкою съ ясныхъ небесъ
Творецъ оживилъ всю природу...

Вернись, мой голосъ, слабый голосъ нѣжный, —
Сіяетъ солнце радостно опять;
Немало будетъ дней отрады безмятежной,
Которые такъ сладко воспѣвать!..

Мой докторъ стаканъ отобралъ, —
„Веселья, сказалъ онъ, довольно!“
Жизнь хмуро глядитъ на меня,
И думы мрачнѣютъ неволью...
Но вновь появился Амуръ,
Вьютъ гнѣзда свободныя птицы,
Потокъ наслажденій кипитъ
Подъ лаской весенней денницы...

Вернись, мой голосъ, нѣжный голосъ чистый, —
Сіяетъ солнце радостно опять;
Дарить и жизнь улыбкою лучистой, —
Какъ наслажденій намъ не воспѣвать!..

Въ честь родины пѣснь пропоемъ,
Отмстимъ за бывшее забвенье
Трехъ нашихъ прекрасныхъ цвѣтовъ, —
Всю Францію ждетъ возрожденье!..
Не надо намъ новыхъ именъ,
Когда нашъ орелъ не летаетъ!..
Трибуна въ дни бури для всѣхъ
Опасность одну общаетъ...

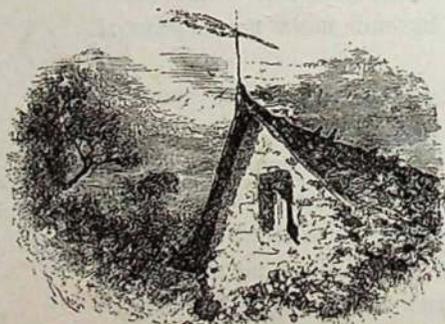
Вернись, мой голосъ, слабый, но свободный,—
Сіяетъ солнце радостно опять;
Есть въ мірѣ слава доблести народной,—
Намъ славы той нельзя не воспѣвать!..

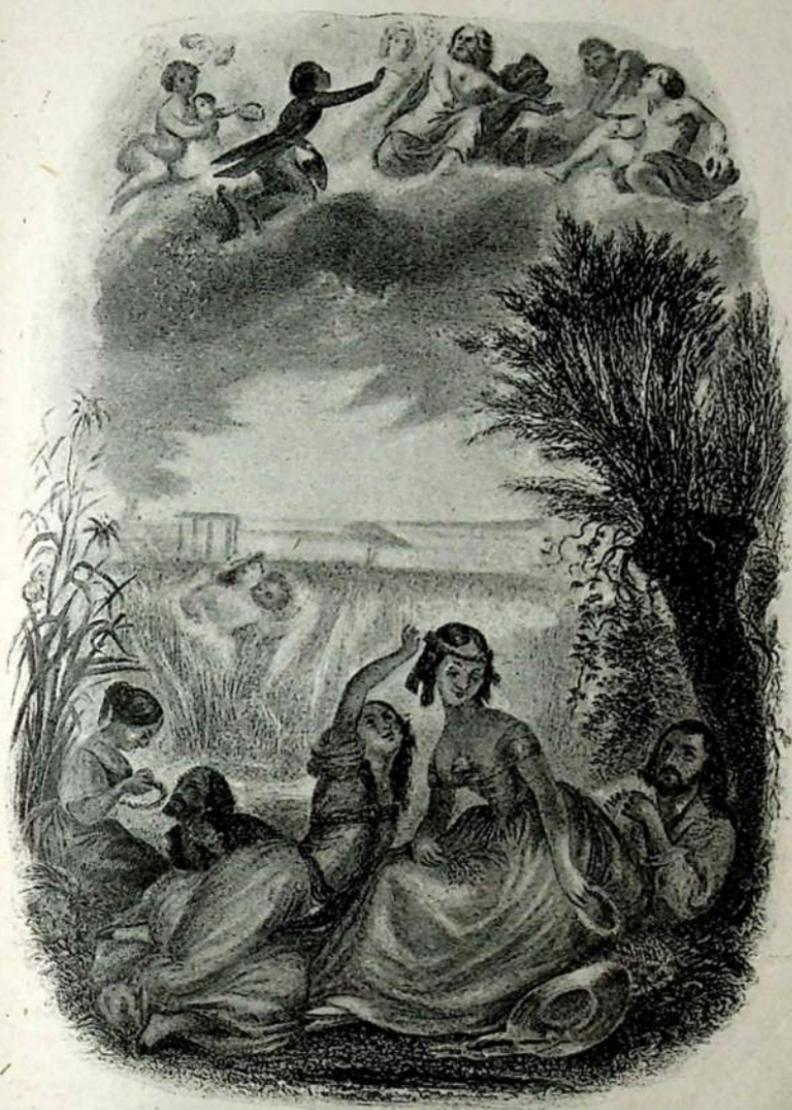
Свобода-изгнанница къ намъ
Придетъ... На колѣни, тираны!
Вы тщетно душили ее
И ей наносили всѣ раны!
Напрасно народовъ чужихъ
Зоветь къ намъ въ Парижъ тиранія, —
Отхлынетъ ихъ дикій потокъ,
Едва всколыхнется стихія!..

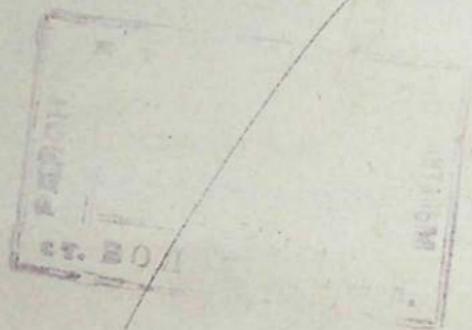
Вернись, мой голосъ, слабый, но побѣдный,—
Сіяетъ солнце радостно опять;
День торжества идетъ къ отчизнѣ бѣдной,—
Родныхъ торжествъ какъ намъ не воспѣвать!..

Но что говорю я?.. Увы!..
Земля вешней радости внемлетъ
Въ прекрасномъ нарядѣ своемъ...
А мужество Франціи дремлетъ!..
Въ своихъ добровольныхъ дѣпяхъ
Мы смотримъ, какъ вянуть всѣ розы;
Безмолвно мы ждемъ... Только вы
Сдержаться не можете, слезы!..

Вернись, мой голосъ, полный состраданья,—
Сіяетъ солнце радостно опять;
Но есть еще, на свѣтѣ есть страданья!
Намъ стыдно ихъ, грѣшно не воспѣвать!..

ВѢНОКЪ ИЗЪ ВАСИЛЬКОВЪ.

Я—прямо съ неба къ вамъ пришелъ,—
Тамъ не знакомы со слезами...
Красотка рѣзвая моя,
Играть опасно вамъ цвѣтами!
Вы шаловливы, но умны
(Ни съ кѣмъ не стану я лукавить!),—
Хочу я только васъ отъ слезъ,
Отъ слезъ напрасныхъ васъ избавить...
На небесахъ толстякъ Зевесъ,
Радѣя Бахусову трону,
Вообразилъ, что увидалъ
Въ Европѣ новую корону...

Толстякъ вдругъ вспыхнулъ гнѣвомъ весь,—
Воскликнулъ грома обладатель:
„Кто смѣетъ тамъ короновать,
Когда ужъ мертвъ коронъ создатель*!)..
Не ждать добра отъ этихъ дѣлъ;
Ужъ это слишкомъ безразсудно!
Направимъ молнію скорѣй, —
Пока сорвать вѣнецъ не трудно...
Безумцамъ отомстить пора,—
За право слабаго—отмщенье!..
Хочу сейчасъ я проучить
Всѣхъ королей безъ исключенья!“...

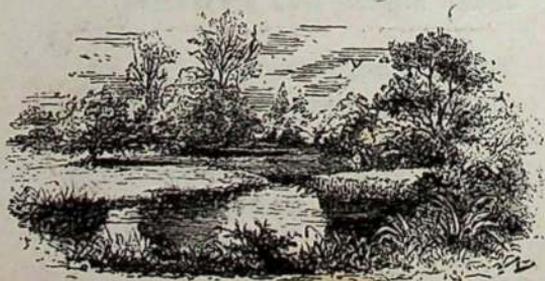
Тутъ я вошелъ поспѣшно въ залъ
(Куда нашъ братъ не проникаетъ!..),—
Смотрю—прицѣлился Зевесъ,
Въ кого стрѣлять—и самъ не знаетъ .
Снялъ шляпу я, заговорилъ:
„Сдержись, сынъ Хроноса ретивый!

*) Намекъ на Наполеона I.

Твой безразсуденъ приговоръ,
 Твои вѣсы совсѣмъ фальшивы...
 Я апеллирую!.. Зашелъ
 Сюда къ тебѣ какъ разъ я встати...
 Скажи мнѣ—есть ли у тебя
 Свои „хранители печати“?!

„Иль ты ослѣпъ?.. Надѣнь очки,
 Двойными посмотри глазами,
 Ты самъ увидишь—не король
 Тамъ, на землѣ, увѣнчанъ нами...
 Смотри—улыбка на устахъ,
 Во взорѣ—кротости сіянье,—
 Не воплощенная-ль мечта
 Все это милое созданье?..
 Твой громъ беззвученъ для глухихъ,
 Блескъ молній всѣмъ слѣпцамъ не виденъ.
 Ужель вѣнокъ изъ васильковъ
 Тебѣ, могучему, завиденъ?!“.

Вглядѣлся старый...—„Ну, дѣла!..
 И далъ бы я всѣмъ на смѣхъ маху!
 Стрѣлять въ красавицу хотѣлъ...
 Но все-жъ на мѣръ нагонимъ страху!“...
 „Рази,—отвѣтилъ я,—стрѣлай,
 Но не по нашей бѣй планетѣ,—
 Повыше-ль, ниже-ль гдѣ-нибудь
 Найди достойныхъ жертвъ на свѣтѣ!“.
 Какъ счастливъ я, что защититъ
 Пришлось мнѣ васъ отъ стрѣлъ Зевеса!..
 Вѣдь я узналъ, что онъ сразилъ
 Двухъ голубковъ подъ сѣнью лѣса...

Дамокловъ мечъ.

Дамокловъ мечъ прекрасно всѣмъ знакомъ...
Приснилось мнѣ, что былъ я въ Сиракузахъ,
Что онъ висѣлъ, качаясь, надъ столомъ,
Всѣхъ заставляя забывать о музахъ...
Мнѣ снилось, что грозный Діонисъ
Повелѣвалъ мнѣ сѣсть подъ мечъ Дамокла...
Я сѣлъ, вскричавъ: „Свершись, судьба, свершись,—
Пока поэта слава не поблекла,—
Пока мой кубокъ пѣнится виномъ,
Пока я пѣснь свободную слагаю!..
Старикъ-тиранъ, смѣюсь я надъ мечомъ,
Я пью, пою, твоихъ стиховъ *) не знаю!“

„Вина! Еще налейте мнѣ вина!“—
Я говорилъ мундшенкамъ Діониса:
„Полнѣй, полнѣй! Я выпью все до дна—
За добрыхъ всѣхъ и за свою Нерису!..
Тиранъ, тебя ничей не тронетъ стонъ;
Ты про любовь не сложишь и куплета!
Къ тебѣ придти не хочетъ Аполлонъ,—
Что ты строчишь—все поглощаетъ Лета...“

*) Діонисъ, тиранъ сиракузскій, считая себя поэтомъ, писалъ много стиховъ. Всѣхъ, кто имѣлъ смѣлость не одобрять ихъ, онъ отправлялъ въ тюрьму. Преданіе добавляетъ къ этому, что иногда этотъ древній властитель сажалъ провинившихся въ этомъ за пиршественный столъ на то мѣсто, надъ которымъ висѣлъ на тонкой веревкѣ отточенный мечъ, и въ извѣстный моментъ обрывалъ веревку, такъ что казнь преступника совершалась тутъ же, на шпру.

Среди несчастій, ужасовъ и бѣдъ
 Насъ веселить богъ свѣтлыхъ вдохновеній...
 Твой мечъ смѣшонъ; твои творенья—бредъ!
 Смѣясь надъ ними, пью за вольный геній!

„Ты,—если совѣсть будетъ позволять
 Попржнему впадать въ стихокропанье,—
 Трудъ на себя возьми порой склонять
 Свой слухъ туда, гдѣ слышенъ вопль страданья!
 Прислушивайся къ родинѣ своей,—
 Повѣрь, она—отзывчивая муза,
 Хоть рѣдко вдохновляетъ королей
 И нашего Священнаго Союза *)...
 Запомни ты: есть благородный сокъ
 И въ хрупкомъ деревцѣ, въ цвѣтахъ есть ароматы!..
 Старикъ-тиранъ, хоть мечъ твой не далекъ, —
 Я пью, смѣюсь и не боюсь расплаты!..

„Тебѣ покажется, что ты ужъ навсегда
 Взялъ славу Пинда, если лавры скроютъ
 За золото тебя отъ мукъ стыда
 И возмущеніе потомковъ успокоютъ...
 Но ты забылъ про смрадь темницъ твоихъ,
 Про судъ исторіи, ничѣмъ неотвратимый?...
 Забылъ про музъ-сестеръ, про старшую изъ нихъ,
 Про Клію вѣщую, тиранъ неумолимый?!
 При имени твоємъ—она сюда придетъ
 И надъ твоей могилой цѣпи наши
 Положить на вѣсы.. Твой скоро часъ пробьетъ!..
 Смѣюсь я надъ тобой и пью изъ ловой чаши!“

— „Такъ пусть же ненависть спасетъ меня хоть разъ
 Отъ словъ презрѣнія!“—воскликнулъ царь веселый
 И—нитку оборвалъ, и мечъ упалъ сейчасъ
 На лысину мою—Дамокловъ мечъ тяжелый...
 Я кровью залился и слышалъ, какъ во снѣ,
 Что всюду раздались хваленья Діонису...
 Я умеръ... Въ адъ пришлось спуститься быстро мнѣ;

*) Намекъ на Людовика XVIII, также питавшаго страсть къ стихосложенію и считавшаго себя поэтомъ.

Жалѣлъ лишь я, что тамъ не встрѣтить мнѣ Нерису...
Смотрю—сѣжу въ аду я съ чашею вина
Съ Плутономъ за столомъ и громко распѣваю:
„Старикъ-тиранъ, мнѣ власть твоя смѣшна!..
Я пью, пою, твоихъ стиховъ не знаю!“...

Больница.

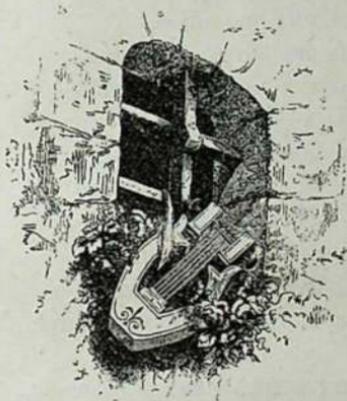
Я въ королевскій госпиталь однажды
Быль долженъ лечь и долго пролежать;
Уходь искусный былъ тамъ, за лѣченье
Хотѣлъ ужь я судьбу благословлять..
Но Дружба вдругъ больного посѣтила
И говорить: „Умѣють здѣсь лечить,
Но всетаки—на всякій случай—надо
Больницу поскорѣй перемѣнить!“...

Я согласился... Не прошло и сутокъ,
Какъ я лежалъ въ лечебницѣ другой
И такъ себя почувствовалъ прекрасно,
Какъ будто вовсе не былъ и больной..
Начальницей—тамъ милая Жаннета,—
Покинувъ храмъ житейской суеты,
Она въ живой свѣтильникъ превратилась
И въ ангела безмѣрной доброты*)...

Межъ двухъ сестеръ—подвижницъ милосердыя—
Окончилъ дни великій нашъ Мольеръ;
Жаннета долгъ творцу театра платить,
Взявъ съ нихъ благой, достойнѣйшій примѣръ..
Она во храмъ Талии служила,—
Могла бы долго тамъ еще блистать,
Играя всѣхъ мольеровскихъ субретокъ,—
Но ей пришлось больницу основать...

*) Это стихотвореніе посвящено г-жѣ Жеводанъ, которая—подъ фамиліей Девіенъ—долго блистала на сценѣ „Французскаго Театра“, не имѣя соперницъ въ роляхъ субретокъ, а затѣмъ, выйдя замужъ за богатаго чело-вѣка, посвятила себя благотворительности.

Лишь Дружба тамъ даетъ страдальцамъ мѣсто,—
Счастливецъ я—нашлось оно и мнѣ!
Готовъ гостить въ отелѣ этомъ чудномъ
И—даже еслибъ былъ здоровъ вполне...
День именинъ сегодня, день Жаннеты .
Хотѣлъ бы я сейчасъ повеселѣть!
Скорѣй налейте мнѣ моей микстуры,—
Быть можетъ, я сумѣю опьянѣть!..

Тридцатилѣтней бабушкѣ.

„Не молодить и дружба!“ —
Есть афоризмъ у насъ;
Но я ему не вѣрю,
Лишь посмотрю на васъ!
Да развѣ можно вѣрить?! —
Вѣдь я—вашъ старый другъ,
Васъ „бабушкой“ зову я,
А вы—„мой милый внукъ“...
Для многихъ дамъ обиднымъ
Казался-бъ этотъ чинъ...
Ахъ, бабушка, утѣштесь,—
У васъ вѣдь нѣтъ морщинъ!..

Скажите мнѣ—вашъ возрастъ
Въ васъ погасилъ мечты?
Смѣшны вѣдь вамъ,—скажите,—
Любви живой цвѣты?!
Всѣ бабушки на свѣтѣ
Берутъ себя въ примѣръ
И пылъ страстей считаютъ
Сплетеніемъ химеръ...
Вѣдь волосы—съ годами—
Теряютъ прежній цвѣтъ...
Ахъ, бабушка, утѣштесь,—
Сѣдинъ у васъ вѣдь нѣтъ! .

Всѣ бабушки—ворчуньи,
Любовь боится ихъ,—
Хоть многія заводятъ
Альфонсовъ молодыхъ...
Богатымъ ли старушкамъ
Любовниковъ искать?—

Но въ томъ бѣда, что трудно
Записочки читать:
Слабы глаза,—порою
Не разобрать трехъ словъ..
Ахъ, бабушка, утѣштесь,—
Читайте безъ очковъ!..

Какъ, ни морщинъ у васъ нѣтъ,
Нѣтъ ни сѣдыхъ волосъ,
Вамъ и очковъ не надо?..
Но, впрочемъ, вотъ—вопросъ:
Колѣна не дрожать ли
У васъ хоть иногда,—
Ну, хоть Амуръ ласкаетъ
Ручонкой ихъ когда?!
Сознаться надо—это
Случается порой..
Ахъ, бабушка, считайте
Меня за посохъ свой!..

Разбитая скрипка.

Поди сюда, мой вѣрный песъ!
Мы больше плакать ужь не будемъ,—
Пирогъ раздѣлимъ пополамъ,
А завтра черствый хлѣбъ добудемъ...

Вчера сказали мнѣ враги,
Насъ побѣдившіе обманомъ:
„Играй! Мы будемъ танцовать!“ ..
Предъ ихъ не сталъ играть я станомъ...

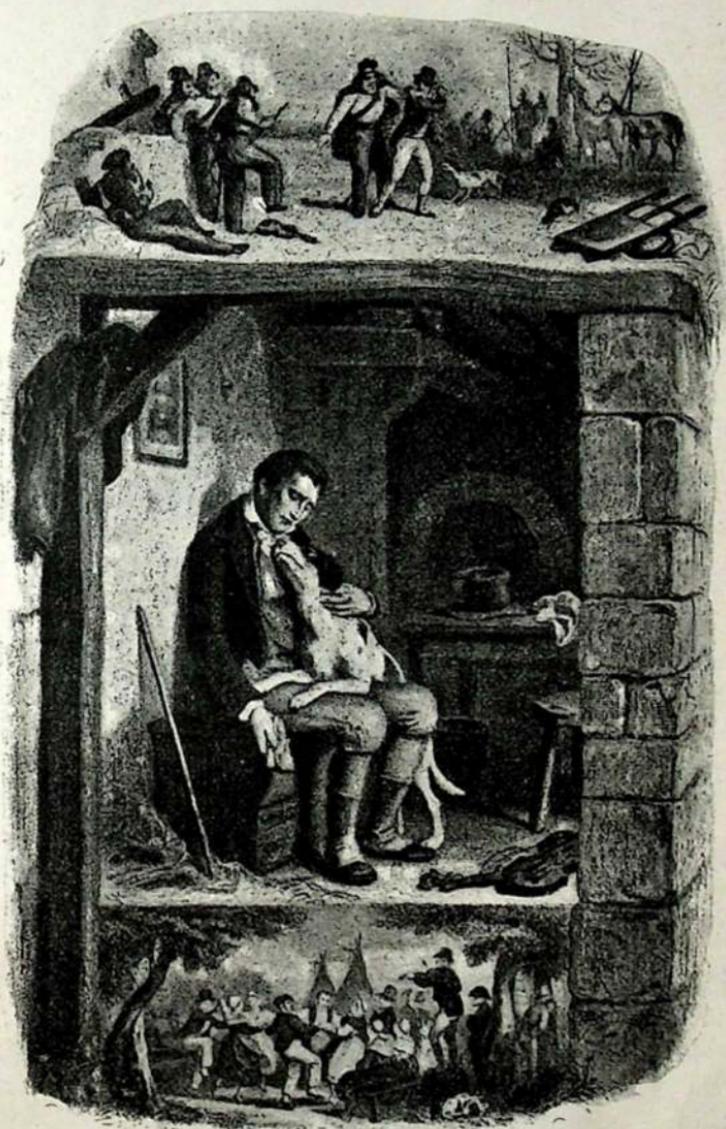
Одинъ взялъ скрипку и разбилъ, —
Погибъ оркестръ во всей долині!
Не будетъ праздниковъ у насъ,
Не будетъ танцевъ здѣсь отнынѣ! ..

Смычкомъ нажатая струна
Невѣстѣ юной возвѣщала,
Что ждетъ красавицу женихъ,—
Рѣзвуха мигомъ прибѣгала ..

Бывало, стѣишь заиграть,—
Деревня вся затанцовала ..
Такая скрипка-бъ короля
Въ унылый часъ развеселила! ..

Хотя прелюдіи она
Играла къ пѣснямъ нашей славы,
Ну, могъ ли думать я, что ей
Отмстить за нихъ пришлецъ лукавый!..

Поди сюда, мой вѣрный песъ!
Мы тосковать съ тобой не будемъ,—
Пирогъ послѣдній доѣдимъ,
А завтра черствый хлѣбъ добудемъ...

Воскресный скученъ будетъ день, —
 Веселье не придетъ подь липки;
 Сборъ винограда Самъ Господь
 Благословить ли здѣсь безъ скрипки?..

Давая отдыхъ, забывать
 Она страданья помогала;
 Налоговъ всякихъ тяготу
 Деревнѣ бѣдной облегчала;

Смолкала ненависть предъ ней
 И даже слезы высыхали...
 Принесъ ли скипетръ хоть одинъ
 Отрады столько же?... Едва-ли!..

Нашъ врагъ коваренъ и хитеръ, —
 Такъ пусть отвагу онъ оцѣнить,
 Когда въ рукахъ моихъ ружье
 Мнѣ скрипку старую замѣнить! .

Скорѣе — въ путь!.. Друзья мои,
 Коль не вернусь въ свое жилище, —
 Скажите: „Не далъ онъ врагамъ
 Плясать на нашемъ пепелищѣ!“ ...

Поди сюда, мой вѣрный песъ!
 Мы нашу скрипку не забудемъ!..
 Возьми остатокъ пирога, —
 Пусть завтра голодны мы будемъ!..

Свадебный контрактъ.

„Молю васъ, государь, постоител..
(Король сталъ съ лѣстницы сходить...)
Моей женѣ благодарной
Соблаговолите отомстить!“...
Король сказалъ: „Прочь уберите
Безумца этого скорѣй!“
„Король! Вы сами подписали
Контрактъ мой свадебный *),—ей-ей!“...

Король невольно улыбнулся,
Сказавъ въ отвѣтъ: „Простолюдинъ,
Ну, объясняй скорѣй, въ чемъ дѣло!“...
„Ахъ, государь, я дворянинъ,—
На честно нажитыя деньги
Купилъ я гербъ и титулъ (фактъ!),
И вы же сами подписали,
Король, мой свадебный контрактъ...

„Я взялъ жену въ одной рубашкѣ,
Игралъ я рыцарскую роль;
Ея отецъ сказалъ: „Контрактъ вашъ
Пускай подпишетъ самъ король!“.—
Контрактъ поднесъ я вамъ, и клякса
Упала съ вашего пера..
Король, контрактъ вы подписали,
Но клякса не сулитъ добра!..

„Я былъ тогда въ парадномъ платьѣ..
Но, чтобъ не удлинять рассказъ,

*) Встарину, во Франціи у знатныхъ людей было въ обычаѣ просить короля подписать брачный контрактъ. Впослѣдствіи это обратилось въ настоящую магію.

Скажу я—пажъ тогда красивый
Держаль чернильницу для васъ;
Моя невѣста заглядѣлась..
Вчера-жь ихъ вмѣстѣ я засталъ...
О, ужась! Что за оскорбленье!..
Король контрактъ вѣдь подписалъ!“...

Король промолвилъ: „Я безсиленъ
Помочь въ несчастіи такомъ;
Красавицъ вашихъ бѣсъ смущаетъ,—
Что-жь дѣлать съ этимъ рогачомъ?!
Радъ подшутить надъ королями
И налагаетъ онъ печать
На всѣхъ мужей, контрактъ которыхъ
Имѣлъ я глупость подписать!“..

Все это я читалъ когда-то
Въ старинной книгѣ... Загрустилъ
Бѣдняга-мужъ, отъ скуки умеръ,—
Но самъ безсмертье заслужилъ:
Теперь, лишь только межъ супруговъ
Произойдетъ подобный фактъ,—
Всѣ говорятъ, что подписалъ имъ
Король ихъ свадебный контрактъ...

Пѣснь Киргиза.

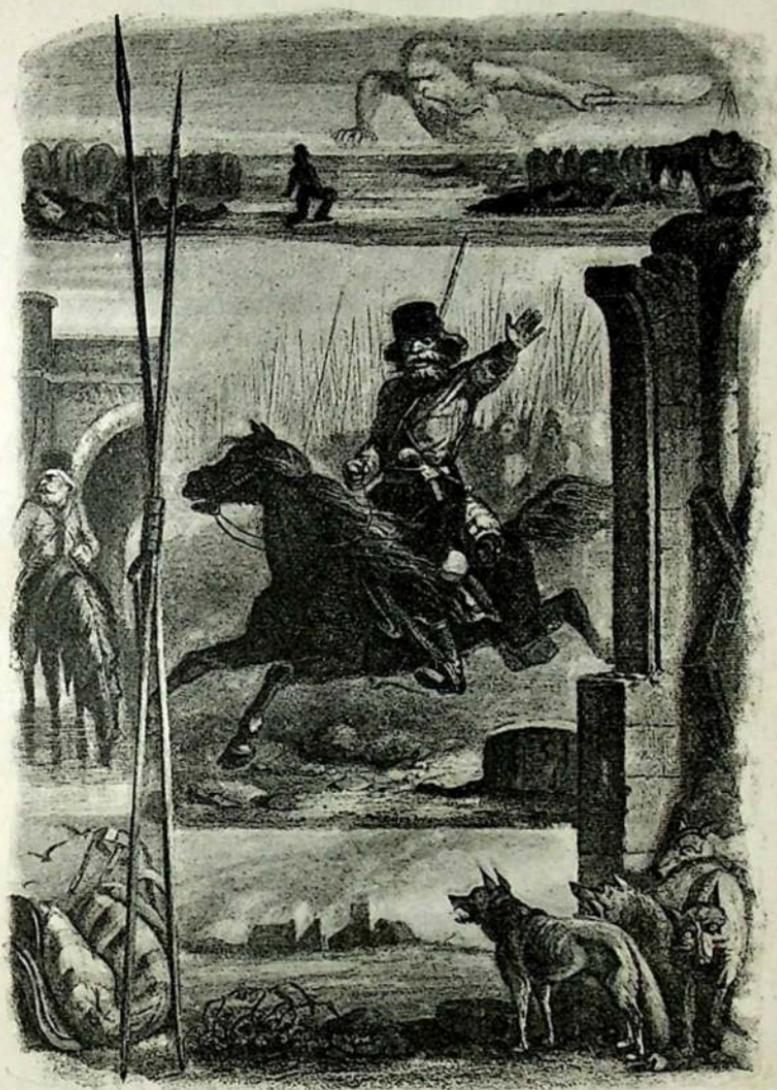
(Вольный переводъ).

Ко мнѣ, мой конь! Ко мнѣ, товарищъ вѣрный, —
Лети, сигналъ слышавъ боевой!
Лихой въ бою, въ атакѣ безиримѣрный,
Дай крылья ты и Смерти подо мной.
Не блещетъ твой уборъ неприхотливый,
Но блескъ придетъ — съ побѣдою моею...
Заржи, мой конь, встряхни надменно гривой
И въ прахъ топчи народы и вождей!

Гдѣ Миръ?.. Бѣжалъ... Тобой одинъ я правлю, —
Смотри — открытъ къ Европѣ старой путь:
Лети, лети, — и я тебя поставлю
Въ пріютъ искусствъ въ Парижѣ отдохнуть.
Напьешься вновь изъ Сены ты строптивой;
Ужъ дважды кровь съ себя смывалъ ты въ ней.
Заржи, мой конь, встряхни надменно гривой
И въ прахъ топчи народы и вождей!

Осаждены страдающимъ народомъ,
Владыки всѣ, чтобъ имъ въ борьбѣ не пасть,
Кричали намъ: „Идите къ намъ походомъ, —
„Къ вамъ въ кабалу пойдемъ, спасая власть!“
Я пику взялъ; изъ низости трусливой,
Смотри, — всѣ короли склонились передъ ней!
Заржи, мой конь, встряхни надменно гривой
И въ прахъ топчи народы и вождей!

Я видѣлъ тѣнь... Гигантъ подъ громъ перуновъ,
На нашъ бивакъ вперялъ пытливый взоръ

И восклицалъ: „Вновь близко царство гунновъ!“
 И свой занесъ надъ Западомъ топоръ.
 Я тѣнь узналъ по рѣчи горделивой...
 Аттилы сынъ, я повинуюсь ей.
 Заржи, мой конь, встряхни надменно гривой
 И въ прахъ топчи народы и вождей!

Весь блескъ, какимъ гордится такъ Европа,
 Весь знанья свѣтъ, безсильный предъ судьбой,
 Все поглотить, какъ волны въ дни потопа,
 Та пыль, что въ ней поднимаемъ мы съ тобой...
 Сотри, сотри, набѣгъ свершивъ счастливый,
 Слѣды дворцовъ, законовъ, книгъ, идей...
 Заржи, мой конь, встряхни надменно гривой
 И въ прахъ топчи народы и вождей!

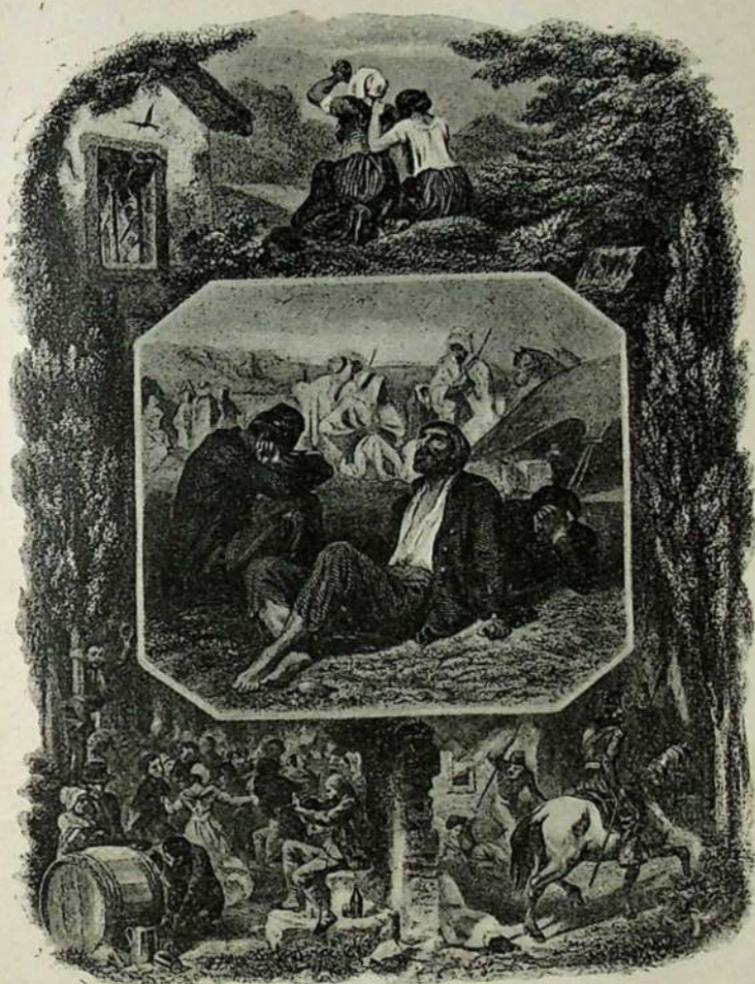

Л а с т о ч к и .

Подъ небомъ Африки далекой,
Влача ярмо оковъ своихъ,
Увидѣлъ какъ-то плѣнный воинъ
Знакомыхъ птицъ съ полей родныхъ.
„Я снова вижу васъ!“—вскричалъ онъ,—
„Зима прогнала васъ сюда,—
Врагами снѣжныхъ вьюгъ холодныхъ
И прежде были вы всегда...
Летуньи-ласточки, надежда
Васъ привела сюда ко мнѣ!
Вѣдь вы изъ Франціи? Скажите,
Что тамъ теперь—въ родной странѣ?..

„Васъ я три года умоляю
Мнѣ принести съ отчизны вѣсть;
Я—изъ Бургони благодатной...
Долина тихая тамъ есть;
Въ ней жизнь моя текла безвѣстно,
Какъ скромныхъ ландышей цвѣты—
Тамъ расцвѣтали въ юномъ сердцѣ
Всѣ невозвратныя мечты...
Тамъ, возлѣ рѣчки тихоструйной,
Подъ сѣнью стройныхъ тополей,
Я въ бѣдной хижинѣ родился...
Вы расскажите мнѣ о ней!..

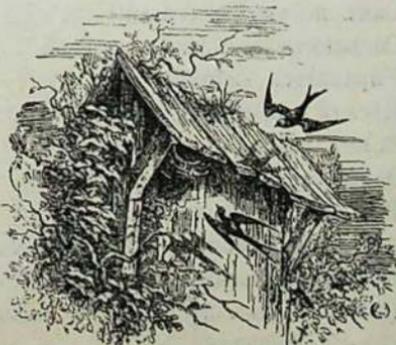
Одна изъ васъ, быть можетъ, тамъ же
Впервые увидала свѣтъ—
Подъ той же кровлей изъ соломы
(Скажите—правъ я, или нѣтъ?)...
О, если такъ, должны вы были
Тамъ подъ окошкомъ щебетать
И утѣшать на ранней зорькѣ
Несчастную старушку-мать...

Бѣдняжкѣ чудится, что слышитъ
 Она вновь шумъ шаговъ моихъ, —
 Все ждетъ, все слушаетъ, все плачетъ, —
 Нѣтъ въ мирѣ горше слезъ такихъ!..

Сестра моя не вышла-ль замужъ?
 Вы не видали-ль, кто у ней
 На свадьбѣ былъ, кто пѣлъ, игралъ кто
 Изъ веселившихся гостей?..
 Не вспоминалъ ли обо мнѣ тамъ
 Изъ приглашенныхъ кто-нибудь,
 Когда летѣтъ вы собирались
 Передъ зимой въ далекій путь?..
 А тѣ друзья былого дѣтства,
 Что вмѣстѣ шли со мной въ бояхъ, —
 Вернулись всѣ-ль они въ деревню?—
 Скажите мнѣ вы о друзьяхъ!..

Быть можетъ, варваръ-чужеземецъ
 По бездыханнымъ ихъ тѣламъ
 Прошелъ вблизи деревни нашей,
 Во всѣхъ вселяя ужасъ тамъ?..
 Быть можетъ, и подъ нашей кровлей
 Распоряжался даже врагъ
 И, опьянѣвъ отъ самовластья,
 Моей сестры нарушилъ бракъ?..
 Здѣсь все вокругъ меня чужое,
 Оковы всюду мнѣ видны..
 Летуньи-ласточки, пропойте
 Мнѣ про печаль родной страны!..

ДѢВЧКИ.

(Другу, сдѣлавшемуся отцомъ четвертой дочери.)

Скажите, господа мужья,—
Чѣмъ недоволенъ тотъ,
Кому лишь дѣвочекъ жена
Рождаетъ каждый годъ?
Онѣ—приходятъ въ этотъ міръ,
Чтобъ всѣхъ насъ усладить,—
Чего же каждому изъ васъ
При видѣ ихъ ворчать?!.
Да, чортъ возьми,—мы дорожимъ
Красотками всегда,—
Побольше ихъ пускайте въ жизнь,
Супруги-господа!..
Пусть будутъ ангельски добры,
Пусть—мучать насъ самихъ,—
Побольше дѣвочекъ, мужья!
Мы любимъ ихъ,
Мы любимъ ихъ,
Мы очень любимъ ихъ!..

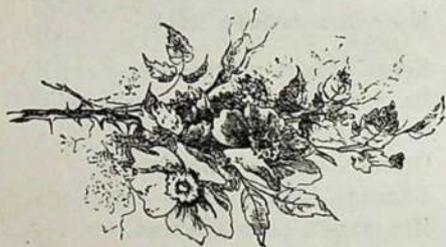
Вы вѣчно заняты, мужья,—
Вамъ не успѣть (ей-ей!)
Со всѣмъ хозяйствомъ у себя
Управиться скорѣй...
Пускай для тѣхъ, кто помогать
Всѣмъ вамъ былъ обреченъ,
Замѣнять дочки ваши всѣ
Васъ надувавшихъ женъ!..
Да, чортъ возьми,—мы дорожимъ
Красотками всегда,—
Побольше ихъ пускайте въ жизнь,
Супруги-господа!..

Пусть будутъ ангельски добры,
 Пусть—мучать насъ самихъ,—
 Побольше дѣвочекъ, мужья!
 Мы любимъ ихъ,
 Мы любимъ ихъ,
 Мы очень любимъ ихъ!..

Для всѣхъ отцовъ красotka-дочь
 Приятной быть должна,—
 Тамъ все равно, каковъ въ ней нравъ,
 Глупа-ль, умна-ль она...
 Въ дни нашей юности онѣ
 Приносятъ счастья цвѣтъ,
 Умѣютъ скуку разгонять
 На склонѣ нашихъ лѣтъ...
 Да чортъ возьми,—мы дорожимъ
 Красотками всегда,—
 Побольше ихъ пускайте въ жизнь,
 Супруги-господа!..
 Пусть будутъ ангельски добры,
 Пусть—мучать насъ самихъ,—
 Побольше дѣвочекъ, мужья!
 Мы любимъ ихъ,
 Мы любимъ ихъ,
 Мы очень любимъ ихъ!..

Когда пѣвалъ Анакреонъ
 Въ честь дѣвы пѣснь любви,—
 И у сѣдого старика
 Огонь пылалъ въ крови;
 Вѣнчали Граціи его
 Изъ алыхъ розъ вѣнкомъ,—
 Изъ нихъ же каждая цвѣла
 Плѣнявшимъ взоръ цвѣткомъ...
 Да, чортъ возьми,—мы дорожимъ
 Красотками всегда,—
 Побольше ихъ пускайте въ жизнь,
 Супруги-господа!..
 Пусть будутъ ангельски добры,
 Пусть—мучать насъ самихъ,—
 Побольше дѣвочекъ, мужья!
 Мы любимъ ихъ,
 Мы любимъ ихъ,
 Мы очень любимъ ихъ!..

Такъ выпьемъ мы за четырехъ
Твоихъ, другъ, дочерей, —
Будь ты здоровъ, не унывай,
Гляди впередъ бодрѣй!
Трудись, пріятель, — честь твоимъ
Заслугамъ воздадутъ —
Не мы, такъ наши сыновья
Оцѣнять весь твой трудъ!..
Да, чортъ возьми, — мы дорожимъ
Красотками всегда, —
Побольше ихъ пускайте въ жизнь,
Супруги-господа!..
Пусть будутъ ангельски добры,
Пусть — мучать насъ самихъ, —
Побольше дѣвочекъ, мужья!
Мы любимъ ихъ,
Мы любимъ ихъ,
Мы очень любимъ ихъ!..

Печать.

Ты мнѣ свою печать сейчасъ прислала;
Вокругъ нея плющъ вьется золотой,
Среди плюща—Амуръ награвированъ
Съ таинственно грозящею рукой...
Печать священна... Но напрасно помощь
Мнѣ предлагаетъ добрая Софи,—
Мое перо не вѣрить и печати,
Нѣтъ больше тайнъ, нѣтъ даже и въ любви!..

Ты говоришь: „Зачѣмъ со мной въ разлукѣ,
Когда письмомъ смягчается тоска,
Ты думаешь, что бога тайнъ сломаетъ
Обоимъ намъ враждебная рука?!“
Ахъ, не боюсь я ревности безумца,—
Пускай ревнуетъ насъ хоть цѣлый свѣтъ!
Мнѣ и сказать, чего боюсь я,—страшно:
Вѣдь и въ любви тайнъ въ наше время нѣтъ!..

Чудовище на свѣтъ существуетъ
Съ коварнымъ взглядомъ. Въ немъ—опасность намъ:
Оно повсюду дерзко проникаетъ,
Внушая ужасъ даже королямъ...
Оно—все видѣть, все подслушать хочетъ,
Все прочитать,—и если нѣтъ гдѣ зла,—
Придумать можетъ то, что и не снилось:
Предъ нимъ печати гибли безъ числа!

Пишу, Софи, тебѣ одной; но знаю—
Мои слова прочтеть ужасный глазъ,
Всю нѣжность чувствъ онъ претворитъ въ крамолу,
Какъ претворялъ и предавалъ не разъ...

А, можетъ быть, чудовище вдругъ скажетъ:
 „Четы влюбленной мы не пощадимъ,
 Мы принесемъ ее сарказмамъ въ жертву
 И скуку всѣхъ придворныхъ исцѣлимъ!“

Охваченъ я предчувствіемъ ужаснымъ,
 Перу въ разлукѣ страшно грусть смягчать..
 Сургучъ напрасно вспыхнетъ для печати:
 Вѣдь все равно—легко ее сломать!..
 Король великій*) завѣщаль потомкамъ
 Искусство чтенья въ мысляхъ и сердцахъ .
 Нѣтъ больше тайнъ въ любви и страсти нѣжной,
 Влюбленные, его кляните прахъ!..

*) Людовикъ XIV учредилъ „Черный Кабинетъ“, въ одну изъ обязанностей котораго входило нарушеніе тайны частныхъ писемъ.

Юная муза.

(Двѣнадцатилѣтней поэтессѣ, приславшей стихи.)

Какъ, для стиховъ покинуть вы
Всѣ игры дѣтскія хотите?..
Моей вы музѣ слишкомъ льстите,
Она-жь Амуровъ чтить,—увы!..
Вѣдь всѣ Амуры—тоже дѣти
(Вы ихъ узнаете потомъ),—
Они шалятъ вездѣ, кругомъ;
Жить съ ними весело на свѣтѣ!..
У васъ же шалостей ихъ нѣтъ,
Вѣдь вамъ всего двѣнадцать лѣтъ;
А мнѣ ужъ сорокъ,
Да, мнѣ ужъ сорокъ;
А вамъ всего двѣнадцать лѣтъ!..

Зачѣмъ о лаврахъ говорить?
Ихъ—миръ слезами поливаетъ,
Намъ слава ихъ не предлагаетъ,—
За деньги можно ихъ купить...
Цвѣтокъ весны—награда наша,—
Она одна къ себѣ влечетъ
Того, кто весь свой вѣкъ поетъ,
Чья пѣснь всегда полна и чаша...
Меня понять вамъ силы нѣтъ?
Вѣдь вамъ всего двѣнадцать лѣтъ,
А мнѣ ужъ сорокъ,
Да, мнѣ ужъ сорокъ;
А вамъ всего двѣнадцать лѣтъ!..

Ну, птичка юная моя,—
Смѣлѣе крылья распахните,

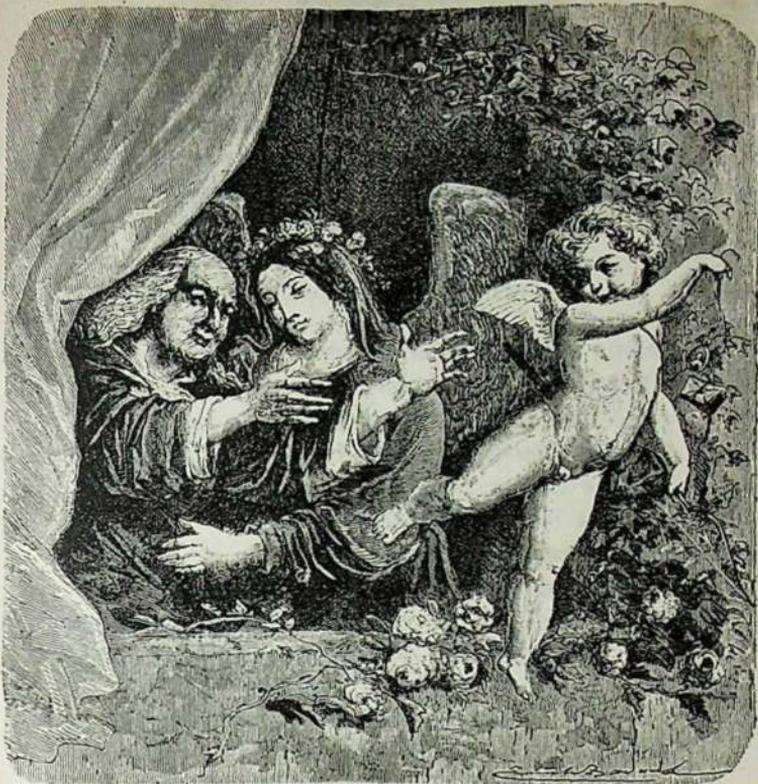
Всѣ роци жизни огласите
 Напѣвомъ вольнымъ соловья!..
 Придетъ пора вамъ—вы блеснете
 Своимъ талантомъ, можете быть;
 Мнѣ пѣсни хочется внушить
 Вамъ тѣ, которыхъ не поете...

А, впрочемъ нѣтъ; простите—нѣтъ!
 Вѣдь вамъ всего двѣнадцать лѣтъ,
 А мнѣ ужь сорокъ,
 Да, мнѣ ужь сорокъ;
 А вамъ всего двѣнадцать лѣтъ!..

Меня цвѣтами увѣнчать
 Вы потеряете влеченье,—
 Затронетъ ваше вдохновенье
 Другой,—его совѣтъ мой ждаты!..
 Подъ оболочкою ивою
 Найдете вы свой идеаль...
 Я одного-бъ теперь желалъ,
 Чтобъ вы тогда сошлись со мною...

Того-бъ желали-ль вы, иль нѣтъ?..
 Тогда вамъ будетъ двадцать лѣтъ;
 Подъ пятьдесятъ мнѣ,
 Подъ пятьдесятъ мнѣ,
 А вамъ всего лишь двадцать лѣтъ!..

Бѣгство Амура.

Да, вижу я, Амуръ, ты крылья распускаешь,
Ты хочешь улетѣть... Что-жь, молодость прошла!..
Прощай, коварный богъ! Ужь Граци съ усмѣшкой
Глядятъ на тотъ пріютъ, гдѣ юность отцвѣла..
Покинуть мой очагъ... Я помню—дни бывали,
Когда оружіе твое я проклиналъ;
Но развѣ могъ я знать, что ты меня накажешь?
Я мсть твою впервые увидалъ!..

Чѣмъ больше ты намъ причиняешь слезъ,
Чѣмъ больше ты даришь душъ волненій,—
Тѣмъ болѣе, когда уходишь ты,
Ты оставляешь въ сердцѣ сожалѣній!..

Я отдыхалъ сномъ дѣтства безмятежнымъ,
Какъ вдругъ твой голосъ нѣжный услышалъ,—
На міръ любви глаза мои раскрылись,
И власть твою въ прекрасномъ я позналъ...

Я отдалъ самъ себя твоимъ живымъ оковамъ,—
 Не зная сладостной опасности цѣпей..
 Ядъ жгучихъ стрѣлъ твоихъ душѣ моей казался
 Отрадой чистою блаженства юныхъ дней..

Чѣмъ больше ты намъ причиняешь слезъ,
 Чѣмъ больше ты даришь душѣ волнений,—
 Тѣмъ болѣе, когда уходишь ты,
 Ты оставляешь въ сердцѣ сожалѣній!..

Меня года обледеять совсѣмъ, быть можетъ,—
 Забуду я о поцѣлуяхъ тѣхъ,
 Что Роза мнѣ всегда дарила такъ охотно,
 Когда я былъ счастливѣй въ мѣрѣ всѣхъ;
 Но не забыть мнѣ слезъ, что проливалъ я
 Изъ-за Элали, — вздоховъ не забыть,
 Что возлѣ Нины таяли безслѣдно,
 Когда любовь я долженъ былъ таить..

Чѣмъ больше ты намъ причиняешь слезъ,
 Чѣмъ больше ты даришь душѣ волнений,—
 Тѣмъ болѣе, когда уходишь ты,
 Ты оставляешь въ сердцѣ сожалѣній!..

Что-жь, улетай, Амуръ! Пусть буду одиноко
 Я дни влачить безъ радостей былыхъ!..
 Не оставайся здѣсь со мной изъ состраданья, —
 Тебѣ пора счастливить и другихъ!..
 Проникнувъ въ тайну всей моей печали,
 Подходить дружба добрая ко мнѣ...
 Чтобъ отдалить ее, блесни вооруженьемъ,—
 Ея заботы мнѣ больнѣй вдвойнѣ!..

Чѣмъ больше ты намъ причиняешь слезъ,
 Чѣмъ больше ты даришь душѣ волнений,—
 Тѣмъ болѣе, когда уходишь ты,
 Ты оставляешь въ сердцѣ сожалѣній!..

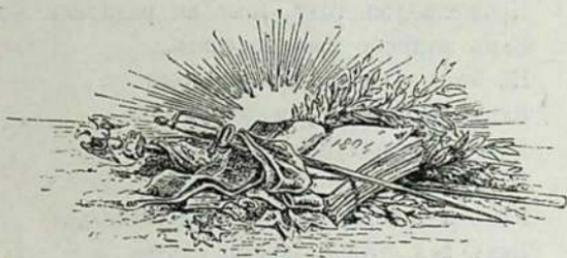
Г о д о в щ и н а .

Прошелъ ужъ годъ, какъ вы родились,—
Вамъ мудрено про это знать...
Но это — лучший годъ, который
Вамъ суждено переживать!..
Для васъ грядущее отрадно,—
Мнѣ говорить о томъ мечты;
Вѣдь и теперь, въ день годовщины,
Вамъ всѣ друзья дарятъ цвѣты..
Вотъ мы украсимъ, Элоиза,
Цвѣтами этими всю васъ,—
Но изъ вѣнка себѣ игрушки
Себѣ не дѣлайте сейчас!..

Другой малютка, — что не можетъ
Ни на годъ никогда старѣть
И знаетъ, кто васъ вызвалъ къ жизни, —
Къ вамъ обѣщался прилетѣть...
Его у насъ зовутъ Амуромъ, —
Но хотъ онъ вамъ молочный братъ,
Его страшитесь, — надо всѣми
Онъ подшутить нерѣдко радъ..
Причинъ немало есть бояться:
Хотъ та, что — данъ плата судьбѣ —
Изъ вашихъ розъ онъ пожелаетъ
Игрушку сдѣлать самъ себѣ!..

Надеждѣ съ яркими крылами,
За вами любо такъ порхать, —
Щедра летунья на улыбки,
Умѣетъ ласки расточать...

У ней есть призма.. Сквозь нее вы
Двѣтушимъ весь найдете мѣръ;
Пусть васъ она не покидаетъ,—
Вы въ жизнь пойдете, какъ на ширь ..
Ея призывамъ отдаваясь,
Вы счастье можете найти,—
Она же вамъ на каждый возрастъ
Должна игрушку припасти!..

Старый сержантъ.

Близъ прядки дочери любимой
Старикъ забыть про все готовъ;
Рукой прострѣленной качаетъ
Двухъ внуковъ онъ — двухъ близнецовъ..
Спокойно сидя на порогѣ
Убогой хижины, порой
Онъ улыбается кому-то
И разсуждаетъ самъ съ собой:
„Еще не все въ томъ, чтобъ родиться
И весь свой вѣкъ идти впередъ!
Творецъ — прекрасную кончину
За жизнь въ награду намъ даетъ!“.

Чу, слышенъ грохотъ барабана,—
Вдали проходить батальонъ...
Кровь прилила къ лицу сержанта,
Какъ будто снова молодъ онъ!
Почуялъ старый конь звукъ шпоры..
Но тутъ же вдругъ челомъ поникъ:
„Такого знамени не знаю!—
Угрюмо прошепталъ старикъ:
Ахъ, дѣти, если отомстите
Вы за страну родную,—вамъ
Творецъ прекрасную кончину
Пошлетъ прекраснымъ вашимъ днямъ!“.

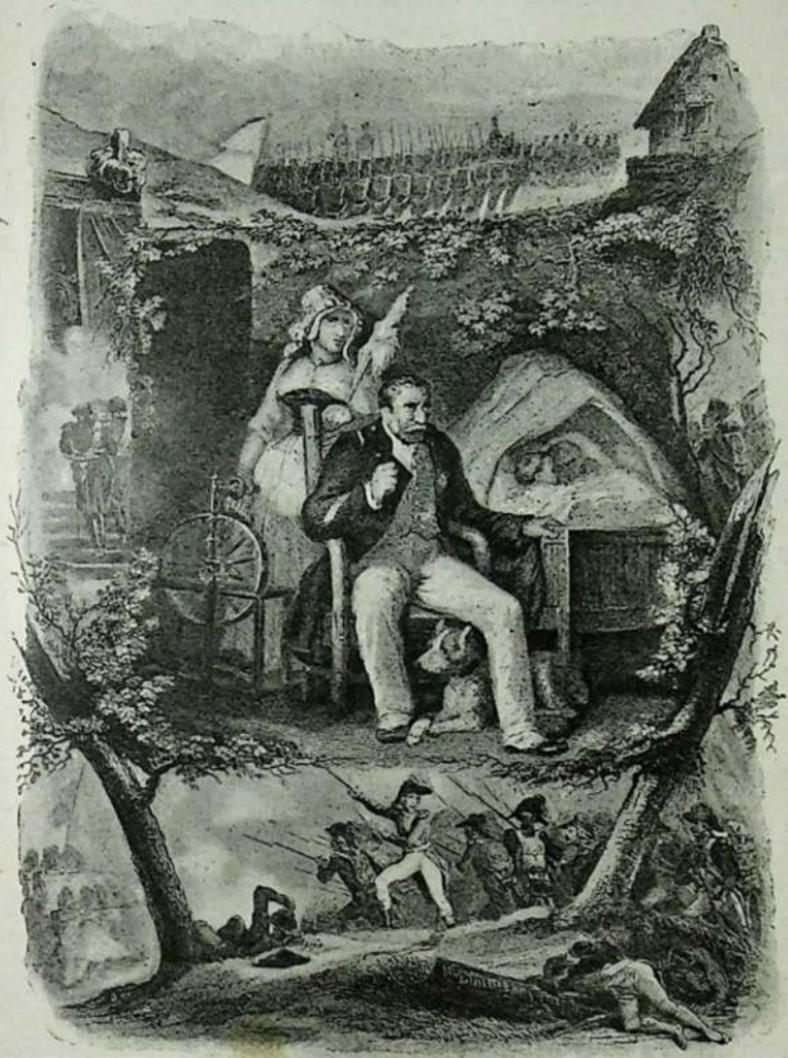
„Кто возвратитъ намъ, — щепчетъ старый,—
Святую славу прошлыхъ дней!
Кто съ береговъ далекихъ Рейна
Подвигнетъ Франціи дѣтей?!”.

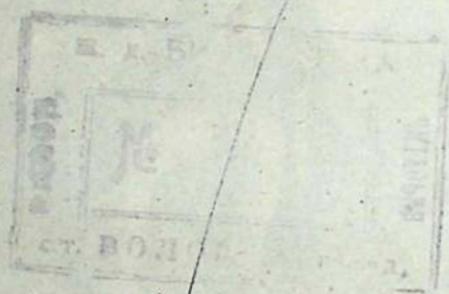
Сыны Республики свободной—
 Они на кличъ ея пошли
 Полуголодные, босые
 И смерть геройскую нашли...
 Лишь Рейнь одинъ омыть оружье
 Отъ крови нашихъ братьевъ могъ...
 Даетъ прекрасную кончину
 Намъ, дѣти, милосердный Богъ!..

„Мундиры синіе блистали
 Во время битвъ среди враговъ;
 Свобода намъ въ картечь мѣшала
 Осколки сломанныхъ оковъ...
 Благодаря побѣдамъ нашимъ,
 Народъ сталъ счастливъ и богатъ,
 Цвѣтами яркими вѣнчая
 Сѣдья головы солдатъ...
 Счастливы тѣ, что умирали
 Во время праздниковъ тогда;
 Господь прекрасную кончину
 Даетъ героямъ иногда!..

героямъ иногда
 „Ахъ, слишкомъ скоро меркнетъ слава!..
 Вожди—желая знатю стать—
 Всѣ другъ за другомъ принялися
 Ряды героевъ покидать...
 Въ пороховомъ дыму чернѣя,
 Они тиранамъ стали лстить,—
 Своимъ измѣнникамъ Свобода
 Не можетъ этого простить!..
 Отъ трона къ трону переходятъ,
 Клянутся—кто во что гораздъ...
 Я вѣрю, дѣти, не такую
 Кончину вамъ Создатель дастъ!“

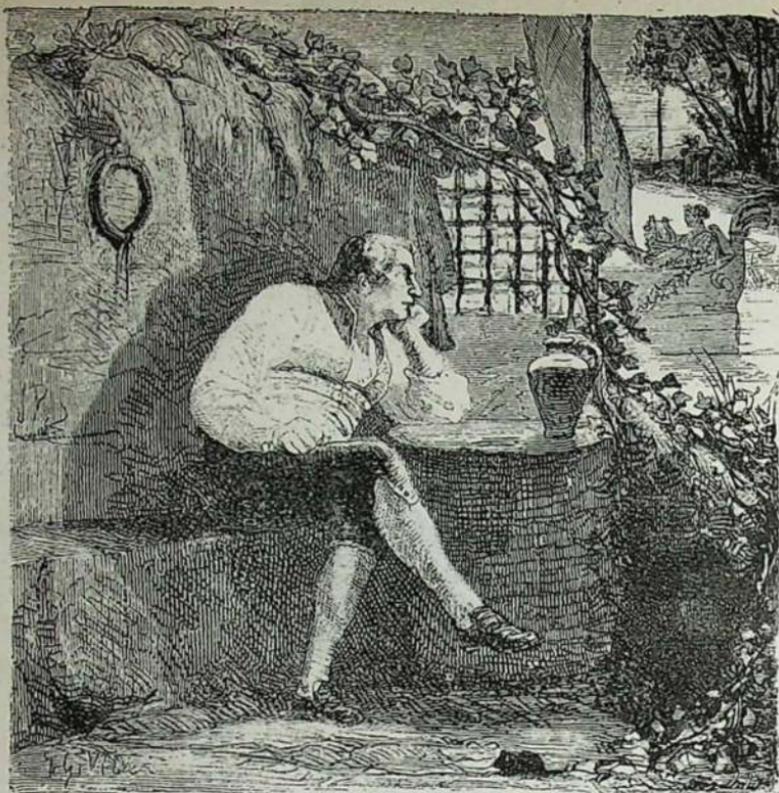
Поникъ челомъ старикъ угрюмо...
 За прялкой дочь отозвалась
 И пѣть вполголоса родныя
 Свободы пѣсни принялась...
 И эти пѣсни, что сроднились
 При свѣтѣ зорь весеннихъ съ ней,
 Въ груди героя пробудили

Весь пылъ давно минувшихъ дней...
„Народъ, проснись подъ пѣсни эти!
Пора проснуться“ — онъ вскричалъ:
Дай Богъ, чтобъ я хоть въ день кончины
Тебя свободнымъ увидалъ!“.

УЗНИКЪ.

„Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скаль, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горить заливъ. Плыви, царица волнъ!“

Такъ узникъ пѣлъ изъ-за рѣшетки
Тюремной башни надъ водой;
Онъ видѣлъ,—каждый день на лодкѣ
Являлась дѣва подъ стѣной.

„Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ.
Молчанье скаль, ведя свой быстрый челнъ
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горить заливъ. Плыви, царица волнъ!“

„Я молодъ; тяжки эти своды.
Въ тѣмѣ заточенья моего,

Что́ день, страсти́е, чѣмъ свободы,
Я жду явленья твоего.

„Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скаль, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горить заливъ. Плыви, царица волнъ!

„Твой милый образъ отражаетъ
Съ любовью зеркало волны.
О, что твой парусъ направляетъ?
Любовь, иль только духъ весны?

„Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скаль, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горить заливъ. Плыви, царица волнъ!

„Надеждой вѣетъ надо мною...
Меня рука твоя спасетъ!
Освобожденнаго тобою
Вездѣ, я вѣрю, счастье ждать.

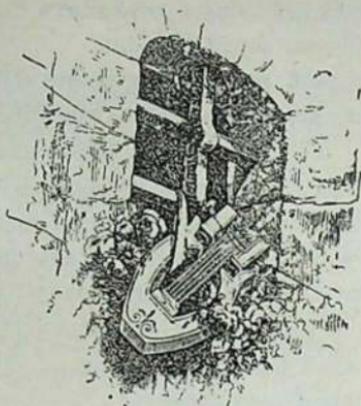
„Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скаль, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горить заливъ. Плыви, царица волнъ!

„Ты легкій челнъ свой замедляешь,—
И слезы у тебя въ глазахъ...
Но, какъ надежда, ускользаешь
Ты вновь,—и я умру въ цѣпяхъ.

„Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скаль, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горить заливъ. Плыви, царица волнъ!

„Меня схоронять эти своды...
Но нѣтъ,—ты машешь мнѣ рукой.
Свѣтило жизни и свободы
Заблещетъ завтра надо мной.

„Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣннемъ
Молчанье скалъ, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горить заливъ. Плыви, царица волнъ!“.

Кроткій ангель.

Коринна, я не буду легкомыслень,—
Какимъ вездѣ всегда съ другими былъ..
Разъ ангелы на небѣ взбунтовались,—
Единымъ словомъ Богъ ихъ усмирилъ:
И всѣ они стремглавъ низверглись въ бездну,—
Но даже тамъ одинъ былъ между нихъ,
Въ себѣ святую кротость сохранившій,
Нашедшій въ ней щитъ для скорбей своихъ..
Вооруженъ божественною лирой—
Отъ гибели онъ былъ спасенъ тогда...
О, ангель мой съ глазами голубыми!
Меня отъ бѣдъ храните вы всегда...

Адъ грохоталъ вселявшимъ ужасъ смѣхомъ;
Отъ гордости преступной сторонясь,
Печальный ангель заигралъ на лирѣ,
Раскаяньемъ горячимъ вдохновясь;
Рыдалъ и пѣлъ онъ... Сладостные звуки
Услышалъ Богъ, взглядъ въ бездну уронивъ,—
Тотъ взглядъ вернулъ страдальца вновь на небо,
Прекрасное прекраснымъ возвративъ...
Творецъ послалъ съ небесъ его на землю,—
Съ тѣхъ поръ жива поэзія у насъ...
О, ангель мой съ глазами голубыми!
Меня отъ бѣдъ спасали вы не разъ...

Къ намъ полетѣлъ небесъ посланникъ кроткій
И землю всю крылами осѣнилъ,
И землю всю мелодіей небесной
Въ мгновеніе навѣки огласилъ...
Отозвалась на голосъ тотъ природа,
И вся земля въ восторгѣ замерла,

Вражда и зло склонились предъ любовью,
 Гармонія вселенной ожила...
 Богъ небесамъ не скажетъ: „Будьте глухи!“
 Когда такъ чистъ поэзи привѣтъ...
 О, ангель мой съ глазами голубыми!
 Меня всегда храните вы отъ бѣдъ...

Напрасно адъ завистливый стремится
 Прекраснаго вернуть въ свой мракъ опять, —
 Ему его прозрачно-бѣлыхъ крыльевъ,
 Ни клеветой, ни зломъ не запятнать!..
 Онъ въ жизнь идетъ, смягчая наши нравы;
 Онъ намъ поеть о братствѣ всѣхъ людей;
 Ему не страшень гнѣвъъ земныхъ тирановъ,
 Нѣтъ для него ни тюремъ, ни цѣпей...
 Очарованье жизни придаетъ онъ,
 Не сосчитать осушенныхъ имъ слезъ...
 О, ангель мой съ глазами голубыми!
 Меня всегда храните вы въ дни грозъ...

Кто скажетъ мнѣ, гдѣ ореоль блистаетъ
 Прекраснаго посланника небесъ?
 Призвалъ ли Богъ къ себѣ его на небо —
 Въ обители таинственныхъ чудесъ?..
 Но вы поете; голосъ вашъ такъ нѣженъ...
 Коринна! Вы тотъ ангель, можетъ быть?!
 Весна любви вѣнчаетъ васъ цвѣтами,
 Вы красотой всѣхъ можете плѣнить...
 Я шестеть слышу крыльевъ бѣлоснѣжныхъ. —
 Не улетайте, будьте здѣсь всегда!
 О, ангель мой съ глазами голубыми,
 Земли не покидайте никогда!..

Добродѣтель Лизеты.

Надъ добродѣтелью Лизеты
Придворныхъ дамъ смѣется хоръ...
Согласенъ я: она—гризетка:
Но какъ прекрасна до сихъ поръ!..
Въ дѣлахъ любовныхъ—рангъ высокій
Гризетки имя молодой:
Франтъ каждый радъ знакомству съ нею,
Предъ ней ихъ вѣется цѣлый рой...
И офицеры, и аббаты,
И судьи ею дорожатъ;
Съ ума всѣхъ сводить черныхъ глазокъ.
Шалуни рѣзвой милый взглядъ...

О прелестяхъ вашихъ молчить
Лизета... Къ чему-жь вамъ лукавить?!
Не лучше-ль вамъ, дамы, при ней
Ея добродѣтель оставить!..

За то, что многихъ покорила
Она извѣстныхъ богачей,
Едва-ль осмѣлитесь, графини,
Смѣяться долго вы надъ ней!..
Вѣдь весь народъ еврейскій видитъ,
Какъ вы на праздникахъ его
Тѣльцу кадите золотому
Отъ сердца вашего всего! .
За ваши пышные наряды
Пришлось Имперіи платить,—
Хотя могла ей очень мало
Вся ваша знатность услужить ..

О прелестяхъ вашихъ молчить
Лизета... Къ чему-жь вамъ лукавить?!
Не лучше-ль вамъ, дамы, при ней
Ея добродѣтель оставить!..

Ни одного вы не найдете
 Костра, который бы погасъ,
 И не нашла бы въ немъ Лизета
 Огня въ веселый добрый часъ...
 Одинъ маркизь примѣрной жизни
 (Я приравнялъ его къ костру!)
 Совсѣмъ плѣнился ей и хочетъ
 Ввести Лизету ко двору:
 Свои заслуги отгѣнить онъ
 Ея красой и добротой,—
 Лизета будетъ фавориткой,
 Быть можетъ—Помпадуръ второй!

О прелестяхъ вашихъ молчить
 Лизета... Къ чему-жъ вамъ лукавить?!.
 Не лучше-ль вамъ, дамы, при ней
 Ея добродѣтель оставить!..

Ну, что-жъ, насмѣшницы, скажите,—
 Когда войдетъ въ такую честь
 Она,—осмѣлитесь ли всѣ вы
 При ней безцеремонно сѣсть?!.
 Въ родню ей всѣ вы назоветесь,
 А утромъ—чуть начнетъ вставать—
 Наперебой вы ей начнете
 Чулки и туфли подавать...
 Неправда-ль—отъ ея триумфа
 Васъ зависть сѣсть совсѣмъ должна?..
 А у отцовъ-иезуитовъ
 Не исповѣдалась она...

О прелестяхъ вашихъ молчить
 Лизета... Къ чему-жъ вамъ лукавить?!.
 Не лучше-ль вамъ, дамы, при ней
 Ея добродѣтель оставить!..

Повѣрьте, дамы-монархистки,
 Вся „добродѣтель“ вашихъ дней
 Сходна съ героевъ именами,
 Когда ихъ выкрикнетъ лакей!
 Болтать вы можете прекрасно,
 Но въ этой злостной болтовнѣ
 И только зависть вашу вижу—
 Что вы ни говорили-бъ мнѣ!..
 Пускай ходули этикета

Возносятъ низкія сердца,—
Богъ отъ двора спасетъ Лизету,
Она—не пала до конца!..

О прелестяхъ вашихъ молчите
Лизета... Къ чему-жь вамъ лукавить?!
Не лучше-ль вамъ, дамы, при ней
Ея добродѣтель оставить!..

П У Т Н И К Ъ.

Старикъ.

Твой возрастъ мнѣ участіе внушаетъ,—
Скажи, что за печаль тебя томить?

Путникъ.

Мою грозой надломленную юность
Ничто, ничто теперь не исцѣлитъ!..

Старикъ.

Судьба порой совсѣмъ несправедлива,
Но гнѣвъ ея вѣдъ не всегда суровъ...
Богъ далъ мнѣ случай встрѣтиться съ тобою,
Богъ—друга дастъ... Войди подъ мирный кровъ!..

Путникъ.

Мои страданья—подтвержденье силы
Земныхъ боговъ, поправшихъ правды чести!
У преступленья скоро будутъ храмы,
Дворцы—ему успѣли надобсть!..

Старикъ.

Дай руку мнѣ! Ахъ, бѣдный юный путникъ,
Ты весь въ пыли, ты голоденъ, усталъ!..
Какъ ты, блуждалъ и я въ такіе годы...
Богъ друга дастъ, какъ счастье мнѣ послалъ!..

Путникъ.

Когда средь бури Бога призывалъ я,—
Зовутъ всѣ Утѣшителемъ Кого,—
Надъ головой моею заносили
Кинжалъ кровавый съ именемъ Его!..

Старикъ.

Вотъ ты въ моемъ убѣжищѣ спокойномъ;
Нальемъ себѣ по кружечкѣ винца!
Увы, мой сынъ тебѣ ровесникъ былъ бы...
Богъ друга дастъ... Будь счастливъ до конца!..

Путникъ.

Нѣтъ Высшихъ Силь! Онѣ не населяютъ
 Міровъ предвѣчныхъ сферы; нѣтъ ихъ, нѣтъ!
 Вселенная сама—я убѣдился!—
 Громадный бесполезнѣйшій предметъ...

Старикъ.

Взгляни на дочь мою, скиталець бѣдный,—
 Ты слышалъ этотъ полный грусти вздохъ?..
 Одна она мнѣ старость утѣшаетъ...
 Будь счастливъ!.. Друга дастъ тебѣ самъ Богъ!..

Путникъ.

Во тьмѣ ночной, печальной и глубокой,
 Богъ не даетъ просвѣта одного...
 Такъ важно-ль намъ, что Онъ и существуетъ,
 Коль мы не существуемъ для Него?!

Старикъ.

Лягъ, юный путникъ, здѣсь—на это ложе...
 Прочь отгони свои сомнѣнья вдалъ!
 Мнѣ замѣни оплаканнаго сына!
 Богъ друга дастъ!.. Забудь свою печаль!..

Остался путникъ... Любить и любимъ онъ,—
 Весь мракъ тоски давно имъ позабытъ;
 Супругъ, отецъ онъ и, другихъ скитальцевъ
 Встрѣчая, всѣмъ спокойно говоритъ:
 „Судьба порой совсѣмъ несправедлива,
 Но гнѣвъ ея вѣдь не всегда суровъ!
 Богъ далъ мнѣ случай встрѣтиться съ тобою...
 Богъ друга дастъ... Войди подъ мирный кровъ!“.

Октавія.

„Приди ты къ намъ, горящимъ юной страстью;
Кто милъ тебѣ—подай тому вѣнокъ!
Приди сюда! Здѣсь счастье внемлетъ счастьемъ,
Свободному отъ всѣхъ земныхъ тревогъ!“...

Такъ дѣти Рима смѣло говорили
Наперсницѣ Тиверія, нигдѣ
Не знавшей равныхъ: „Какъ! Въ плѣну голубка
У коршуна голоднаго въ гнѣздѣ?..“

„Октавія прекрасная! Скажи намъ,—
Веселье блещетъ на твоихъ пирахъ?
Ты позади оставишь всѣхъ Амуровъ,
Лета предъ ними на шести коняхъ!..“

„Пусть роскошь та, что Римъ весь оскорбляетъ,
Всѣмъ о твоёмъ вліяньи говоритъ,—
Подъ пурпуромъ твоимъ видна рабыня...
Знай—съ красотою рабство не дружить!..“

„Подъ звуки лиръ, продавшихъ вдохновенье,
Вельможи внемлютъ всѣмъ твоимъ словамъ;
Ужъ говорятъ, что и жрецы приносятъ
Къ тебѣ боговъ безмолвныхъ еиміамъ...“

„Но прочитай—на лицахъ всѣхъ придворныхъ
Написано: „Измѣнники, льстецы,
Предатели, бездѣльники, убійцы,
Развратники безстыдные, глупцы“...“

„О, нѣжная Октавія, ничто здѣсь
Не потревожитъ бога чувствъ живыхъ!
Чудовища безсильнаго лобзаньямъ
Не отдавай прекрасныхъ устъ твоихъ!“

„Приди ты къ намъ, горящимъ юной страстью;
Кто милъ тебѣ—подай тому вѣнокъ!“

Приди сюда,—здѣсь счастье внемлетъ счастью,
Свободному отъ всѣхъ земныхъ тревогъ!..

„Спѣши сюда, соперница Венеры!
Тиверія падятъ насъ палачи:
Они сказали: пусть въ тѣни блаженства
Заржавѣютъ патриціевъ мечи!..

„Ты хочешь знать,—какое зло мы видимъ
Отъ этого царя земныхъ царей,
Болѣзнью пригвожденнаго къ подушкамъ?
Онъ душитъ славу родины своей!..

„Его душа полна одною ложью,
Онъ любитъ только предковъ-мертвецовъ,
Оковами онъ музъ всѣхъ отягчаетъ,
Нѣтъ для него законовъ и боговъ!..

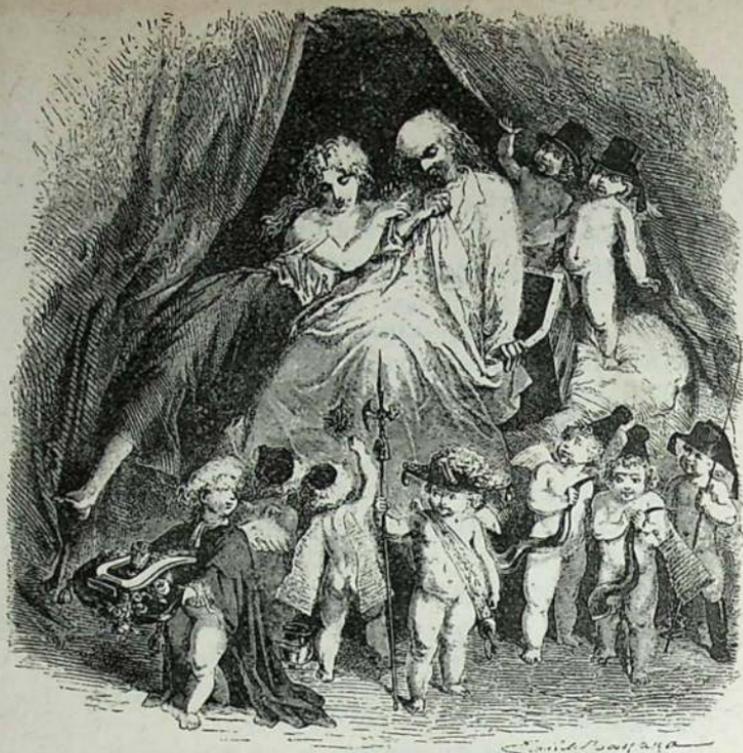
„Страшишься ты его жестокой страсти,
Когда проявитъ онъ весь произволь
Подъ сводами нѣмыми, гдѣ витаетъ
И Цезаря великаго орель...

„Ты преступленья скоро забывашь...
Но развѣ ты не слышала порой,
Какъ тѣни жертвъ со вздохами твоими
Сливали вопль и стонъ, и скрежетъ свой?..

„Гремитъ ужъ небо надъ тираномъ властнымъ
И надъ тобою скоро загремитъ...
Покинь его и всѣхъ льстецовъ развратныхъ,—
Твою красу Юпитеръ пощадить!..

„Приди ты къ намъ, горящимъ юной страстью;
Кто милъ тебѣ—подай тому вѣнокъ!
Приди сюда,—здѣсь счастье внемлетъ счастью,
Свободному отъ всѣхъ земныхъ тревогъ!“...

Мои похороны.

Сегодня утром—самъ не знаю, какъ—
Увидѣлъ я вокругъ себя Амуровъ;
Лежалъ я неподвижно и ловилъ
Остроты ихъ веселыхъ каламбуровъ...
„Онъ умеръ!—вдругъ сказала одинъ изъ нихъ —
„Всѣ мы давно и близко съ нимъ знакомы;
Недурно будетъ, если воть сейчасъ
Возьмемся всѣ похоронить его мы!“
Тогда я проклялъ всѣхъ до одного
Божковъ любви, съ которыми когда-то
Дѣлился каждый вспышкой страстей
И вель себя совсѣмъ за панибрата...
Друзья мои! Коль вѣрить имъ—
Руководителямъ моимъ,—
Я не могу ни пить, ни пѣть...
Ну, какъ меня не пожалѣть?!

Бездеремонно добрались они
 До моего вина и угощаться
 Имъ принялись, съ прислужницей моей
 Поочередно стали цѣловаться...
 Одинъ изъ нихъ кричить, что будетъ онъ
 За кучера на дрогахъ погребальныхъ;
 Другой, подвыпивъ, началъ напѣвать
 Наборъ какой-то словъ весьма печальныхъ,—
 Какъ будто панихиду онъ служилъ;
 А третій—съ миной важною и строгой—
 Сталъ увѣрять другихъ, что двадцать флейтъ
 Должны играть до кладбища дорогой...
 Друзья мои! Каковъ пассажъ?!.
 Готовъ уже и экипажъ,
 Чтобы везти въ послѣдній путь...
 Меня спасите какъ-нибудь!..

Безъ умолку болтая и шутя,
 Меня Амуры мигомъ подхватили
 И вынесли торжественно за дверь,
 На катафалкъ печальный положили,
 Парно всѣ за дрогами пошли,
 Покойника ничуть не осуждая...
 На траурномъ покровѣ серебромъ
 Стаканъ и лира свѣтятся, блистая,
 Прохожіе мнѣ почестъ отдають,
 Снимая шляпы предъ гербомъ веселья;
 „Все исчезаетъ, — говорятъ они, —
 У шира жизни—грустное похмѣлье!“
 Друзья! Я самъ себѣ не врагъ!..
 Но ускорять Амуры шагъ
 Велятъ до кладбища... Ей-ей,
 Къ могилѣ близокъ я своей!..

Молитвъ не слышно вовсе... Вмѣсто нихъ
 Поютъ Амуры тѣ мои куплеты,
 Въ которыхъ безъ цензуры воспѣвалъ
 Я прелести измѣнницы Лизеты...
 Вѣнокъ лавровый кто-то возложилъ
 Изъ мрамора (Вотъ чести я добился!..)
 На прахъ, чтò былъ когда-то Веранже
 И въ „бранные останки“ превратился...
 Все это мнѣ о славѣ говорить,

Все это мнѣ,—ей-Богу,—очень лестно;
 Но только мнѣ все это получить
 При жизни больше было-бъ интересно!..

Друзья мои! Причестъ къ богамъ
 Не прочь себя я даже самъ;
 Но не хочу и умереть,—
 Когда могу и пить, и пѣть!..

И вдругъ случайно въ этотъ самый мигъ,
 Счастливѣйшій для бѣднаго поэта,
 Къ процессіи печальной подошла
 Прелестница невѣрная Лизета...
 Она меня изъ гроба подняла,
 И—самъ не знаю, какъ—я пробудился,
 Но близъ нея не только ожилъ я,
 А даже весь какъ будто оживился..
 И въ наши дни возможны чудеса,
 Когда по волѣ вѣтренной гризетки
 Умершіе выходятъ изъ гробовъ,—
 Да, чудеса и въ наши дни не рѣдки!

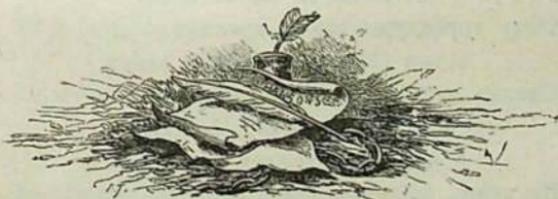
Зоилы жизни, возрастъ чей
 Не признаетъ огня страстей,—
 Я вновь могу и пить, и пѣть...
 Какъ вамъ меня не пожалѣть?!..

Надпись на сборникъ стиховъ М.

Когда-бъ я былъ царемъ французскихъ пѣсень,—
Какъ говорили многіе льстецы,—
Донесъ бы сборникъ вашъ вѣнчанной музѣ,
Что вы сорвать хотите всѣ вѣнцы!..

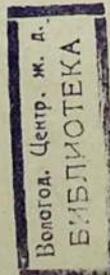
Совѣты ваши бѣдному народу, —
Вооружась къ тому-жъ такимъ стихомъ,—
Заставили-бъ мой скипетръ и корону
Дрожать, —когда-бъ я пѣсень былъ царемъ!..

Трубадуры.

Войну всѣмъ объявивъ —
И „тропамъ“, и „фигурамъ“,
Спою свой диенрамбъ
Дней нашихъ трубадурамъ...
Размѣровъ всѣхъ стихи!
Что-жь это Момусъ дремлетъ?
Разбудимте его, —
Пусть онъ — шутникъ — намъ внемлетъ!
Мы слезы отирать
Надеждѣ предоставимъ...
Вина сюда, цвѣтовъ, —
Лизету мы прославимъ!..
Суровъ закопѣ,
А намъ-то что за дѣло!
Вѣдь трубадуры всѣхъ времянь
Подъ вольный звонъ
Своихъ стакановъ пѣли смѣло
И даже весело, — ей-ей, —
И подъ посомъ у королей
Не знали выпивкѣ предѣла!..

Ты, нѣжный нашъ поэтъ,
Питомецъ вдохновенья,
Примѣшивай порой
Плющъ къ розамъ наслажденья!
Везумствомъ доливай
Свой кубокъ, полный счастьемъ, —
Оно красавицъ всѣхъ
Утѣшитъ сладострастьемъ!
Мудрецъ Анакреонтъ
Самъ изъ такого кубка,

Когда рождалась пѣснь,
 Поилъ свою голубку...
 Суровъ законъ,
 А намъ-то что за дѣло!
 Вѣдь трубадуры всѣхъ временъ
 Подъ вольный звонъ
 Своихъ стакановъ пѣли смѣло
 И даже весело,—ей-ей,—
 И подъ носомъ у королей
 Не знали выпивкѣ предѣла!..

Ты, выставившій свой
 Экстазъ религиозный
 Всѣмъ людямъ напоказъ
 Въ поэзіи серьезной,—
 Ты въ маскѣ самъ всегда,
 Твоя обрюзгла муза,
 Ей долго не пронестъ
 Божественнаго груза...
 Но за полу тебя
 Красотка чуть потянетъ,—
 Ты улыбнешься ей,
 И музѣ легче станетъ...
 Суровъ законъ,
 А намъ-то что за дѣло!
 Вѣдь трубадуры всѣхъ временъ
 Подъ вольный звонъ
 Своихъ стакановъ пѣли смѣло
 И даже весело,—ей-ей,—
 И подъ носомъ у королей
 Не знали выпивкѣ предѣла!..

Ты, Буало стихи
 За свой считавшій требникъ,
 Тебя освободить
 Легко, поэтъ-волшебникъ!
 Не хочешь ли ты стать
 Наслѣдникомъ Реньяра?—
 Вѣдь Талія тебѣ
 Совсѣмъ какъ будто пара:
 Родилася она
 На бочкѣ (не въ постели!),—

БИБЛИОТЕКА
 ПУШКИНСКАЯ
 ПЕЧАТ. Д. П. П.

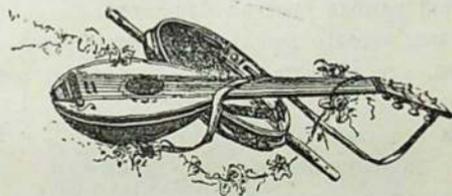
Веселье черпай съ ней
 Изъ этой колыбели!..
 Суровъ законъ,
 А намъ-то что за дѣло!
 Вѣдь трубадуры всѣхъ временъ
 Подъ вольный звонъ
 Своихъ стакановъ пѣли смѣло
 И даже весело,—ей-ей,—
 И подъ носомъ у королей
 Не знали выпивкѣ предѣла!..

А ты, романтикъ нашъ,
 Спустись изъ сферъ надзвѣздныхъ.—
 Потоки риѣмъ твоихъ—
 Изъ самыхъ бесполезныхъ!
 Товарищъ милый мой,
 На—выпей рюмку эту,—
 Твой исцѣлится мозгъ
 На радость всему свѣту...
 Знай—люди на землѣ
 До смерти съ дня рожденья
 Лишь нѣсколько шаговъ
 Пройдутъ безъ уклоненья!..
 Суровъ законъ,
 А намъ-то что за дѣло!
 Вѣдь трубадуры всѣхъ временъ
 Подъ вольный звонъ
 Своихъ стакановъ пѣли смѣло
 И даже весело,—ей-ей,
 И подъ носомъ у королей
 Не знали выпивкѣ предѣла!..

Да, трубадуры всѣ
 Бывали насъ умнѣе
 И вдвое больше насъ
 Глотали романей!
 Вѣдь пѣснь съ виномъ, друзья,
 Идутъ четкою славной,
 Даря поэтамъ всѣмъ
 Подчасъ сюжетъ забавный...
 И солнышко встаетъ
 Румяное съ похмѣлья,—

Такъ какъ же намъ не чтить
Боговъ, богинь веселья?!

Суровъ законъ,
А намъ-то что за дѣло!
Вѣдь трубадуры всѣхъ временъ
Подъ вольный звонъ
Своихъ стакановъ пѣли смѣло
И даже весело, —ей-ей, —
И подъ носомъ у королей
Не звали выпивкѣ предѣла!..

Тринадцать за столомъ.

О. боги! Насъ тринадцать за столомъ,
Разсыпана и соль передо мною...
Подходить смерть; отъ страха я дрожу...
Число, ужасное примѣтой роковою!
Подходить смерть,—прекрасна, молода,
У ней улыбка кроткая блистаетъ...
Друзья, веселье вашихъ пѣсенъ ждетъ;
Нѣтъ, смерть меня ужъ больше не пугаетъ!..

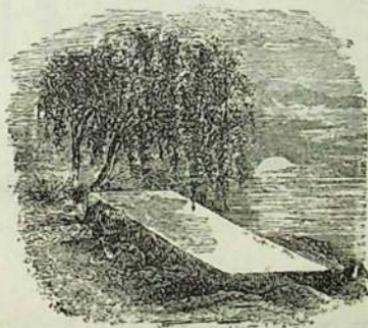
Хотя она сюда приглашена,
Хотя на ней вѣнокъ благоуханный,—
Ее одинъ изъ васъ я вижу здѣсь,
Какъ будто ей одинъ изъ всѣхъ желанный;
Она мнѣ цѣпь разбитую даетъ,
Спитъ на груди у ней младенецъ нѣжный...
Друзья, пустой мой кубокъ ждетъ вина;
Нѣтъ, мнѣ конецъ не страшень неизбежный!..

„Меня-ль бояться?!—говорить она:—
Надежда мнѣ всегда была сестрою...
Ну, развѣ можетъ жаловаться рабъ
На то, что волю дастъ ему собою?!
Ты—падшій ангелъ; я верну тебѣ
Твои судьбою отнятыя крылья!“
Друзья, усьемтесь лаской нашихъ дѣвъ;
Нѣтъ страха смерти, страшень—гнеть безсилья!..

„Вернусь я вновь,—она мнѣ говоритъ:
Твоя душа забудетъ жизни бури,
Она предѣлы рабства перейдетъ
И воспаритъ къ сияющей лазури...
Пока жъ она влачится по землѣ,—
Безпечно пей отраду полной чашей!“

Друзья, пусть жизнь веселье намъ даритъ,—
Смерть не страшна веселой братьѣ нашей!..

Исчезла гостя... Сѣивилось все...
Пусть у порога песь нашъ завываетъ,—
Совсѣмъ напрасно труситъ человѣкъ,
Когда одной ногою въ гробъ вступаетъ...
Мы, путники веселые, корабль
Теченью ввѣримъ... Къ пристани—дружнѣ:
Нашемтесь всѣ тринадцать за столомъ,—
Вѣдь смерть, друзья, намъ жизни не страшнѣ!..

Проклятая весна.

Изъ моего окна всю зиму
Ее я видѣлъ у окна, —
Хоть мы и не были знакомы,
Но въ насъ любовь была ясна:
Встрѣчались наши поцѣлуи
Въ морозномъ воздухѣ всегда,
Межъ лицъ безлиственныхъ безмолвно
Мы объяснялись безъ труда;
Смотря въ глаза одинъ другому,
Мы проводили наши дни..
Весна проклятая, ты листья
Вернула липамъ... Вотъ — они!..

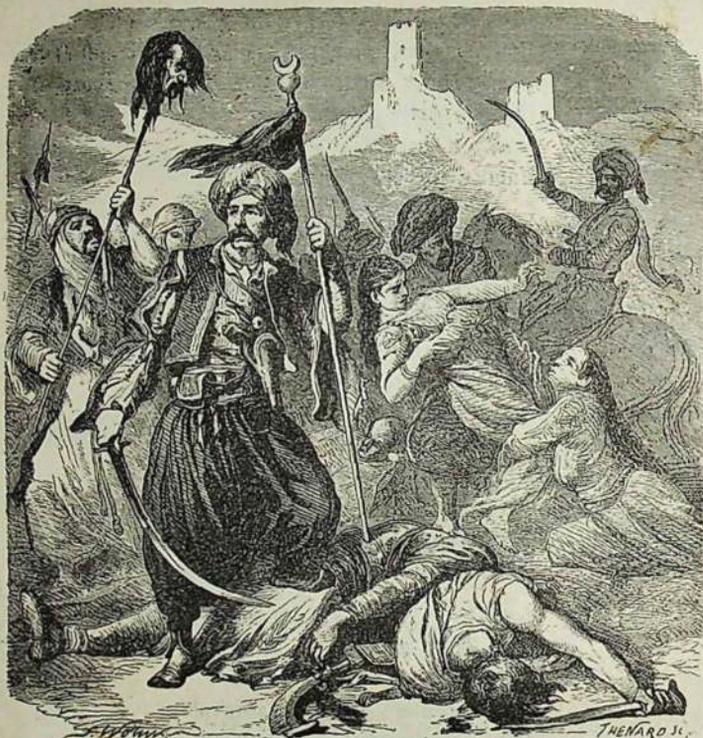
Въ ихъ темпомъ сводѣ исчезаетъ
Тотъ лучезарный ангелъ мой,
Который — кормъ бросая птичкамъ —
Явился вдругъ передо мной...
Онѣ въ морозный день на зорькѣ

Слетались подь окошко къ ней,
 Своимъ чириканьемъ будили
 Красу моихъ унылыхъ дней;
 Ихъ щебетъ былъ любви сигналомъ...
 Нѣтъ лучше снѣга ничего!..
 Весна проклитая, меня ты
 Лишила счастья моего!..

Не будь тебя, я увидалъ бы,
 Какъ—вставъ съ постели—у окна
 Малюткой-ручкой занавѣску
 Приподнимала бы она.
 Свѣжа, какъ первый лучъ Авроры,—
 Она смотрѣла-бъ на меня;
 Я счастливъ былъ бы до заката
 Зимы коротенькаго дня;
 Мнѣ лампа вечеромъ мерцала-бъ
 Сквозь занавѣски, какъ звѣзда...
 Весна проклятая, зачѣмъ ты
 Къ намъ возвращаешься всегда?!

Зимы я жду, всѣмъ сердцемъ жажду...
 Ахъ, какъ желалъ-бъ я, чтобъ опять
 Снѣжинки бѣленькія стали
 Въ морозномъ воздухѣ летать!
 Ахъ, какъ хотѣлось бы, чтобъ въ стекла
 Крупа стучаться принялась!..—
 Въ душѣ проснулось бы все снова,
 Любовь любви отозвалась...
 Чтò мнѣ до твоего раздвѣта,
 Весна, проклятая весна,—
 Когда я больше не увижу,
 Какъ улыбается она!..

Псара.

(Побѣдная пѣснь оттомановъ).

Мы торжествуемъ! Будь славенъ Аллахъ!
Слава—пророку! Онъ—намъ оборона;
Онъ намъ помогъ водрузить на скалѣ
Наши омытыя кровью знамена!..
Тщетно защитники Псары хотятъ
Стѣны обрушить на наши отряды,—
Мы торжествуемъ—на горе креста,
Сабля Османа не знаетъ пощады!..
Мы уничтожимъ весь этотъ народъ
Пусть онъ когда-то былъ непобѣдимымъ;
Не отомстятъ христіанъ короли
Намъ—всемогушимъ Аллахомъ хранимымъ!..

Развѣ не могъ ты, Хіосъ, одного
 Сына спасти отъ заслуженной кары*),—
 Пусть бы пришелъ онъ сюда рассказать,
 Чтò было тамъ, всѣмъ мятежникамъ Псары!..
 Какъ задрожалъ бы весь городъ тогда,
 Вѣсть услыхавъ про погибель Хіоса!..
 Гдѣ всѣ дворцы, гдѣ твои сыновья? --
 Некому даже услышать вопроса!
 Какъ появилась чума на тебѣ,--
 Намъ угрожала она, безъ сомнѣнья,--
 Помощи греки просили у ней:
 Отъ королей и не ждали отмщенья!..

Праздники наши и здѣсь начались, --
 Падаетъ Псара.. Гяуры, взгляните!
 Сколько головъ ужъ въ сералѣ у насъ
 Видно посламъ христіанскимъ—сочтите!..
 Все мы ограбимъ!.. Сокровища всѣ,
 Золото, женщинъ—возьмемъ все безъ бою!..
 Дѣвъ обезчестимъ,—во гнѣвѣ своемъ
 Насъ онѣ вдвое прельщаютъ собою!..
 Мечъ нашъ очиститъ всѣхъ васъ отъ грѣха—
 Мечъ—освященный на гробѣ Османа..
 Не отомстятъ короли христіанъ
 Намъ за всѣ ваши смертельныя раны!..

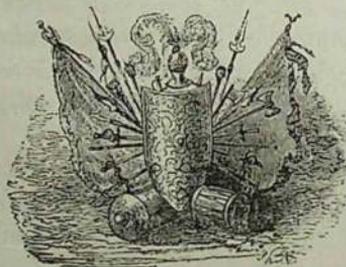
Въ рабствѣ дрожить вся Европа.. Она
 Мысленно дать вамъ свободу желала,
 „Пусть будетъ славный свободенъ народъ!“,—
 Но ни поль-слова она не сказала..
 „Ты замолчи!“,— ей вскричали вожди,
 Данные Богомъ въ минуту презрѣнья..
 Байронъ—опаснымъ примѣромъ служить
 Могъ бы для всѣхъ возбуждавшихъ волненья;
 Только улыбку кончина его
 Вызвала тамъ—у престоловъ гигантскихъ..
 Мы осквернимъ здѣсь всѣ храмы Христа.—
 Мечь насъ не ждетъ королей христіанскихъ!..

*) Больше 50.000 христіанъ погибло во время турецкой рѣзни на островѣ Хіосѣ. Всѣ защитники Псары также погибли, а самый городъ былъ разрушенъ до основанія.

Намъ не мѣшаетъ здѣсь больше ничто
 Нѣтъ больше Псары! Невѣрныхъ губитель—
 Стеръ ее съ лика земного Аллахъ...
 На пепелищѣ ея—побѣдитель
 Отдыхъ справляетъ, купаясь въ крови,—
 Въ грезахъ о той, что пролить остается...
 Пусть нашъ Стамбулъ созерцаньемъ головъ
 Грековъ послѣднихъ на мачтахъ займется!..
 Мы мертвецовъ мертвецамъ возвратимъ,
 Грецію снова въ могилу уложимъ...
 Мстить короли христіанъ за нее
 Намъ вѣдь не стануть,—мы ихъ не тревожимъ!..

„Мы торжествуемъ!“ — дошла орда...
 Вдругъ—кто-то крикнулъ: „Къ намъ греки подходятъ!
 Эллинскій флотъ занялъ берегъ морской,
 Ружья на насъ кандіоты наводятъ!“

Дорого стоила эллиновъ кровь,—
 Турки—своей за нее заплатили...
 Храбрые греки! Сплотитесь тѣспѣй!
 Вѣрой въ себя вы побѣду купили!..
 Еслибъ погибли вы—слезы рѣкой,
 Можетъ быть, всюду-бъ въ Европѣ струились;
 Только и даже тогда-бъ короли
 Странъ христіанскихъ за васъ не вступились!..

Воображаемое путешествіе.

Подходить осень; на своихъ крылахъ
Несетъ мнѣ вѣтеръ новыя страданья:
Всегда больной и бѣдный—вижу я,
Какъ вянуть всѣ былыя упованья;
Я вижу, какъ веселости цвѣты
День-ото-дня становятся блѣднѣе...
О, силы Неба, вырвите меня
Изъ сумрачной Лютеціи*) скорѣе!..
Мои глаза открыться бы должны
Подъ яснымъ небомъ Греціи далекой;
О ней еще я юношей мечталъ,
Тамъ умереть хотѣлъ бы одиноко!..

Зачѣмъ, зачѣмъ переводили мнѣ
Творенія великаго Гомера?!
Его не зная, я бы не искалъ
Его героямъ равнаго примѣра!..
Да, былъ я грекомъ... Правъ ты, Пифагоръ!
Въ Перикла дни въ Афинахъ я родился:
Да, навѣщалъ Сократа я въ тюрьмѣ,
Я Фидіемъ божественнымъ гордился;
Я видѣлъ, какъ Илсса берега
Цвѣли весной; будиль я ичель Гимета...
Тамъ, тамъ хотѣлъ увидѣть бы я прахъ
Веселаго французскаго поэта!..

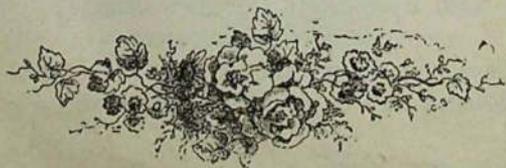
О, боги! Пусть, хоть ослѣпивъ меня,
Мнѣ сердце солнце Аттики согрѣетъ,
Вѣнчанное лучами красоты!
Свободой мнѣ съ полей Эллады вѣетъ;

*) Древнее названіе Париза.

Я слышу клики эллиновъ: „Спѣши, —
 Нашъ Фразибулъ побѣдой встрѣченъ снога!“
 Спѣшу, спѣшу безъ промедленья къ вамъ:
 Въ далекій путь! Ладья уже готова...
 О, море, ты пловца не погуби, —
 Недаромъ мысль я такъ давно лелѣю:
 Тамъ, въ Греціи, хочу я умереть;
 Пристать мнѣ дай къ свободному Пирею!.

Лазурно-ясны, нѣжны и свѣтлы
 Вы, небеса классическаго Рима;
 Но рабство вамъ темнить собой лазурь...
 Плыви, гребецъ мой, дальше! Мимо, мимо!..
 Плыви туда, гдѣ возрожденья день
 Встрѣчаетъ вновь воскресшая свобода,
 Гдѣ самъ Творецъ съ небесъ благословилъ
 Побѣдою вождей борца-народа!..
 Чьи это воды? Что здѣсь за скала?
 Что за земля открылась предо мною?!
 Здѣсь—тиранія въ мукахъ умерла,
 Здѣсь—я хочу свести расчетъ съ судьбою!..

Вы, элинки, красавицы Аѳинъ,
 Подъ ваше небо варвара примите!
 Ободрите мой голосъ, чуждый вамъ,
 Моимъ напѣвамъ сердцемъ хоть внемлите!..
 Для вашихъ скалъ покинулъ я тотъ край,
 Гдѣ даже геній—въ самой жалкой роли...
 Спасите музу бѣдную мою, —
 Грозятъ ей цѣпи тягостной неволи!..
 И если пѣсни скромныя мои
 Васъ могутъ тронуть, въ сердце жизнью вѣя, —
 Когда умру подъ небомъ, вамъ роднымъ,
 Смѣшайте прахъ мой съ пепломъ отъ Тиртея!..

Два формата *).

Мои куплеты! Вы опять
Творите глупость... Кто далъ право
Вамъ появляться предъ толпой
Въ форматѣ важномъ— in-octavo?!
И богословъ, и критикъ васъ
Начнуть преслѣдовать сурово;
Форматъ же въ 32 надуть
Могъ глазъ судьи полудслѣного!..
Теперь—для всѣхъ я на виду,
Точь-въ-точь—какъ клещъ подъ микроскопомъ;
Не обмануться никому
Предъ вашимъ всѣмъ калейдоскопомъ...
 Чтобы не всѣмъ о васъ судить,—
 Вамъ лучше маленькими быть!
 Вамъ лучше всѣмъ,—
 Да, да, вамъ всѣмъ,—
 Быть чуть замѣтными совсѣмъ!..

„Какая дерзость!“— клевета
Теперь увидѣвши васъ, скажетъ
И всѣмъ на вольный вашъ размѣръ
Съ усмѣшкой желчною укажетъ:
„Александрійскому стиху
Форматъ такой еще удобенъ;
Пожалуй—пѣсенникъ-чудакъ
Лѣзть въ Академію способенъ?!“
Не вѣрьте этой клеветѣ,—
Не мѣчу такъ высоко съ вами
Я только, только бы хотѣлъ,
Чтобъ вы—собой остались сами..

*) Это стихотвореніе было написано въ видѣ предисловія къ изданію
«Пѣсенъ» in-octavo (1828 г.).

Чтобы не всёмъ о васъ судить,—
 Вамъ лучше маленькими быть!
 Вамъ лучше всёмъ,—
 Да, да, вамъ всёмъ,—
 Быть чуть замѣтными совсѣмъ!..

Я вижу двухъ глупцовъ... Они—
 Въ свою провинцію вернутся
 И, книжку „Пѣсенъ“ развернувъ,
 Какъ сговорившись—усмѣхнутся...
 Одинъ воскликнетъ: „Орденокъ
 Онъ получить таить надежду,
 Для короля принарядилъ
 Свой томъ въ придворную одежду!“.
 Король,—обмолвится другой,
 Должно быть, просто по ошибкѣ
 Ужъ удостоилъ этотъ томъ
 Дающей ордена улыбки!“.

Чтобы не всёмъ о васъ судить,—
 Вамъ лучше маленькими быть!
 Вамъ лучше всёмъ,—
 Да, да, вамъ всёмъ,
 Быть чуть замѣтными совсѣмъ!..

Вашъ прежній, скромный вашъ форматъ
 Такому классу былъ по нраву,
 Который рыцари искусствъ
 Совсѣмъ обходятъ не по праву:
 Онъ умѣщался и въ сумѣ,
 Онъ осушалъ у нищихъ слезы,—
 Училъ гуляку въ кабацкѣ,
 Что въ чащѣ терній есть и розы...
 Я съ нимъ порою пожиналъ,
 Немало лавровъ мимоходомъ,
 Встрѣчалъ поклонниковъ въ толпѣ
 Совсѣмъ между простымъ народомъ...

Чтобы не всёмъ о васъ судить,—
 Вамъ лучше маленькими быть!
 Вамъ лучше всёмъ,—
 Да, да, вамъ всёмъ,—
 Быть чуть замѣтными совсѣмъ!..

Дрожу теперь я потому,
 Что—самъ пророкъ (въ томъ нѣтъ сомнѣнья!)—

Предвижу я, какъ свой покровъ
На васъ опустить тѣнь забвенья...
Читаютъ васъ, порой поютъ,
Васъ въ увлеченьи повторяютъ:
Одинъ забудетъ и другой,
Какъ всё и всё позабываютъ..
Мой лобъ ужъ чувствуетъ, какъ вдругъ
Вѣнокъ съ него спадаетъ прежній;
Дни нашей юности прошли,
Конецъ для насъ—все неизбѣжнѣй..
 Чтобы не всѣмъ о насъ судить,—
 Намъ лучше маленькими быть!
 Намъ лучше всѣмъ,—
 Да, да, намъ всѣмъ,—
 Быть чуть замѣтными совсѣмъ...

Куплеты къ „моему“ портрету.

Ахъ, фантастическій портретикъ,
Попавшій въ новый сборникъ мой,
Ужель ты думаешь, что каждый
Смѣшаетъ здѣсь меня съ тобой?!
Ты можешь самъ себя украсить
Вѣнкомъ лавровымъ; впрочемъ, нѣтъ—
Гирляндой розъ себя обвѣй ты,
Но все же ты не мой портретъ...
Нѣтъ, нѣтъ,
Вѣдь ты совсѣмъ не мой портретъ!..

Я никому съ себя портрета
Писать ни разу не давалъ...
Кого же ты изображаешь?
Быть можетъ, ты—простой фискаль?!
Ты—лицемѣръ, хитрецъ, святоша;
Тебѣ въ Монружѣ оиміамъ
Давно курили бы съ почтеньемъ,—
Какъ всѣмъ курить готовъ ты самъ...
Нѣтъ, нѣтъ,
Вѣдь все же ты не мой портретъ!..

Ты, можетъ быть, творецъ трагедій,
Академичныхъ риѣмъ столяръ,
Ролей античныхъ полировщикъ—
Что мучилъ Тальмы дивный даръ?..
Такъ этимъ образомъ изящнымъ
Украстить вовсе не съ руки
Досуги музы своевольной—
Мои кабацкіе стишки!..
Нѣтъ, нѣтъ,
Вѣдь все же ты не мой портретъ!..

Иль, можетъ быть, передъ собою
Въ лицѣ натянутомъ твоёмъ
Я вижу крысу мыслей книжныхъ,
Катона съ узкимъ мѣднымъ лбомъ?..
Хоть у меня товаръ запретный
Порой находятъ цензора,—
Съ такимъ клеймомъ пропускать смѣло
Всѣ своевольности пера!..

Нѣтъ, нѣтъ,

Вѣдь все же ты не мой портретъ!..

Но если бы твоя наружность
Была моей,—вѣдь оттого
Ты, мой прекрасный незнакомецъ,
Не получилъ бы ничего.
А мнѣ, коль жить судьба въ грядущемъ,—
И безъ тебя—быть при своемъ
Гораздо лучше аттестованъ
Я въ этомъ сборникѣ одномъ..

Нѣтъ, нѣтъ,

Вѣдь ты совсѣмъ не мой портретъ!..

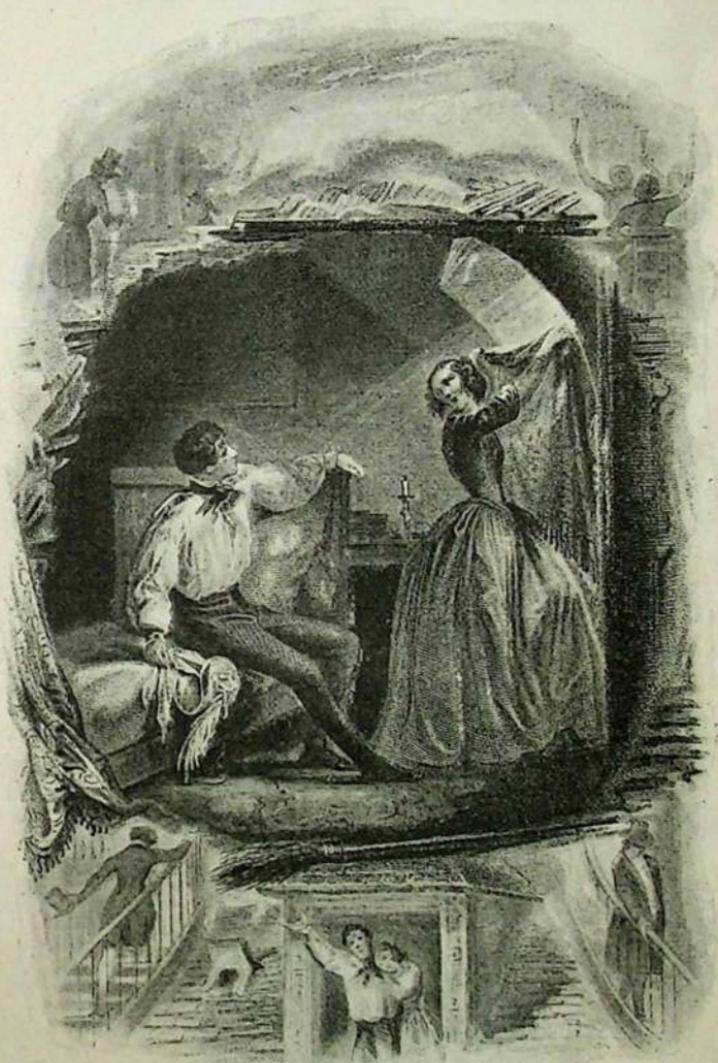

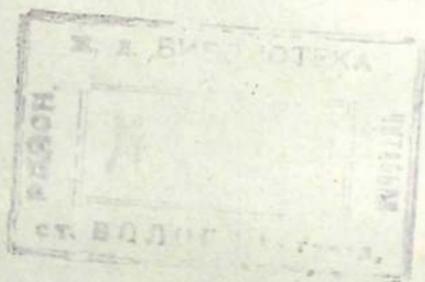
Чердакъ.

Тотъ уголокъ вновь увидалъ я,
Гдѣ юность вольная моя
Переживала съ нищетою
Свои уроки бытія.
Мнѣ было двадцать лѣтъ, не больше;
Любилъ я, былъ любимъ и самъ,
Друзей имѣлъ и жилъ любовью
Къ друзьямъ, подругамъ и къ стихамъ.
Глупцовъ и умныхъ не страшася,
Пускался я въ шумливый свѣтъ;
Легко въ шестой этажъ вбѣгаль я...
Чердакъ хорошъ такъ въ двадцать лѣтъ!..

Да это былъ чердакъ,—хочу я,
Чтобъ знали всѣ мои друзья..
Постель моя была убога,
Тамъ столъ трехногій былъ... И я
Еще теперъ нашелъ три фута
Стиховъ,—ихъ углемъ я писалъ
Тамъ на стѣнѣ... Ахъ, какъ вернуть бы
Я годы юные желалъ!..
Смело своей метлою время
Всѣ наслажденья; нѣтъ какъ нѣтъ
Давнымъ-давно ихъ... Какъ хорошъ былъ
Чердакъ мой милый въ двадцать лѣтъ!..

Онъ былъ хорошъ, когда Лизета
Вдругъ появлялася на немъ,—
Свѣжа, какъ розанчикъ весенній,
Въ нарядѣ скромненькомъ своемъ...
Вбѣжить, сейчасъ сама завѣситъ
Свою шалью мнѣ окно,
Все платье сброситъ на кушетку,—
И безъ него ей все равно!

Амуръ щадилъ ея наряды,—
 Хотѣ шилъ не онъ ихъ, а сосѣдъ..
 Ахъ, какъ хорошъ былъ, какъ удобенъ
 Чердакъ для насъ съ ней въ двадцать лѣтъ!.

Однажды былъ я при деньжонкахъ,
 Друзья сидѣли у стола,
 Стаканы чокались задорно,
 И пѣсня вольная плыла..
 Вдругъ къ намъ донесся крикъ народа:
 „Онъ при Маренго побѣдилъ—
 Нашъ Бонапартъ!“.. Взгремѣли пушки;
 И я свой тостъ провозгласилъ.
 Мы стали въ новой пѣснѣ славить
 Любимца славы, свой привѣтъ
 Слатъ императору французовъ...
 Чердакъ хорошъ былъ въ двадцать лѣтъ!..

Покинемъ юныхъ грезъ разсадникъ,
 Мнѣ страшно за разсудокъ свой!
 О, какъ далеко, какъ далеко
 Все, что творилось тамъ со мной!..
 Готовъ я весь остатокъ жизни
 Отдать за мѣсяцъ хоть одинъ—
 Изъ тѣхъ, когда я голодалъ тамъ—
 Себѣ и рабъ, и властелинъ,—
 Чтобъ вновь мечтать о наслажденьяхъ,
 Чтобъ ждать вновь славы и побѣдъ,
 Чтобъ тратить жизньъ всю за мгновенья.
 Чтобъ вновь мнѣ было двадцать лѣтъ!.

Лѣстница Іакова.

Лѣстницу видѣлъ Іаковъ во снѣ,
Не было лѣстницъ длиннѣй во вселенной;
Ангелы шли къ небесамъ отъ земли
Въ свѣтлой, какъ солнце, одеждѣ негнѣнной...
Кто-то меня увѣрялъ—патріархъ
Видѣлъ, что стали по ней подниматься
Дѣти всѣхъ внуковъ его къ небесамъ,
Думая тамъ лихоимствомъ заняться...

„Боже великій!—Іаковъ вскричалъ,—
Ну, какъ они поскользнутся!
Я ихъ совсѣмъ не за тѣмъ посылалъ...
Ну, какъ они поскользнутся!“

Крикъ патріарха во мракѣ вѣковъ
Замеръ, какъ гласъ, вопіющій въ пустынѣ:
Каждый еврей контрабанду несетъ

Лѣстницею тою небесной донинѣ,—
 Воду, табакъ, веселя, кружева,
 Пачки различныхъ поддѣлокъ безчестныхъ,
 Сумки червонцевъ обрѣзанныхъ. все —
 Для операций довольно извѣстныхъ...

„Боже великій! — Иаковъ вскричалъ,—
 Ну, какъ они поскользнутся!
 Я ихъ совсѣмъ не за тѣмъ посылалъ..
 Ну, какъ они поскользнутся!“.

Видитъ Иаковъ изъ нихъ двухъ или трехъ,—
 Ихъ возвышали несчастія наши....

Пажъ омочилъ золотое перо
 Въ кровью французовъ наполненной чашѣ,—
 Подаль имъ (ленты на нихъ, ордена,
 Даже сверкають кресты и медали!)..
 „Здѣсь—благодать королей всѣхъ!“—они
 Всѣ на шкатулкахъ своихъ надписали..

„Боже великій! — Иаковъ вскричалъ,—
 Ну, какъ они поскользнутся!
 Я ихъ совсѣмъ не за тѣмъ посылалъ..
 Ну, какъ они поскользнутся!“.

„Милые внуки,—сказалъ патриархъ,—
 Богъ всѣ обѣты хранить неизмѣнно,
 Только отъ васъ и зависить кредитъ,
 Властно надъ всей вы царите вселенной!..
 На пониженье играете вы,
 На повышенье ведете аферы;
 Всѣ васъ чумою зовуть короли,
 Но унижались предъ вами безъ мѣры!

„Боже великій! — Иаковъ вскричалъ,—
 Ну, какъ они поскользнутся!
 Я ихъ совсѣмъ не за тѣмъ посылалъ..
 Ну, какъ они поскользнутся!“.

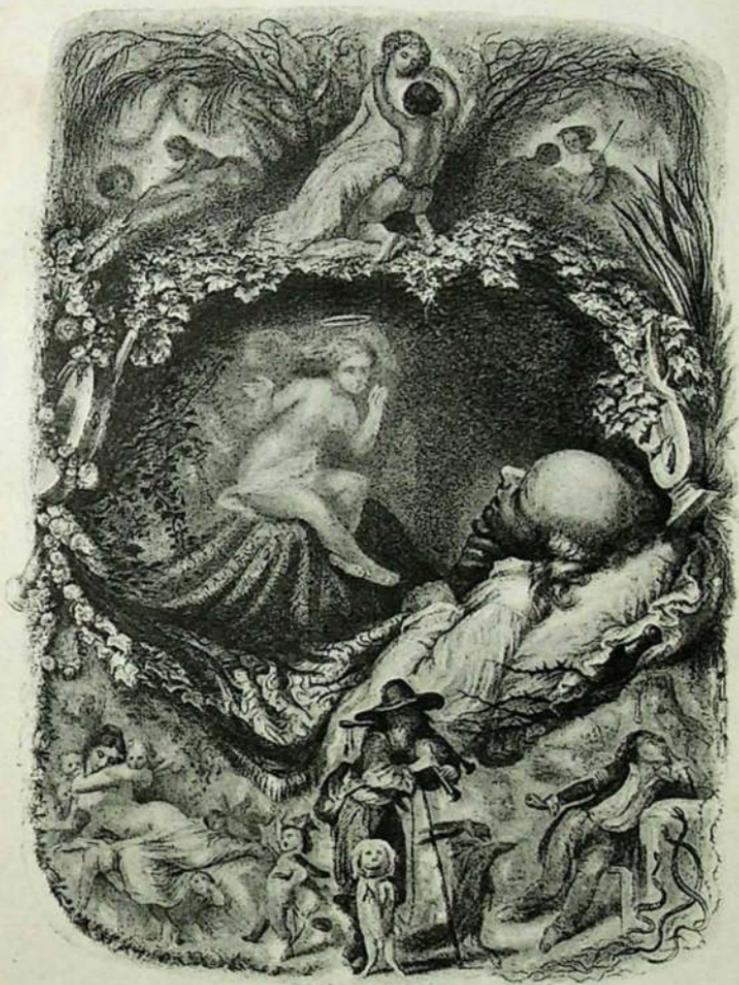
„Кто же за ними идетъ?.. Кавалеръ
 Съ синею лентой... Къ нему мои внуки
 Вмигъ обернулись; вотъ—съ нимъ обнялись.
 Смотрять въ глаза ему, жмутъ его руки..
 Онъ—не изъ нашихъ по виду,—но все-жъ
 Были и памяты всѣмъ тѣ моменты,
 Бралъ онъ когда и съ друзей, какъ съ враговъ,
 Архи-еврейскіе даже проценты...“

„Боже великій! — Іаковъ вскричалъ, —
 Ну, какъ они поскользнутся!
 Я ихъ совсѣмъ не за тѣмъ посылалъ...
 Ну, какъ они поскользнутся!“.

Все поднимаются выше они,
 Лѣстница скроется скоро отъ взоровъ;
 Вдругъ Сатана появился ввизу,
 Крикнулъ: „На биржѣ боятся раздоровъ!“.
 Быстро назадъ оглянулась толпа,
 Кружатся головы, лица блѣднѣютъ, —
 Что если во-время къ биржѣ они
 Снова спуститься съ небесъ не успѣютъ!.

„Боже великій! — Іаковъ вскричалъ, —
 Всѣ они, всѣ поскользнулись!
 Я ихъ совсѣмъ не за тѣмъ посылалъ...
 Всѣ они, всѣ поскользнулись!“.

Переселеніе душъ.

Метампсихозы я поклонникъ—
И даже, можетъ быть, большой, —
Вчера я, лежа на постели,
Сталъ разговаривать съ душой...
Душа сказала мнѣ: „Обязанъ
Поставить свѣчку за меня
Ты завтра въ церкви: безъ меня вѣдь
Не прожилъ ты бы даже дня!..
Но я не дѣвственной явилась
Къ тебѣ... Ты этого не зналъ?“
„Ахъ, нѣтъ, душа моя, я это
Подозрѣвалъ, подозрѣвалъ!“.

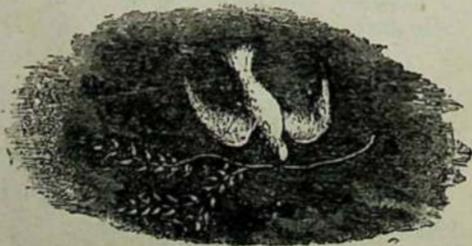
„Я помню, какъ плющомъ была я,
Какъ я на дружескихъ пирахъ
Вѣнками пышными лежала
На подгулявшихъ головахъ...
Потомъ была я вольной пташкой
И пѣла солнышку привѣтъ,
Летала въ полѣ вокругъ пастушекъ,
Порхала всюду много лѣтъ...
Своей свободой я гордилась,
Зефиръ мнѣ крылья расправлялъ“...
— „Душа моя, давно я это
Подозрѣвалъ, подозрѣвалъ!“.

„Была собакой я, Медоромъ,—
Способнѣйшей изъ всѣхъ собакъ,
Слѣнца единственной поддержкой,—
Былъ сытъ и пьянъ со мной бѣднякъ:
Брала его я чашку въ зубы,
Слѣнца водила за собой,

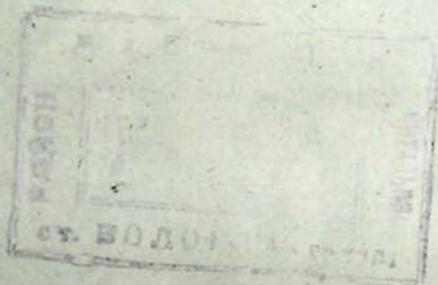
Просила милостыню,—всюду
 Давали намъ наперебой...
 Любилъ бѣднякъ меня, богачъ же
 Меня подачкой поощрялъ "...
 „Душа моя, я это тоже
 Подозрѣвалъ, подозрѣвалъ!“.

„Потомъ я въ дѣвушку забралась,
 Красу я ожиряла ей;
 И вспомнить весело, какъ было
 Приятно мнѣ въ тюрьмѣ моей...
 Но завладѣли вдругъ Амуры
 Моимъ жилищемъ,—стономъ-стонъ
 Въ немъ поднялся, какъ будто разомъ
 Стоялъ въ немъ цѣлый гарнизонъ ..
 Они весь Божій день шумѣли,
 Какъ ночь—въ огнѣ мой домъ пылалъ“ ...
 „Душа моя, и это я вѣдь
 Подозрѣвалъ, подозрѣвалъ!“.

„Пусть мой рассказъ весь твой характеръ
 Тебѣ поможетъ уяснить, —
 Душа сказала,—я дерзнула
 Творцу разокъ не угодить;
 И въ наказанье за проступокъ
 Меня Онъ заперъ вдругъ въ тебѣ...
 Ночей бессонныхъ рядъ, работа,
 Страданье, слезы, вопль къ судьбѣ,—
 Все это дѣлаетъ поэта
 Для душъ всѣхъ адомъ... Ты не зналъ?“.
 —„Ахъ, нѣтъ, душа моя, я это
 Подозрѣвалъ, подозрѣвалъ!“..

Послѣднему президенту Директоріи *).

Я мирно спалъ надъ томикомъ своимъ
(Еще меня изъ-за него не осудили!),—
Когда вы, острымъ кончикомъ пера
Пощекотавъ, меня вдругъ разбудили...
—Что-жь это?!—я тогда спросилъ себя,—
Дурные дни неужто пролетѣли?!
Да развѣ-жь нѣтъ теперъ у насъ бича?
Всѣ до сихъ поръ насъ сѣбли—какъ хотѣли...

Фрондеръ веселый, сѣя шутки, могъ
Ждать только зла—какъ ни шутилъ бы кротко:
Нашъ императоръ билъ линейкой ихъ,
При королѣ—на сцену вышла плетка;
За плеткой—кнутъ; Игнатія сыны **)
Пришли за нимъ съ пучками розогъ длинныхъ...
Богъ милосердъ,—но именемъ Его
Иезуиты будутъ сѣчь невинныхъ!..

Я получилъ удары всѣ сполна,—
Три мѣсяца ихъ щедро выдавали...
Но Гриппъ-Мино, свою расправивъ плеть,
Меня шута преслѣдуетъ едва ли...
Трехъ мессъ Тартюфа кто не простоятъ
Да оніамъ не жжетъ у луврскихъ зданій,—
Бѣда тому: веселыхъ любятъ сѣчь
Любители примѣрныхъ наказаній!..

*) Отвѣтъ г-ну Гоіе, обратившемуся къ автору со стихами на тему
„Всегда пой, не засыпай“. Въ то время Гоіе было болѣе 80 лѣтъ.

**) Иезуиты.

Поете вы, какъ въ юности поють,—
Возможность есть смѣяться вамъ надъ нами..
О, смѣйтесь громче!.. Только уходите
Въ загробный мѣръ не вздумайте вы сами!
Вѣдь памъ въ аду свой уголь отведенъ,—
Кнуты, бичи и плети ждуть насъ въ пеклѣ:
Меня, Колле, Горація и васъ
Тамъ высѣкутъ— какъ даже здѣсь не сѣкли!..

Коронація Карла Простого.

Французы, въ Реймсъ вы собрались—
Какъ и въ былые дни...

Ну, что-жь — кричите: „Монжуа!“,

Кричите: „Сень-Дени!“...

Опять дарить повсюду миръ,

И—въ честь былымъ вѣкамъ—

Влетаетъ стая воробьевъ

Въ старинный этотъ храмъ...

Примѣта древняя вѣрна:

Она гласитъ безъ словъ,

Что будетъ властвовать король

Безъ помощи оковъ..

Но что-жь кричить народъ

Въ священный этотъ часъ.

„Пусть будетъ птичій родъ

Благоразумнѣй насъ!

Пусть хорошенько онъ

Свободу бережетъ!“ —

Кричитъ со всѣхъ сторонъ

Ликующій народъ...

Права обычаямъ былымъ

Вернули всѣ опять...

Про Карла Третьяго *) хочу

Я въ пѣснѣ рассказать.

*) Карлъ III, король французскій, прозванный лѣтописцами „Простымъ“ и „Простоватымъ“ (род. въ 879 г., † въ 929 г.), младшій сынъ Людовика II Косноязычнаго. При замѣщеніи престола онъ былъ обойденъ въ пользу императора Карла III Толстаго. По изложеніи послѣдняго ему пришлось бороться съ узурпаторомъ власти Одономъ, и только послѣ смерти его Карлъ (въ 898 г.) сталъ королемъ всей Франціи, тщетно пытаясь завладѣть полностью наслѣдіемъ Карла Великаго. Во время коронаціи короля Карла X (въ 1824 г.) былъ возобновленъ древній обычай: была впушена въ церковь стая птицъ, какъ и на коронаціи Карла III.

Великаго наслѣдникъ былъ
 Онъ Карла, — по собой
 Извѣстенъ тѣмъ лишь, что имѣлъ
 Прозваніе — „Простой“...
 По разнымъ странамъ онъ блуждалъ
 Со знаменемъ своимъ;
 Въ коронованье — воробы
 Чирикали надъ нимъ...

И весь кричалъ народъ
 Въ священный этотъ часъ:
 „Пусть будетъ птичій родъ
 Благоразумнѣй насъ!
 Пусть хорошенько онъ
 Свободу бережетъ!“ —
 Кричалъ со всѣхъ сторонъ
 Французскій весь народъ...

Весь въ мишурѣ стоялъ король
 Со свитою своею —
 Искусной болѣе всего
 Въ глотаньи податей...
 Ему вассалы всѣ вѣрны,
 Хоть были до того
 Еще вѣрнѣе, чѣмъ ему,
 Противнику его...
 Подачки рты заткнули имъ, —
 На долго ли? — Богъ вѣсть:
 Они привыкли много пить
 И очень вкусно ѣсть!..

И вотъ кричалъ народъ
 Въ священный этотъ часъ:
 „Пусть будетъ птичій родъ
 Благоразумнѣй насъ!
 Пусть хорошенько онъ
 Свободу бережетъ!“ —
 Кричалъ со всѣхъ сторонъ
 Ликующій народъ...

У ногъ прелатовъ по складамъ
 „Confiteor“ святой
 Читаетъ, набожно крестясь,
 Смиренный Карлъ Простой..
 Льютъ на главу ему елей

Крестъ цѣловать дають,
 Подъ звуки гимновъ къ алтарю
 Торжественно ведутъ...
 „Король! Клянись!—духовникъ
 Чуть слышно говорить,—
 Отъ этой клятвы Римъ всегда,
 Коль нужно, разрѣшигъ!“.

Но все-жь кричитъ народъ
 Въ священный этотъ часъ:

„Пусть будетъ птичій родъ
 Благоразумнѣй насъ!

Пусть хорошенько онъ
 Свободу бережетъ!“—

Кричитъ со всѣхъ сторонъ
 Французскій весь народъ...

Карлъ поясъ Карла *) вокругъ себя
 Торжественно обвилъ
 И предъ епископомъ сѣдымъ
 Колѣно преклонилъ...

„Король!—вскричалъ ему солдатъ,—
 Король мой, встаньте! Вы
 Предъ Римомъ не должны склонять
 Вѣнчаемой главы!“.

Король—ни слова; взялъ прелать
 Корону и сказалъ:

„Носи! Отецъ святѣйшій самъ
 Тебя короновалъ!“.

И восклицалъ народъ
 Въ священный этотъ часъ:

„Пусть будетъ птичій родъ
 Благоразумнѣй насъ!

Пусть хорошенько онъ
 Свободу бережетъ!“—

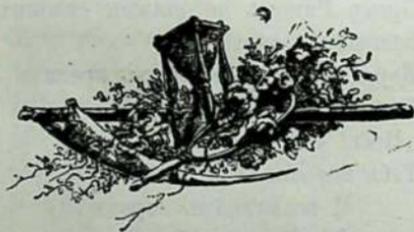
Кричалъ со всѣхъ сторонъ
 Взволнованный народъ...

Летите прочь всѣ, воробьи,
 Предъ вами—папы сынъ;
 Хоть по прозванью онъ и простъ,

*) Поясъ Карла Великаго — одна изъ королевскихъ реликвій древней Франціи.

Но все же властелинъ...
Наврядъ ли онъ не будетъ святъ.
Римъ можетъ все святить!
Кощунство можете вы здѣсь
Случайно совершить;
Летите дальше,—палачи
За вами ужъ слѣдятъ:
Природа тѣхъ не охранить,
Кто будетъ виновать!..

Чу, вновь кричитъ народъ
Въ священный этотъ часъ:
„Пусть будетъ птичій родъ
Благоразумнѣй насъ!
Пусть хорошенько онъ
Свободу бережетъ!“—
Кричитъ со всѣхъ сторонъ
Французскій весь народъ...

Похороны Давида.

—Нѣтъ, нѣтъ! Вы не пройдете!—
Сказалъ имъ часовой,
Когда они Давида *)
Несли къ намъ прахъ родной...
„Солдаты,—они сказали,—
Хоть былъ изгнанникъ онъ,
Но завѣщаль, чтобъ дома
Былъ онъ похороненъ!“.

Хоръ.

Тотъ, кто лишень всего былъ достоянья
И осужденъ влачить ярмо оковъ,—
Какъ счастливъ онъ отъ одного сознанья,
Что встрѣтитъ смерть въ странѣ своихъ отцовъ!..

—Нѣтъ, нѣтъ! Вы не пройдете!—
Сердась, солдатъ вскричалъ...
„Но къ родинѣ въ мигъ смерти
Онъ взоръ свой обращалъ!..
И въ глубинѣ изгнанья
Онъ—какъ въ родной странѣ—
Ея святую славу
Писалъ на полотнѣ“.

Хоръ.

Тотъ, кто лишень всего былъ достоянья

*) Давидъ—талантливѣйшій французскій художникъ начала XIX вѣка, имѣвшій громадное влияние на движеніе, вызванное въ искусствѣ революціей. Наполеонъ, умѣвшій преклоняться предо всѣмъ гениальнымъ, приблизилъ его къ себѣ. Послѣ паденія Бонапарта Давидъ былъ изгнанъ изъ Франціи, куда—послѣ его смерти—не разрѣшили перевезти даже его смертныя останки, несмотря на всѣ просьбы дѣтей художника. Погребеніе его состоялось, съ разрѣшенія короля Нидерландовъ, въ Брюсселѣ.

И осужденъ влачить ярмо оковъ,—
 Какъ счастливъ онъ отъ одного сознанья,
 Что встрѣтитъ смерть въ странѣ своихъ отцовъ!..

—Нѣтъ, нѣтъ! Вы не пройдете!—

Отвѣтилъ часовой..

„Въ свободѣ лишь свободу
 Онъ видѣлъ... Край родной
 Былъ весь ему обязанъ
 Своимъ убранствомъ въ дни,
 Когда въ немъ загорались
 Лучей надеждъ огни!“.

Хоръ.

Тотъ, кто лишень всего былъ достоянья
 И осужденъ влачить ярмо оковъ,—
 Какъ счастливъ онъ отъ одного сознанья,
 Что встрѣтитъ смерть въ странѣ своихъ отцовъ!..

—Нѣтъ, нѣтъ! Вы не пройдете!

Таковъ мнѣ данъ приказъ!..

„Великаго солдата
 Онъ рисовалъ неразъ,
 Юпитера въ немъ видѣлъ
 Онъ родины своей,—
 Увы, не зналъ художникъ,
 Что это —Прометей *)!“.

Хоръ.

Тотъ, кто лишень всего былъ достоянья
 И осужденъ влачить ярмо оковъ,—
 Какъ счастливъ онъ отъ одного сознанья,
 Что встрѣтитъ смерть въ странѣ своихъ отцовъ!..

—Нѣтъ, нѣтъ! Вы не пройдете!—

Солдаты печалены сталь..

„Сто битвъ въпчавъ побѣдой,
 Герой—въ сто первой палъ;
 Его художникъ вѣрный
 Въ изгнаньи кончилъ дни...
 О, Франція, хоть гробу
 Ты двери распахни!“.

*) Намекъ на то, что Наполеонъ былъ „прикованъ“ къ скалѣ Св. Елены.

Хоръ

Тоть, кто лишень всего былъ достоянья
И осужденъ влачить ярмо оковъ, —
Какъ счастливъ онъ отъ одного сознанья,
Что встрѣтитъ смерть въ странѣ своихъ отцовъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы не пройдете! —
Заплакалъ часовой...

„Ну, что-жь—назадъ вернемся...

Прости, нашъ край родной!..

Искусство потеряло

Свой яркій свѣточъ въ немъ, —

Какъ нищему—могилу

Просить ему пойдемъ!“.

Хоръ.

Тоть, кто лишень всего былъ достоянья
И осужденъ влачить ярмо оковъ, —
Какъ счастливъ онъ отъ одного сознанья,
Что встрѣтитъ смерть въ странѣ своихъ отцовъ!..

Безконечно малые.

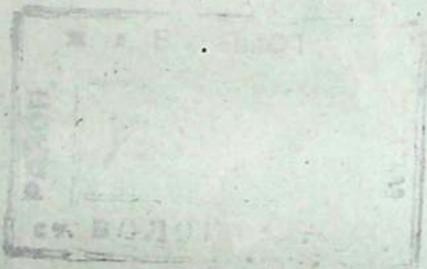
Друзья мои; я вѣрю въ колдовство...
Одинъ волшебникъ въ зеркалѣ недавно
Мнѣ показалъ — какъ на ладони — все
Грядущее моей отчизны славной...
О, Боже мой! Что за ужасный видъ! —
Я увидалъ Парижъ и всѣ предмѣстья:
Годъ девятьсотъ тридцатый наступилъ,
А все еще царило въ немъ безчестье...

Насъ замѣняетъ карликовъ народъ,
Потомки наши всѣ сравнялись съ ними, —
Едва-едва я могъ ихъ разглядѣть,
Укрывшихся подъ кровлями своими.
Вся Франція преобразилась въ тѣнь
Той Франціи, что въ молодые годы
Я зналъ и видѣлъ... Призрачно въ ней все,
Не исключая и самой свободы...

Ахъ, сколько въ ней чуть-видимыхъ существъ,
Иезуитовъ крошечныхъ такъ много!..
И каждый намъ несетъ передъ собой
Подъ микроскопомъ видимаго бога...
Все, что они на жизнь благословятъ,
Преслѣдуетъ сейчасъ же вырожденье:
На семинаріи похожи стали вдругъ
И высшія всѣ наши учрежденья...

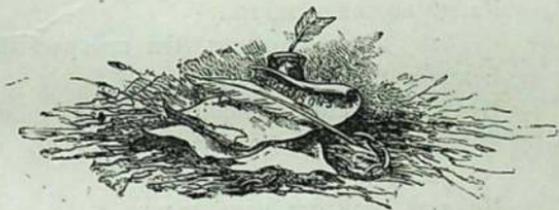
Все измельчало: фабрики, дворцы,
Коммерція, искусства и науки;
Отъ каждаго лишенія у всѣхъ
Кипятъ въ душѣ отчаянія муки ..

На плохо запертой границѣ день и ночь,
Подъ еле слышную команду барабановъ,
Миниатюрной арміи ряды
Толкуются, какъ стада испуганныхъ барановъ...

И, въ завершенье этихъ всѣхъ картинъ,
Мнѣ зеркало гиганта показало—
Еретика, котораго едва
Огромная вселенная вмѣщала...
Подходить онъ къ пигмеямъ, намъ роднымъ,
Черезъ арміи ничтожныя шагая,
И Францію кладеть къ себѣ въ карманъ,
Вниманья ни на что не обращающа...

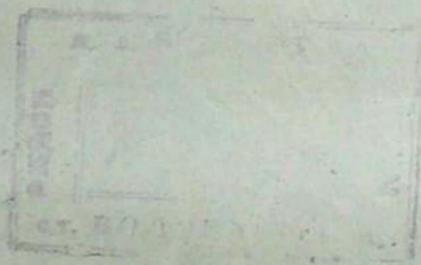
Охотникъ и молочница.

Проснулся жаворонокъ съ пѣсней
Къ зарѣ безоблачнаго дня,—
Иди, молочница-красотка,
Не бойся, милая, меня!
Пойдемъ за мной подъ сѣнь деревьевъ,—
Слова любви услышишь ты;
Въ травѣ росистой для тебя я
Найду весенніе цвѣты...
— „Ахъ, нѣтъ, охотникъ мой прекрасный,
Боюсь я маменьки родной!..
Нѣтъ, я не стану понапрасну
Терять и времени съ тобой!“.

Но мать твоя отъ насъ далеко,
Тамъ—за пригоркомъ, гдѣ теперь
Пасутся козы,—не услышать,
Ей не увидѣть насъ, повѣрь!..
Я научу тебя той пѣснѣ,
Что дамы свѣтскія поютъ,—
Кто съ ней знакомъ—отъ той красотки
Сердца изъ плѣна не уйдутъ!..
— „Ахъ, нѣтъ, охотникъ! Я знакома
Давнымъ-давно ужъ съ пѣсней той,—
Нѣтъ, не хочу я попустому
Здѣсь тратить времени съ тобой!“.

Я расскажу тебѣ, красотка,
О томъ, какъ старый жилъ баронъ
И за собой увлекъ въ могилу
Жену ревнивецъ-Гарпагонъ...
Кому потомъ расскажешь снова
Ты повѣсть эту вечеромъ,—

Всѣ не сомкнуть и глазъ отъ страха
 До зорьки утренней потомъ...
 — „Ахъ, пѣтъ, охотникъ! Повѣсть эту
 Сама я знаю... Вздоръ пустой!
 Мнѣ пѣтъ разчета тратить даромъ
 Здѣсь ни минуточки съ тобой!“.

Я научу тебя заклятьямъ,
 Какъ заговаривать волковъ,
 Какъ заклинать всѣ злыя чары
 Зловредныхъ вѣдьмъ и колдуновъ.
 Ихъ взгляды намъ несутъ несчастья, —
 Старухъ всѣхъ бойся, какъ огня!
 Но противъ нихъ, моя красотка,
 Есть тоже средство у меня...
 — „Ахъ, пѣтъ, охотникъ! Мнѣ не надо:
 Вѣдь четки день и ночь со мной!..
 Прощай, мнѣ некогда про это
 И разговаривать съ тобой!“.

Ну, посмотри на этотъ крестикъ:
 Какъ онъ блеститъ! А сколько въ немъ
 Горитъ рубиново драгоцѣнныхъ,
 Вагрянымъ искрится огнемъ...
 Возьми его — онъ привлекаетъ
 Къ дѣвицамъ каждый взглядъ на грудь:
 Не мало стѣитъ онъ... Въ награду
 Жду отъ тебя чего-нибудь!..
 — „Какъ онъ хорошъ!.. Охотникъ добрый,
 Тебя готова слушать я!..
 Терять я времени не стану, —
 Давай свой крестикъ!.. Я — твоя!“.

Добрый вечеръ.

За молодость, прошедшую такъ скоро,
Мы чокнемся, Лесня мой дорогой!
Нашъ день померкъ... Какъ много наслажденій
Погасло съ нимъ для насъ, дружокъ, съ тобой!
Но предаваться рано сожалѣньямъ,
Когда жива веселость сердца въ насъ,
Когда надежду новую питаетъ
Желанныхъ встрѣчъ завѣтный каждый часъ...

Другъ старый мой,
Пусть день погасъ,
Пусть нашу жизнь мы доживаемъ,—
Вѣдь мы съ тобой
Еще неразъ
Свой добрый вечеръ повстрѣчаемъ!..

Зимъ пятьдесятъ промчалось надъ тобою,—
Я отъ тебя недалекѣ отсталъ;
Но въ этихъ зимахъ праздники бывали,
А не одинъ суровыхъ будней шкваль...
Вѣдь развѣ лучше было бы, когда-бъ мы
Не такъ поспѣшно въ молодости шли,
Когда, себѣ богатства накопляя,
Отъ бѣдности стояли бы вдали?..

Другъ старый мой,
Пусть день погасъ,
Пусть нашу жизнь мы доживаемъ,—
Вѣдь мы съ тобой
Еще неразъ
Свой добрый вечеръ повстрѣчаемъ!..

Ты былъ моимъ учителемъ въ искусствѣ,—
Я за тобой слагалъ свой первый стихъ

И—зависти нимало не внушая—
 Имъ заслонялъ всю красоту твоихъ. .
 Единственнымъ плодомъ на древѣ жизни
 Явились пѣсни... Слава тѣмъ плодамъ!..
 Пусть возродится наше въ нихъ бывшее,
 Иллюзія дасть наслажденья намъ!..
 Другъ старый мой,
 Пусть день погасъ,
 Пусть нашу жизнь мы доживаемъ,—
 Вѣдь мы съ тобой
 Еще не разъ
 Свой добрый вечеръ повстрѣчаемъ!..

Мы отдохнемъ... Теперь вѣдь всѣ Амуры, —
 Хоть ради нихъ трудились мы всегда,—
 Увидѣвъ насъ въ дорогѣ, закричали-бъ:
 „Ложитесь спать скорѣе, господа!“
 Что за бѣда, что солнце закатилось,
 Что скоро нашъ послѣдній минетъ день,—
 Намъ наша дружба лампу зажигаетъ,
 Чуть надъ землею опуститъ сумракъ тѣнь.
 Другъ старый мой,
 Пусть день погасъ,
 Пусть нашу жизнь мы доживаемъ,—
 Вѣдь мы съ тобой
 Еще не разъ
 Свой добрый вечеръ повстрѣчаемъ!..

Миссіонеръ изъ Монружа.

Аве, Магіа! Сосѣдка моя,
Пусть небеса освѣтятъ васъ собою!
Я изъ Монружа къ вамъ прибылъ сюда
Съ вѣстью спасительной, съ вѣстью святою.
Тамъ надо всѣмъ Духъ Господень парить;
Онъ вамъ моими устами вѣщаетъ:
Грацію вашу, веселость и умъ
Тщетно влюбленный въ нихъ міръ прославляетъ!..
Голосъ Игнатія къ вамъ обращень, --
Слышите—въ каждомъ углу:
Глу-глу, глу-глу, глу-глу-глу!..
„Кайтесь и плачьте!“—взываетъ къ вамъ онъ...
Глу-глу, глу-глу!..
Голосъ Игнатія къ вамъ обращень..

Шлете привѣтъ просвѣщенію вы
Вѣка слѣпцовъ, развращеннаго вѣка;
Лишь по Вольтеру готовы судить
Вы о гражданскихъ правахъ человѣка .
Что вамъ Вольтеры!.. Забудьте о нихъ,—
Дерзости ихъ мудрый тактъ предпочтите,
Смѣло въ объятія смиренныхъ отцовъ
Ваше открытое сердце несите!..
Голосъ Игнатія къ вамъ обращень, --
Слышите—въ каждомъ углу:
Глу-глу, глу-глу, глу-глу-глу!..
„Кайтесь и плачьте!“—взываетъ къ вамъ онъ...
Глу-глу, глу-глу!..
Голосъ Игнатія къ вамъ обращень...

Васъ всѣ искусства чаруютъ всегда,
Объ ради васъ за смычокъ свой берется,

Слава искусствъ не даетъ намъ заснуть,—
Слишкомъ ужъ много ей лавровъ дается!..
Нашего друга спросите — Франше, —
Онъ подтвердитъ вамъ, что вовсе не вкусно
Изъ лебедей и орловъ фрикассе,
Какъ бы его ни готовить искусно...

Голосъ Игнатія къ вамъ обращенъ, —

Слышите — въ каждомъ углу:

Глу-глу, глу-глу, глу-глу-глу!..

„Кайтесь и плачьте!“ — взываетъ къ вамъ онъ...

Глу-глу, глу-глу!

Голосъ Игнатія къ вамъ обращенъ...

Бросьте промышленность нашу хвалить;
Честь ея мужъ вашъ поддерживать можетъ, —
Только не думайте, будто онъ тѣмъ
Родинѣ вашей хоть вѣплю поможетъ!
Трудъ не даетъ счастья вѣрнымъ своимъ;
Счастье — народу излишнее бремя, —
Будетъ съ него, что несетъ онъ суму...
Пусть онъ отъ насъ и зависитъ все время!..

Голосъ Игнатія къ вамъ обращенъ, —

Слышите — въ каждомъ углу:

Глу-глу, глу-глу, глу-глу-глу!..

„Кайтесь и плачьте!“ — взываетъ къ вамъ онъ...

Глу-глу, глу-глу!..

Голосъ Игнатія къ вамъ обращенъ...

Благотворительность ваша давно
Всѣмъ намъ извѣстна, — о ней повторять
Каждый голодный бѣднякъ бѣдняку;
Лишь одного для нея не хватаетъ!..
Расположенія нашего что-жь
Вы не искали?! Безъ насъ все — безвольно!..
Мы васъ научимъ богатства дѣлать:
Су — бѣдняку, намъ — червонца довольно!..

Голосъ Игнатія къ вамъ обращенъ, —

Слышите — въ каждомъ углу:

Глу-глу, глу-глу, глу-глу-глу!..

„Кайтесь и плачьте!“ — взываетъ къ вамъ онъ...

Глу-глу, глу-глу!..

Голосъ Игнатія къ вамъ обращенъ...

Съ помощью братьевъ моихъ и отцовъ—
 Этихъ садовниковъ райскаго сада—
 Вы мнѣ позволите-ль вашу спасти
 Душу святую отъ гибели ада?!.
 Неба достойны вы свѣтлыхъ жилищъ,
 Встрѣтимся мы тамъ навѣрное съ вами...
 Будутъ сжигать на кострахъ тамъ другихъ,—
 Смилуйся, Боже Предвѣчный, надъ нами!..

Голосъ Игнатія къ вамъ обращень—
 Слышите— въ каждомъ углу:

Глу-глу, глу-глу, глу-глу-глу!..

„Кайтесь и плачьте!“—взываетъ къ вамъ онъ!..

Глу-глу, глу-глу!..

Голосъ Игнатія къ вамъ обращень...

Аве, Maria!.. Напрасно глупцы
 Стали бы здѣсь надо мною смѣяться,—
 Умниковъ вашихъ я всѣхъ превзойду,
 Пусть-ка со мною поспорить рѣшатся!..
 Даже за вашимъ обѣдомъ, Мари,
 Быть я сумѣю настолько любезнымъ,
 Что окажусь и пріятнымъ для дамъ,
 Очень пріятнымъ—не только полезнымъ!..

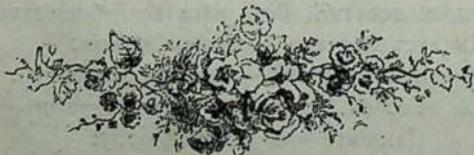
Взглядъ мой сейчасъ къ трюфелямъ обращень,
 Винамъ пою я хвалу:

Глу-глу, глу-глу, глу-глу-глу!..

Мигъ наслажденья ловите!.. Вотъ онъ!..

Глу-глу, глу-глу!..

Взглядъ мой сейчасъ къ трюфелямъ обращень...

День Ватерлоо.

Сказали старые солдаты:
„Поэтъ, благодаря тебѣ,
Теперь есть пѣсни у народа
Наперекоръ его судьбѣ!
Надъ лаврами всѣхъ партій смѣйся,—
Что ихъ признанье, ихъ отказъ!..
Свои стихи намъ посвящай ты,
Найдутся подвиги у насъ...
Воспой нашъ день послѣдней славы,
Послѣдній день всѣхъ нашихъ бѣдъ!“
Я отвѣчалъ, потупивъ взоры:
„Ему въ стихахъ названья нѣтъ!“

Въ Афинахъ кто же Херонею *)
Подъ звуки лиры воспѣвалъ,
Когда весь городъ удрученный
Филиппа славу проклиналъ!..
Тогда афиняны обманули
Ихъ олимпійцы; этотъ день
Увидѣлъ, какъ позорно пала
Имперіи великой тѣнь;
Увидѣлъ онъ, какъ чужеземецъ
Принесъ ярмо своихъ оковъ,
Какъ имъ французы улыбались..
Нѣтъ для него моихъ стиховъ!..

„Погибни ты, гигантъ побѣды!—
Провозглашали короли:
Сходитесь къ намъ, друзья-народы,
Сюда со всѣхъ концовъ земли!..

*) Въ битвѣ при Херонеѣ македоняне, подъ предводительствомъ Филиппа и его сына Александра, окончательно побѣдили афиняны.

Свой похоронный звонъ свобода
 Сегодня кончила звонить;
 Вы насъ спасли.. Теперь мы станемъ
 По вашей милости царить!“.
 Да, палъ гигантъ, и вотъ — пигмеи
 Насъ въ жертву рабству отдають...
 День, обманувшій нашу славу,
 У насъ вовѣкъ не воспоють!..

О чемъ скорблю? — вопросы слышу
 Я отъ людей не нашихъ дней...
 Что имъ за дѣло до причины
 Всѣхъ нашихъ тягостныхъ скорбей!..
 Корабль погибъ нашъ въ злую бурю,
 Ихъ колыбель всплыла потомъ
 На тихо плещущемъ потокѣ;
 Они — насъ, мы — ихъ не поймемъ!..
 Пусть будутъ счастливы! Ихъ солнце
 Не видитъ зорь былого дня...
 Нѣтъ, еслибъ сталъ онъ спомъ лишь только —
 Ему нѣтъ пѣсень у меня!..

Въ альбомѣ г-жѣ Ам. де-В.

Пусть этотъ вашъ альбомъ
Всегда вамъ повторяетъ,
Что пѣсенникъ-старикъ,
Васъ видя, оживаетъ,—
Что ваша доброта
И грація, и нѣжность
Вновь разбудили въ немъ
Дней юности мятежность;
Что вашимъ взоромъ я
Обманутъ на мгновенье...
Любовь сверкнула въ немъ?
Нѣтъ, это—заблужденье!..
Какъ вѣрить мнѣ въ нее?!.
Хоть вы и не лукавы,—
Улыбку красоты
За лучъ я принялъ славы!..

Надгробная рѣчь Тюрлюпену.

Онъ умираетъ, съ нимъ веселье все
 Угаснетъ вмѣстѣ; онъ такъ часто прежде
 Насъ заставлялъ отъ смѣха умирать,
 Ввѣряя жизнь спасительной надеждѣ.
 Въ своемъ театрѣ подъ шатромъ небесъ,
 Мысль уводя отъ жизненнаго плѣна,
 Онъ всѣхъ плѣнялъ, чаруя всѣ умы
 Игрой въ роляхъ и Жилля, и Скапена...

Такъ пусть всѣ плачутъ, плачутъ,
 Пусть плачутъ всѣ (увы и ах!),—
 Всѣ на его похоронахъ
 Пусть плачутъ, плачутъ, плачутъ
 Надъ прахомъ Тюрлюпена!..

Его узнать не соблаговоливъ,
 Нашъ вѣкъ—своей кичася глубиною—

Не разглядѣлъ, что оживаль Сократъ
 Подъ пеструю одеждой шутовскою...
 Чтобъ имя съ нимъ не умерло его,
 Чтобъ пережить его оно могло бы,—
 Приди ты, Кліо, съ книжкой записной
 И опиши всю жизнь его до гроба!..

Да, пусть всё пишутъ, пишутъ,
 Пусть пишутъ всё (увы и ах!),—
 Всё на его похоронахъ
 Пусть пишутъ, пишутъ, пишутъ,
 Чтò былъ онъ за особа!..

Сынъ аббатиссы былъ нашъ Тюрлюпенъ
 И вмѣстѣ съ ней—почтеннаго прелата,—
 Но не гордился этимъ никогда,
 Какъ будто знатность—лишняя заплата...
 Безъ смѣха онъ не могъ взирать на міръ,
 Гдѣ—что ни шагъ—то подлая измѣна;
 Смѣшны казались предковъ имена,
 Когда онъ ихъ читалъ въ трудахъ Тюрпена...

Такъ пусть же хвалять, хвалять,
 Пусть хвалять всё (увы и ах!),—
 Всё на его похоронахъ
 Пусть хвалять, хвалять, хвалять
 Смыслъ здравый Тюрлюпена!..

Сперва съ толпой Бастилію онъ взялъ,
 Солдатомъ былъ и награжденъ былъ раной;
 Потомъ въ Куртиллѣ началъ онъ играть,
 Отъ нищеты толстѣя постоянной;
 Отъ всякихъ бѣдъ одинъ имѣлъ рецептъ—
 Свою веселость, посланную свыше;
 Не увлекаясь славою земной,
 Шелъ далеко, хотя шагаль все тише...

Такъ пусть же ищутъ, ищутъ,
 Пусть ищутъ всё (увы и ах!),—
 Всё на его похоронахъ
 Пусть ищутъ, ищутъ, ищутъ
 Секретъ его афиши!..

Фальшивое величье отрицалъ
 И весь свой вѣкъ служилъ святой идеѣ;
 Среди друзей, веселыхъ бѣдняковъ,
 Всѣхъ веселѣе былъ онъ, всѣхъ бѣднѣе...

Порой, чиня худые сапоги,
Онъ говорилъ: „Ведеть сабо *) насъ къ счастью,—
Такъ чѣмъ же хуже туфель бальныхъ онъ—
Товарищъ нашъ по всякому ненастью?“.

Ахъ, пусть берутъ уроки,
Пускай берутъ (увы и ахъ!),—
Всѣ на его похоронахъ,
Пусть всѣ берутъ уроки
Борьбы съ гнетущей страстью!..

„Пойди, — ему сказали, — въ Лувръ скорѣй!“...
— „Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — для чего пойду я?!..
Я не привыкъ ни кланяться, ни льстить!
Своей свободой съ дѣтства дорожу я!..
Ей-Богу, если нужно мнѣ кричать:

„Да здравствуетъ!“ кому-нибудь подъ небомъ,—
Я закричу: „Да здравствуетъ тотъ другъ,
Что каждый день меня снабжаетъ хлѣбомъ!“.

Такъ пусть же идутъ, идутъ,
Пусть идутъ всѣ (увы и ахъ!),—
Хоть на его похоронахъ
Пусть идутъ, идутъ, идутъ
Вослѣдъ его потребамъ!..

„По воскресеньямъ за десять экю
Ты побѣдителей всѣхъ славъ на зло сраженнымъ!“—
Ему сказали...— „Нѣтъ, — онъ отвѣчалъ,—
Я буду пѣть хвалу всѣмъ побѣжденнымъ!“.
— „Ну, если такъ—тогда иди въ тюрьму,
Иди—узнай, чѣмъ кормить всѣхъ измѣна!“.
Онъ отвѣчалъ: „Согласенъ, я иду!“.

И самъ сейчасъ пошелъ въ „отель Криспена“...

Ахъ, пусть всѣ вторять, вторять,
Пусть вторять всѣ (увы и ахъ!),—
Хоть на его похоронахъ
Пусть вторять, вторять, вторять
Отвѣту Тюрюцена!..

„Не хочешь ли—напутствуетъ сейчасъ
Тебя любой Игнатія каноникъ?“.

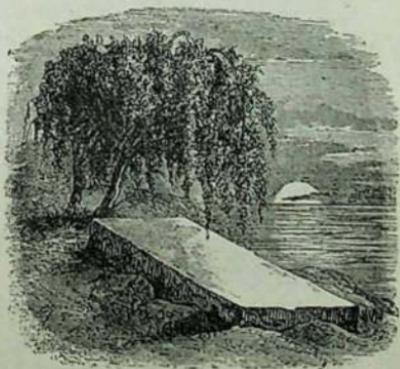
— „Нѣтъ, нѣтъ, не надо!— онъ имъ отвѣчалъ,—
Я черныхъ мантий вовсе не поклонникъ!

*) Сабо—деревянный сапогъ.

Вѣдь между нами вѣчно шла борьба
 За первенство на высотѣ эстрады...
 Не нужны мнѣ Юпитера жрецы,
 Когда лишь Бахусъ—богъ земной отрады!“.

Такъ пусть же внемлять, внемлять,
 Пусть внемлять всѣ (увы и ахъ!),—
 Хоть на его похоронахъ
 Пусть внемлять, внемлять, внемлять
 Всѣ богу винограда!..

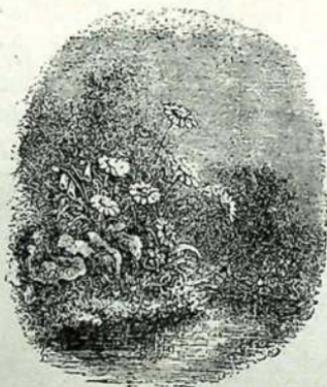
Почтимъ того останки, господа,
 Кто обладалъ однимъ лишь недостаткомъ—
 Что слишкомъ мать была его нѣжна
 И самъ онъ въ жизнь вступилъ съ такимъ задаткомъ...
 Онъ нѣженъ былъ, онъ пылокъ такъ же былъ,
 Какъ мать его, покойница Ирена:
 До зернышка послѣдняго бы съѣлъ
 Онъ Евы плодъ, не утрушаясь тлѣна...
 О, пусть же всѣ воздвигнуть,
 Воздвигнуть пусть (увы и ахъ!)—
 Презрѣвъ позорный рабскій страхъ,
 Пусть монументъ воздвигнуть
 Во славу Тюрюлена!..

Гортензіи***.

Прошу васъ принять эти пѣсни,—въ нихъ муза
Поетъ, что Амуръ покидаетъ меня,
Про славу поетъ, что—какъ тѣнь—исчезаетъ,
Родясь и темнѣя въ теченіе дня...

Для васъ богъ любви не имѣетъ значенья,
Вторая-жь прельщаетъ пытливый вашъ духъ...
Клянусь вамъ, Гортензія, первый—вѣриѣ
Изъ этихъ извѣстныхъ обманщиковъ двухъ!..

Два гренадера.

Первый.

Насъ забываютъ на посту...
Ришаръ! Бьетъ полночь въ замкъ... Слышишь?..

Второй.

Италію увидимъ мы, —
Тамъ хоть свободнѣе подышишь...

Первый.

Я отъ души благодарю
За климатъ Эльбу... Жизнь легка тамъ...

Второй.

Будь въ глубинѣ Россіи онъ*), —
Пошли-бъ за старымъ мы солдатомъ!..

Вмѣстѣ.

Да, гренадеры-старики,
Пойдемъ за старымъ мы солдатомъ!.

Второй

Какъ быстры пораженій дни!..
Гдѣ-жь вы, Берлинъ, Москва и Вильна?—
Еще я вижу—на штыкахъ
Горятъ огни Кремля обильно...
А между тѣмъ, когда Парижъ
Былъ отданъ безъ кровавой чаши,—
Еще не пусты были въ немъ
Всѣ боевые патронташи...

Первый.

„Отрекся онъ“, — всѣ говорятъ...
Скажи мнѣ, что-жь это за слово?
Опять республику вернуть
Хотятъ французамъ что ли снова?!

*) Наполеонъ I.

Второй.

Намъ возвращаютъ короля!
 Ахъ, еслибъ сто коронъ хранилось
 У императора,—на нихъ
 Сто претендентовъ бы явилось!..
 Я знаю—онъ бы роздалъ ихъ,
 Какъ милостыню, кандидатамъ..
 Эхъ, гренадеры-старики,
 Пойдемъ за старымъ мы солдатомъ!..

Вмѣстѣ.

Да, гренадеры-старики,
 Пойдемъ за старымъ мы солдатомъ!..

Первый.

Едва мерцаетъ въ замкѣ свѣтъ—
 Въ одномъ портретномъ старомъ залѣ..

Второй.

Лакеи съ предками льстецовъ,
 Въ плащи закутавшись, сбѣжали;
 Споровъ съ костюмовъ галуны,
 Слѣшать къ хозяину другому,—
 Всѣ перья мертваго орла
 Распродаютъ дрозду живому;
 Имъ все равно—кому служить,
 Лишь не остаться бы за штатомъ..
 Ну, гренадеры-старики,
 Пойдемъ за старымъ мы солдатомъ!..

Вмѣстѣ.

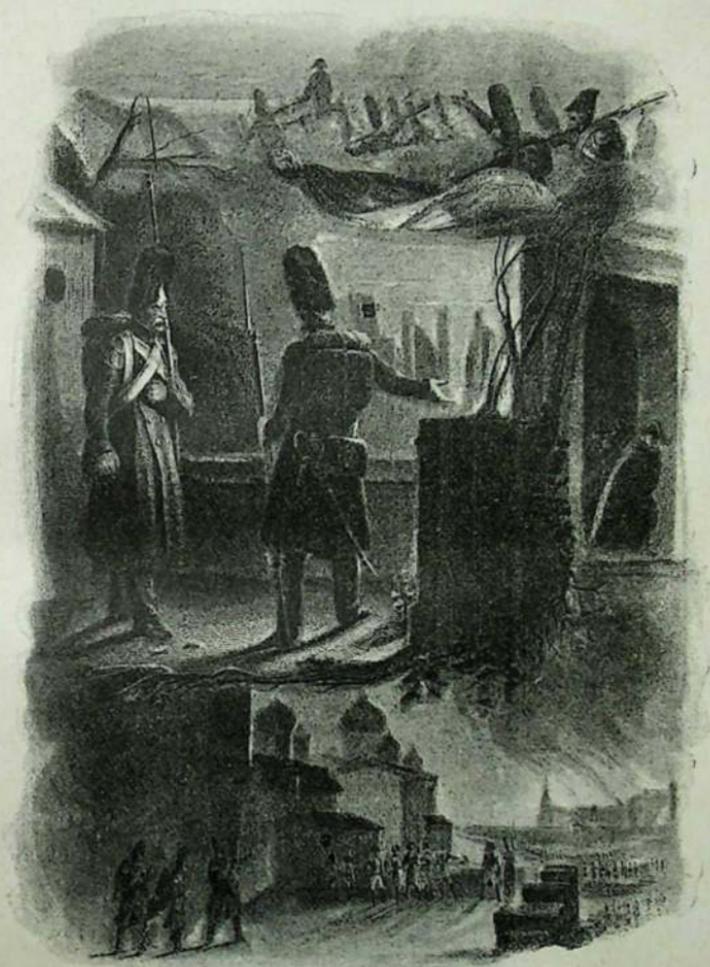
Да, гренадеры-старики,
 Пойдемъ за старымъ мы солдатомъ!..

Первый.

И маршалы бѣгутъ туда-жъ,
 Набивши золотомъ карманы...

Второй.

За ихъ чины—расплатой кровь,
 Войцовъ товарищей всѣ раны..
 Ихъ крестной матерью была
 Въ день битвы добытая слава:
 Они же крестнаго отца
 Тешерь погинули лукаво..
 У насъ нѣтъ золота; зато
 Владѣемъ кладомъ мы богатымъ—
 Солдатской честью... Старики,
 Пойдемъ за старымъ мы солдатомъ!..

Вмѣствъ.

Да, гренадеры-старики,
Пойдемъ за старымъ мы солдатомъ!..

Первый.

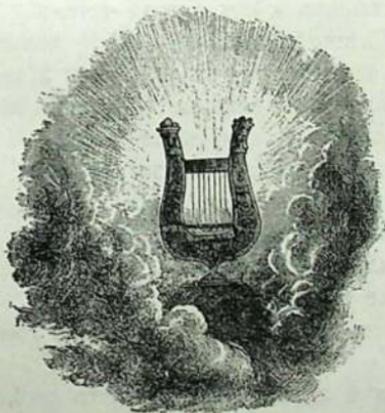
Я, четверть вѣка прослуживъ,
Хотѣлъ въ отставку безъ урона...

Второй.

Покрытый ранами—и я
Покинуть помышлялъ знамена..
Но разбивать сосудъ тогда,
Когда все вышито, что было,—
Лишь тотъ вѣдь можетъ, въ комъ корысть
Всю благодарность погасила..
Прощайте, дѣти и жена;
Прощай, отчизна!.. Братъ за братомъ—
Всѣ, гренадеры-старики,
Пойдемъ за старымъ мы солдатомъ?!

Вмѣствъ.

Да, гренадеры-старики,
Пойдемъ за старымъ мы солдатомъ!

Еще Амуры.

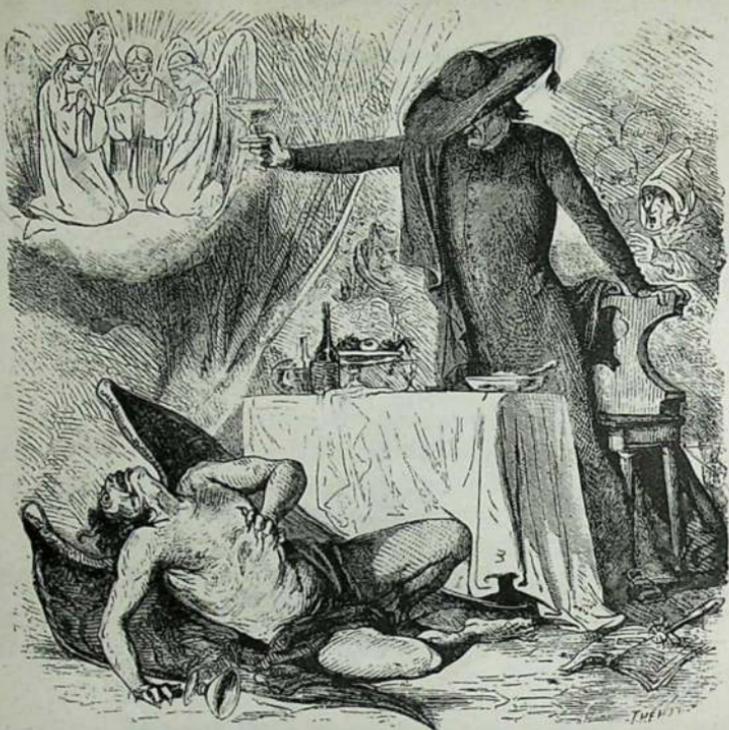
Я говорилъ себѣ, что дней счастливыхъ боги
Покинули меня, я—одинокъ и старь...
Прощай, моя послѣдняя надежда—
Обманчивыхъ боговъ случайный дарь!..
Измѣнники—они мнѣ обѣщали
Закрѣть глаза въ послѣдній жизни часъ,—
И вотъ ихъ нѣтъ, хотя огонь во взорѣ
И не совсѣмъ еще во мнѣ погасъ!..
Я говорилъ... Какъ вдругъ вошла красotka,
Одно лишь слово—я у милыхъ ногъ...
Еще не всѣ Амуры улетѣли;
Еще мой часъ, прощальный часъ, далекъ!..

Хоть это—новый поводъ для страданій,
Но слишкомъ я отъ отдыха усталъ!
Когда лѣтъ въ тридцать—болѣе несчастный—
Цѣпь чувствъ влачилъ я,—скуки я не зналъ:
Я веселъ былъ, какъ не могу быть больше,—
Что новый день—то новая мечта...
И вотъ мнѣ вновь послало небо фею:
Она—вся блескъ, вся—жизнь, вся—красота!..
Мою весну напомнила она мнѣ,
Мнѣ для нея не жаль осеннихъ розъ!
Еще не всѣ Амуры улетѣли,
Когда въ душѣ проснулась жажда грезъ!..

Въ моихъ глазахъ еще найдутся слезы,—
Я ихъ могу въ мигъ счастья пролить;
Въ моей груди еще таятся цѣсни...
Такъ будемъ пѣть, такъ будемъ же любить!..
Красавица поможетъ одержать мнѣ
Побѣду надъ суровою зимой...

При ней—цвѣты сильнѣй благоухаютъ,
Свѣтлѣетъ день и звѣздъ лучистѣй рой...
Любовь мнѣ шлетъ прощальную улыбку,
Я слышу шелестъ бѣдоснѣжныхъ крылъ,—
Еще не всѣ Амуры улетѣли,
Еще мой часъ послѣдній не пробилъ!..

Смерть дьявола.

Я про чудо дней недавних
Поведу здѣсь рѣчь для васъ,—
Величайшее то чудо,
Хоть и малъ о немъ рассказъ ..
Всемогущаго патрона
Нашихъ маленькихъ святыхъ—
Преподобнаго Лойолу—
Прославляйте вы за нихъ!
Безподобно, гениально
Онъ возвышенно схитрилъ,—
Если дьявола отравой
Смертоносной напоилъ!..

За столомъ заставъ Лойолу,
Сатана ему сказалъ;
„Братъ мой, чокнемся со мною!“

Брату братъ не возражалъ, —
 Налилъ полныхъ два бокала,
 Только дьяволу въ вино
 Порошокъ одинъ подсыпалъ,
 Освященный имъ давно...
 Сатана—до дна все выпилъ
 И схватился за животъ,
 Закричалъ, запрыгалъ, — поздно,
 Ядъ и дьявола убьетъ!..

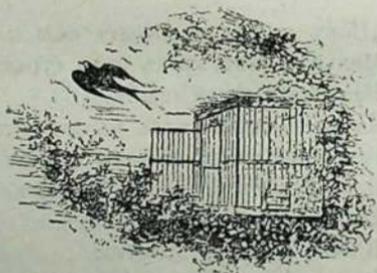
Умеръ онъ... Монахи плачутъ:
 „Обнищаемъ мы совѣмъ,
 Покупать не станеть „agnus“
 Миръ, не скованный никѣмъ!“..
 „Умеръ онъ!—аббаты стонуть:
 Лишены мы нашихъ правъ!“..
 Кардиналы всѣ въ тревогѣ,
 Весь въ отчаяннѣ конклавъ...
 Всѣ кричатъ: „Прощай, богатство,
 Власть, не знавшая конца!..
 Дьяволъ умеръ, умеръ дьяволъ,
 Потеряли мы отца!..

„Намъ любовь приноситъ пользы
 Меньше, чѣмъ предъ нами страхъ:
 Насъ цвѣтами осыпаетъ,
 Да какой намъ толкъ въ цвѣтахъ!..
 Нетерпимость въ людяхъ гаснетъ,—
 Кто-жь намъ брандеры зажжетъ?
 Если вѣра сбросить цѣпи,
 Просвѣщеніе расцвѣтетъ;
 Если истина воспрянетъ,
 Потеряемъ мы кредитъ...
 Умеръ дьяволъ, дьяволъ умеръ;
 Кто-жь его намъ воскресить?!“.

Всѣхъ ихъ выручилъ Игнатій:
 „Пусть дадутъ мнѣ,—онъ сказалъ,—
 Всѣ права его и всё, чѣмъ
 На землѣ онъ обладалъ!
 Не имѣлъ авторитета
 Онъ давно среди людей;
 Я-жь дрожать передъ мною

Научу и королей...
 Будуть бѣдствія и войны
 Всѣ меня обогащать...
 Дьяволъ умерь, умерь дьяволъ, —
 Намъ не стоить унывать!“.

Всѣ воскликнули: „Вотъ мудрый,
 Вотъ добрейшій человекъ!..
 Пусть онъ лечитъ либераловъ —
 Этихъ нравственныхъ калѣкъ!..
 Мы его благословляемъ,
 Пусть творитъ онъ чудеса!“...
 Потряслись отъ этой вѣсти
 Даже сами небеса;
 Клиры ангеловъ смутились,
 О судьбѣ людей грустятъ...
 Дьяволъ умерь, а Игнатій
 Получилъ въ наслѣдство адъ!

Военнопленный.

Мари оставила работу;
Звезда вечерняя взошла...
„Ахъ, мама, въ плѣнъ взять чужеземцемъ
Одинъ изъ нашего села!..
На кораблѣ онъ плыль далѣко
Отъ милой родины своей,—
Враги напали; имъ онъ сдался
Послѣднимъ изъ команды всей“...

— „Пряди, пряди, моя бѣдняжка,—
Трудися день, трудися ночь!
Пряди, пряди, моя бѣдняжка,—
Намъ надо плѣннику помочь!“.

— „Такъ хочешь ты?... Зажгла я лампу“...
— „Но, дочка, что же плачешь ты?!“.
— „Ахъ, мама, онъ съ тоски погибнетъ,
Угаснуть съ нимъ мои мечты!..
Онъ такъ любилъ меня; веселье
Съ нимъ шло въ родному очагу...
Нѣтъ дѣла до его несчастья
Неумолимому врагу!“...

— „Пряди, пряди, моя бѣдняжка,—
Трудися день, трудися ночь!
Пряди, пряди, моя бѣдняжка,—
Намъ надо плѣннику помочь!“.

„Прясть для него сама-бъ я стала,
Но такъ стара я, ангель мой!“...
— „Ахъ, мама, я ему послала-бъ
Весь скромный заработокъ свой!..
Его люблю, по немъ тоскую;
Надежда гаснетъ, какъ свѣча...“

Я не пойду на свадьбу къ Розѣ,—
Не для меня зовь скрипача!“.

— „Пряди, пряди, моя бѣдняжка,—
Трудися день, трудися ночь!
Пряди, пряди, моя бѣдняжка,—
Намъ надо плѣннику помочь!“.

„Поближе сядь къ огню, сюда вотъ,—
Какъ будто стало холоднѣй“...

— „Ахъ, мама, онъ въ темницѣ стонетъ
Ему не снять своихъ цѣпей...
Тамъ—сыро, холодно, тамъ—душно,
Тамъ—голодь мучитъ бѣдняка,
Тамъ—за кускомъ насущнымъ хлѣба
Напрасно тянется рука!“.

— „Пряди, пряди, моя бѣдняжка,—
Трудися день, трудися ночь!
Пряди, пряди, моя бѣдняжка,—
Намъ надо плѣннику помочь!“.

„Во снѣ я видѣла недавно,
Что онъ—твой мужъ... Пройдетъ бѣда:
Всѣ сны мои къ тридцатой зорькѣ
Вполнѣ сбываются всегда“..

— „Ахъ, мама, мама, правда-ль это?
Мнѣ не забыть такого сна!..
Ужель здѣсь плѣнника на волѣ
Увидитъ новая весна?“...

— „Пряди, пряди, моя бѣдняжка,—
Трудися день, трудися ночь!
Пряди, пряди, моя бѣдняжка,—
Намъ надо плѣннику помочь!“.

Аббатъ-мусульманинъ.

(*Вольный переводъ.*)

Какъ-то разъ звонарь съ аббатомъ
Возвращались моремъ въ Римъ,
Но въ Марокко, въ плѣнъ къ пиратамъ,
Вдругъ попасть случилось имъ.
Съ усть аббата тутъ мгновенно
Полился проклятій градъ;
А звонарь шепталъ смиренно:
„Охъ, грозить вамъ, сударь, адъ!“.

Вотъ мелькнулъ въ глазахъ невольно
У аббата острый колъ...
Какъ тутъ быть?—Онъ добровольно
Въ мусульманство перешелъ.
Съ Магометомъ и Аллахомъ
Дѣло быстро шло на ладъ;
А звонарь шепталъ со страхомъ:
„Охъ, грозить вамъ, сударь, адъ!“.

Ай, ай, ай! Обрядъ восточный
Обрѣзанія свершонъ!
Хоть потомъ аббатъ порочный
И бывалъ тайкомъ хмѣлень,
Но на видъ всегда покорно
Исполнялъ любой обрядъ;
А звонарь шепталъ упорно:
„Охъ, грозить вамъ, сударь, адъ!“.

Полумѣсяцъ защищая,
Онъ одѣлся, какъ корсаръ,
И завелъ, отъ нѣги тая,

Свой гаремъ, хоть былъ ужь старъ.
 За кальяномъ и шербетомъ
 Проводилъ онъ дни подь-рядъ;
 А звонарь шепталъ при этомъ:
 „Охъ, грозить вамъ, сударь, адъ!“.

Вдругъ Марокко посѣтила
 Гостя грозная—чума.
 Онъ—домой; но тамъ смутила
 Римлянъ всѣхъ его чалма.
 Вновь крестить его хотѣли,—
 Онъ попятился назадъ...
 А звонарь шепталъ въ купели:
 „Охъ, грозить вамъ, сударь, адъ!“.

Съ той поры,—судя по слухамъ,—
 Этотъ ярый ренегатъ,
 Заразившись „вольнымъ духомъ“,
 Поощрять пошелъ развратъ:
 Жечь жидовъ не позволяетъ;
 Свой на бракъ проводить взглядъ..
 А звонарь все повторяетъ:
 „Охъ, грозить вамъ, сударь, адъ!“.

Д о ф и н ъ.

(Сказка).

Позвольте вспомнить старыя мнѣ годы,—
Они давно свою сыграли роль...
Жилъ трубадуръ на свѣтѣ знаменитый,
У трубадура добрый былъ король...
Ришаромъ звали перваго, второй же —
Былъ Жанъ или Карлъ, Филиппъ ли, я забылъ,
Но помню только то, что трубадура
Добрякъ-король отъ всей души любилъ..
Былъ свѣтлый день рожденія дофина;
Ришаръ въ Блуа весь этотъ день блуждалъ,
Лишь подѣ вечеръ веселый пѣснотворецъ
О счастья всей Франціи узналъ...
Ну, пойте-жь, трубадуръ,
Въ честь короля вы пойте!
Ахъ, пойте, пойте, пойте,
Веселый трубадуръ!..

Вотъ съ арфою на площадь онъ приходитъ,—
Ему кричать всѣ встрѣчные: „Постой!
Въ честь мальчика божественнаго пѣсню
Французскому народу ты пропой!“
Тутъ набожно прочелъ тропарь Мадоннѣ
И по струнамъ провелъ рукой Ришаръ,
И пѣснь запѣлъ прекрасному дофину,
И отдалъ ей весь вдохновенья жаръ...
Пришла въ восторгъ толпа отъ пѣсни этой, —
Красавицы Ришару шлютъ поклонъ
И шепчуть всѣ: „Вѣдь даже королевѣ
Придтись бы могъ совсѣмъ подѣ пару онъ!“

Ну, пойте-жь, трубадуръ.
Въ честь короля вы пойте!
Ахъ, пойте, пойте, пойте,
Веселый трубадуръ! .

Окончивъ пѣснь, Ришаръ скорѣе въ церковь,—
Зачѣмъ?!. Искать себѣ духовника!..
Ему съдой толстякъ-монахъ навстрѣчу:
Взмолился онъ, завидѣвъ старика:
„Святой отецъ, ты всѣ грѣхи караешь, —
Но пощади несчастнаго меня!
Я молодъ былъ, я такъ былъ простодушенъ, —
Спаси меня отъ вѣчнаго огня!..
Другимъ въ аду нужиѣ вдвое мѣсто,
Я навсегда-бъ его имъ уступилъ!“
— „Въ чемъ вы грѣшны, о, сынъ мой безразсудный?“
— „Я всѣхъ красавицъ искренно любилъ!“

Ну, пойте-жь, трубадуръ,
Въ честь короля вы пойте!
Ахъ, пойте, пойте, пойте,
Веселый трубадуръ!..

— „Мое несчастіе въ томъ, что слишкомъ любить
Онъ меня; и грѣхъ мой—оттого“...
— „Ахъ, сынъ мой, вы скажите мнѣ яснѣе:
Скрывать отъ насъ не надо ничего!“
— „Увы, отецъ мой, грѣхъ мой — предъ короной
(Вѣдь всѣхъ грѣховъ страшнѣе этотъ грѣхъ!),—
Въ томъ, что дофинъ во Франціи родился,
Во всемъ Парижѣ я—виновникъ всѣхъ!“
Монахъ молчалъ, весь полонъ изумленья,
Потомъ воскликнулъ: „При дворѣ на васъ
Должны смотрѣть довольно благосклонно...
Дай Богъ вамъ быть счастливымъ въ добрый часъ!“

Ну, пойте-жь, трубадуръ,
Въ честь короля вы пойте!
Ахъ, пойте, пойте, пойте,
Веселый трубадуръ!..

Монахъ прибавилъ: „Если королевству
Кто принца дастъ (еще бы лучше—двухъ!),—
Тому спастись легко отъ муки ада,
Лишь только-бъ вѣренъ былъ объ этомъ слухъ!..

Идите съ миромъ, сынъ мой благородный,
Замолвите словечко и о насъ
Тамъ - при дворѣ... Но только не забудьте
Прочестъ вы „Ave“ на ночь восемь разъ! .
Пошелъ Ришаръ, съ грѣхами распроставшись.
И—во дворецъ допущенъ, какъ всегда —
Глядитъ: король качаетъ колыбельку .
„Будь здоровъ, король, на долгіе года!“

Ну, пойте-жь, трубадуръ,
Въ честь короля вы пойте!
Ахъ, пойте, пойте, пойте,
Веселый трубадуръ!..

Красный человекъ.

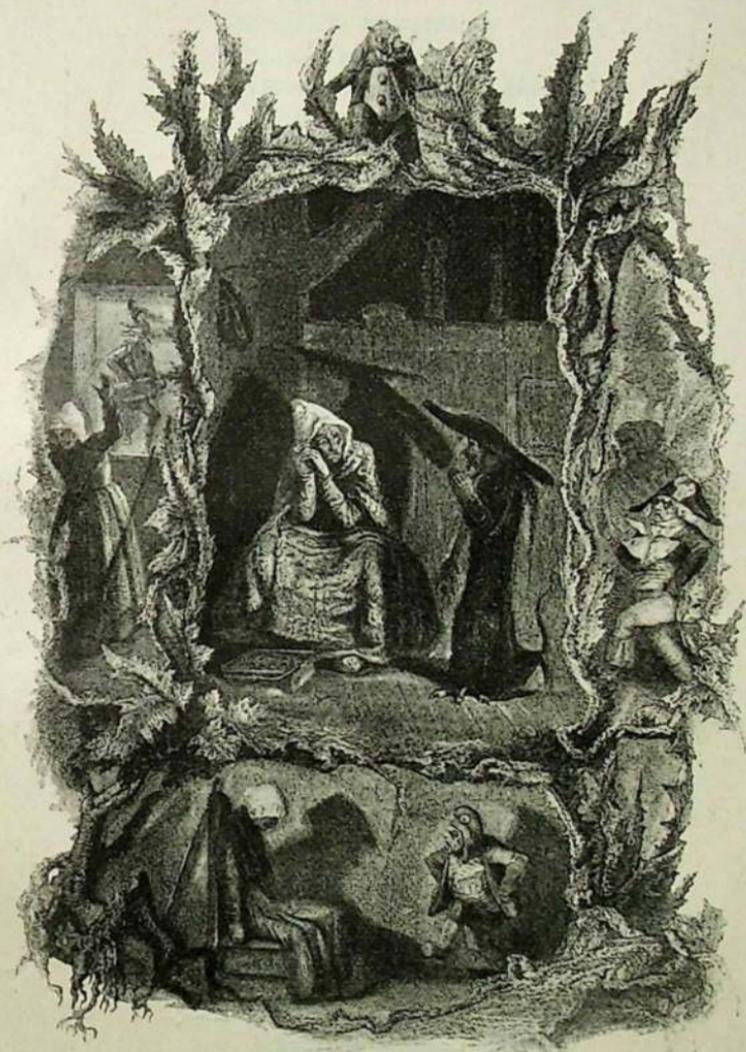
Долой всѣхъ недовольныхъ!..
Ужъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ
Метельщицей являюсь
Я въ Тюльери чуть-свѣтъ...
Ну, дѣти, вотъ вамъ новость:
Изъ уголка на-дняхъ
Вдругъ красный человекъ
Мелькнулъ въ моихъ глазахъ *)...
 Несчастный Карлъ Десятый,—
 Бѣда ему грозитъ...
 Молись, молись за Карла,
 Святыхъ отцовъ синклитъ!..

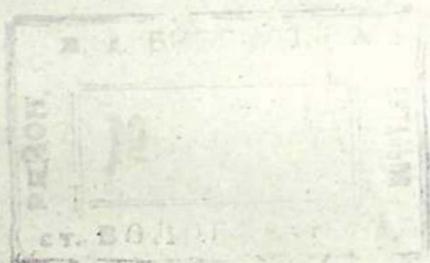
Онъ—въ красномъ балахонѣ,
Невзраченъ весь на взглядъ—
Глаза косые, рыжій,
Приземистъ и горбатъ;
Змѣя—за галстухъ служить,
Носъ—загнутый крючкомъ...
О перемѣнѣ въ замкѣ
Хрипитъ онъ теноркомъ...
 Несчастный Карлъ Десятый,—
 Бѣда ему грозитъ .
 Молись, молись за Карла,
 Святыхъ отцовъ синклитъ!..

Я помню, какъ являлся
Онъ предо мной, когда **)

*) Старинное народное преданіе говоритъ о существованіи красного человекъ, появлявшагося въ Тюльери предъ каждымъ несчастіемъ, угрожавшимъ его обитателямъ. Это преданіе ожило во времена Наполеона I.

**) Во время великой революціи.

Дворяне и прелаты
 Бѣжали кто—куда...
 Тогда онъ былъ въ задорномъ
 Фригійскомъ колпакѣ,—
 Пѣлъ громко Марсельезу
 Со шпагою въ рукѣ...
 Несчастный Карлъ Десятый,—
 Бѣда ему грозить...
 Молись, молись за Карла,
 Святыхъ отцовъ синклитъ!..

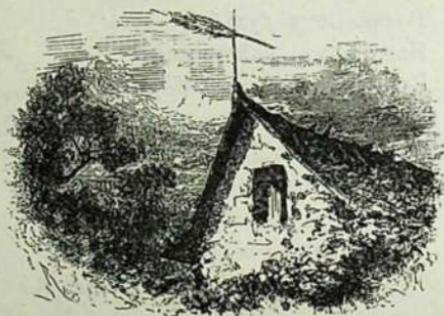
Шель термидоръ девятый,—
 Спустившись изъ трубы,
 Грозилъ онъ Робеспьеру
 Возмездіемъ судьбы;
 Напудренъ, напомаженъ,
 Краснорѣчивъ онъ былъ—
 Пѣлъ, какъ аббатъ предъ папой,
 Гимнъ славы Вышнихъ Силъ.
 Несчастный Карлъ Десятый,—
 Бѣда ему грозить...
 Молись, молись за Карла,
 Святыхъ отцовъ синклитъ!..

Со времени террора *)
 Забыла я о немъ;
 Палъ добрый императоръ,—
 Онъ возвѣстилъ о томъ..
 На токъ плюмажей двадцать
 Онъ нацѣпить успѣлъ,—
 „Vivat Четвертый Генрихъ,
 Король vivat!“— зацѣлъ...
 Несчастный Карлъ Десятый,—
 Бѣда ему грозить...
 Молись, молись за Карла,
 Святыхъ отцовъ синклитъ!..

Такъ знайте-жь, дѣти, знайте
 (Но, чуръ, о томъ молчать!)—
 Подъ-рядъ ко мнѣ три дня онъ
 Является опять;

*) Мартъ 1814 года.

Поетъ онъ, скаля зубы,
Божественный псаломъ,
На немъ—Лойолы шляпа.
Но красная притомъ...
Несчастный Карлъ Десятый, —
Бѣда ему грозить...
Молись, молись за Карла,
Святыхъ отцовъ синклитъ! .

Цыгане.

Временъ забытыхъ могиканы,
Отродье древнихъ колдуновъ,
Вы паріи, вы — шарлатаны,
Останки сумрака вѣковъ;
Откуда къ намъ подѣ мирной кровъ
Пришли вы, злые могиканы?

Откуда мы? Не знаемъ сами..
Спросите ласточку, — она
Откуда здѣсь подѣ небесами;
Гдѣ первымъ ласточкамъ весна
Сіяла радостна-ясна?!
Откуда мы, — не знаемъ сами!..

Цыганъ свободно въ жизнь вступаетъ —
Безъ всякихъ метрикъ и крестинъ,
Онъ силы догматовъ не знаетъ
И всюду — вольный гражданинъ...
Всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ сынъ —
Цыганъ свободно въ жизнь вступаетъ!..

Просторенъ путь нашъ въ мірѣ этомъ,
Намъ чуждѣ тоски душевной плѣнъ;
Изъ насъ быть каждый могъ поэтомъ,
Отряспи прахъ отъ вашихъ стѣнъ,
Безъ предразсудковъ, безъ измѣнъ
Просторенъ путь нашъ въ мірѣ этомъ!..

Для всѣхъ, кого мы надуваемъ
Своимъ невиннымъ колдовствомъ,
Мы можемъ адъ представить раемъ
И ложь всю — правды торжествомъ, —
Вѣдь чудеса нужны во всемъ
Для всѣхъ, кого мы надуваемъ!..

Въ дорогѣ Плутусъ намъ попался. —
 Всей шайкой мы поемъ ему;
 И какъ бы онъ ни отбивался—
 Перепадетъ намъ грошъ въ суму;
 Мы вѣрны долгу своему,
 Хотя-бъ самъ Плутусъ намъ попался!

Изъ городовъ пускай насъ гонять,
 Мы—птицы вольныя земли, —
 Шатромъ намъ рощи вѣтви склонять,
 Нашъ домъ вездѣ—куда пришли;
 Для насъ все близко—чтò вдали. .
 Изъ городовъ пускай насъ гонять!..

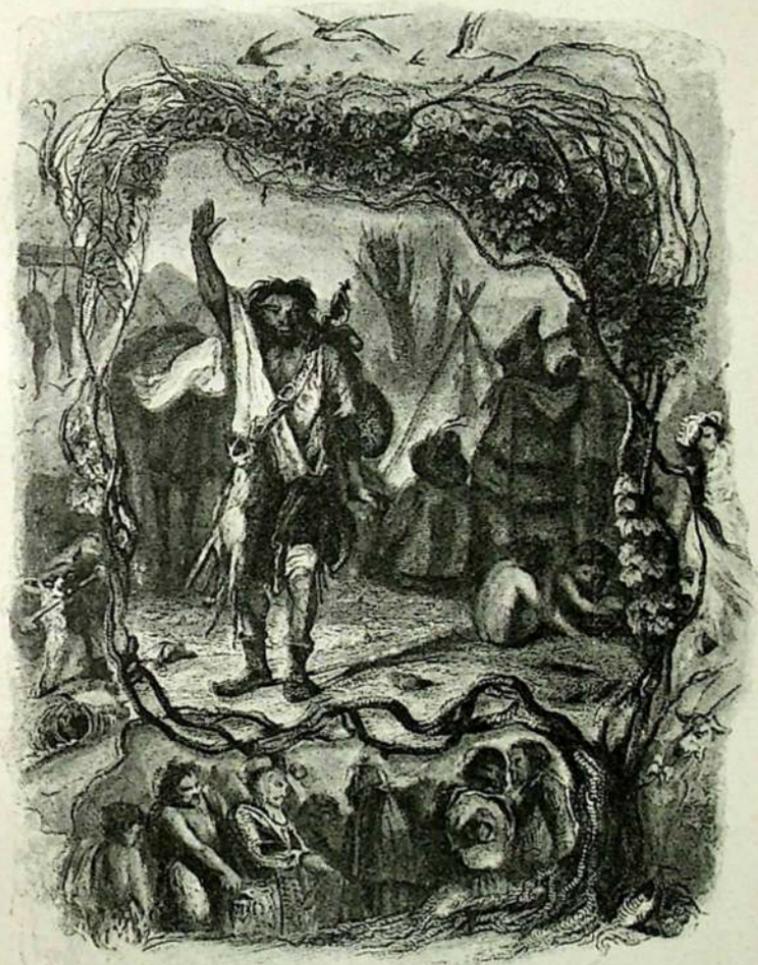
Самъ богъ любви благословляетъ
 Подъ сѣнью ночи таборъ нашъ, —
 Амуръ вселенной управляетъ,
 Отраду пѣня въ волнахъ чашъ;
 У насъ—день будетъ свѣтелъ вашъ,
 Насъ богъ любви благословляетъ!..

Твой взоръ не можетъ оторваться,
 Философъ бѣдный, отъ того—
 На чемъ не можетъ жизнь держаться
 Разсудка волей одного...
 Чудака, отъ бреда твоего
 Твой взоръ не можетъ оторваться!..

Пойдемъ бродить по свѣту съ нами!
 Все видѣть—значить все имѣть,
 Жить наяву своими снами
 И пробужденья не хотѣть;
 Все видѣть—значить всѣмъ владѣть...
 Пойдемъ бродить по свѣту съ нами!

Кричатъ повсюду человѣку, —
 Спокоенъ онъ, иль черезъ край
 Душой кишитъ на гордость вѣку, —
 „Родишься—смѣло въ жизнь вступай.
 Жизнь прожилъ—съ Богомъ, умирай!“ —
 Кричатъ повсюду человѣку...

Съ послѣднимъ мы сжились моментомъ, —
 Когда умремъ, забывъ грѣшки,
 Готовы медикамъ-студентамъ

Служить мы тѣломъ—бѣдьяки;
И юноши, и старики—
Съ послѣднимъ мы сжились моментомъ!.

Не знаемъ грозныхъ мы законовъ —
Пусть ими весь опутанъ свѣтъ;
Не пресмыкаемся у троповъ
И не дряхляемъ въ цвѣтѣ лѣтъ...
Для насъ и кладбищъ даже нѣтъ,
Какъ ни цѣпей нѣтъ, ни законовъ!..

Все наше счастье—свобода...
Вельможи, знали-ль вы его
Средь угнетеннаго народа?!
Свободы нѣтъ—нѣтъ ничего
При изобиліи всего...
Все наше счастье—свобода! .

Весельемъ нашимъ мы богаты...
Лакеи всѣ и господа,
Маркизы, графы и прелаты,—
Не знать его вамъ никогда!
Намъ нищета земли чужда,—
Весельемъ нашимъ мы богаты!..

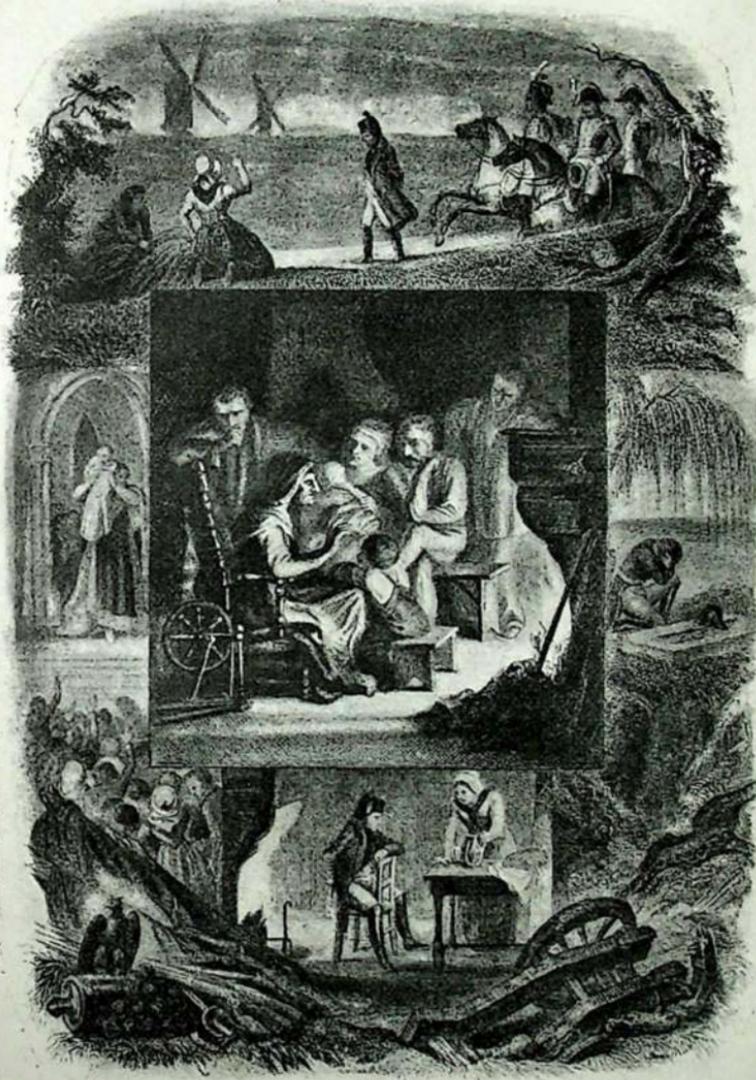

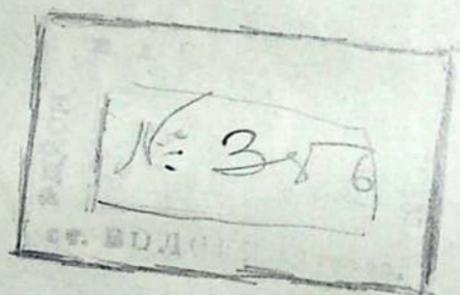
Народная память.

Подъ соломенную крышей
Онъ въ преданіяхъ живетъ,
И доселѣ славы выше
Не знавалъ его народъ.
Вотъ, старушку окружая,
Вечеркомъ толпа внучатъ,
„Про былое намъ, родная,
Разскажи!— ей говорятъ.—
Пусть была година злая,
Намъ онъ любъ,— что нужды въ томъ!
Да, что нужды въ томъ!
Разскажи о немъ, родная,
Разскажи о немъ!“.

„Проѣзжалъ онъ здѣсь когда-то
Съ королями странъ чужихъ.
Я была еще, внучата,
Въ лѣтахъ очень молодыхъ;
Поглядѣть хотѣлось больно!
Побѣжала налегкѣ;
Былъ онъ въ шляпѣ треугольной,
Въ старомъ сѣромъ сюртукѣ.
Съ нимъ лицомъ къ лицу была я,—
Онъ привѣтъ сказалъ мнѣ свой,
Да, привѣтъ мнѣ свой!“.
„Говорить съ тобой, родная,
Говорилъ съ тобой?“.

„Черезъ годъ потомъ въ Парижѣ
На него я и на дворъ
Поглядѣть пошла поближе
Въ Богоматери соборъ.

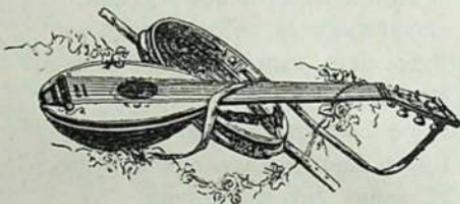
Словно въ праздникъ воскресенья
 Былъ у всѣхъ веселый видъ;
 Говорили: „Провидѣнье,
 Знать, всегда его хранить!“
 Былъ онъ веселъ,—поняла я:
 Сына Богъ ему послалъ,
 Да, ему послалъ“.
 — „Что за день тебѣ, родная,
 Что за день сιάль!“.

„Но когда Шампаньи бѣдной
 Чужеземцевъ Богъ послалъ,
 И одинъ онъ, словно мѣдный,
 Недвижимъ за всѣхъ стоялъ,—
 Разъ, какъ нынче, передъ ночью
 Въ воротà я слышу стукъ...
 Боже Господи, воочью
 Предо мной стоитъ онъ вдругъ;
 И, войну онъ проклиная,
 Гдѣ теперь сижу я, сѣлъ,
 Да, сюда вотъ сѣлъ!“
 — „Какъ, онъ здѣсь сидѣлъ, родная,
 Какъ, онъ здѣсь сидѣлъ?“.

Онъ сказалъ мнѣ: „Ѣсть хочу я!“
 Подала, что Богъ послалъ;
 „Дай же платью просушу я“,—
 Говорилъ; потомъ онъ спалъ.
 Онъ проснулся,—не могла я
 Слезъ невольныхъ удержать...
 И, меня онъ ободряя,
 Обѣщалъ враговъ прогнать.
 И горшокъ тотъ сберегла я,
 Изъ котораго онъ ѣлъ,—
 Да, онъ сулъ нашъ ѣлъ!“
 „Какъ, онъ цѣлъ еще, родная,
 Какъ, еще онъ цѣлъ?“.

„Вотъ онъ!.. Увезли героя,
 И вѣнчанную главу
 Онъ сложилъ не въ честномъ боѣ,—
 На пустынномъ острову.
 Долго вѣрить было трудно!

И ходилъ въ народѣ слухъ,
Что какой-то силой чудной
Къ намъ онъ съ моря грянетъ вдругъ.
Долго плакала, ждала я,
Что его намъ Богъ отдастъ,
 Да, его отдастъ "...
 „Богъ воздастъ тебѣ, родная,
 Богъ тебѣ воздастъ!“ ...

Ангель-хранитель.

Параличомъ разбитый нищій,
Въ больницѣ лежа, увидалъ
Однажды ангела-патрона
И, съ нимъ раскладявшись, сказалъ:
„Теперь ужъ болѣе не надо
Вамъ охранять меня совсѣмъ,—
Хоть въ общемъ, ангель мой хранитель,
Я не обязанъ вамъ ничѣмъ!

„Въ углу рожденный на соломѣ—
Не знаю: Богъ ли мой творецъ?—
Мои сомнѣнья разрѣшите
Хотя теперь вы, наконецъ!“
Отвѣтилъ ангель: „Да, конечно!
Солому Онъ даетъ вамъ всѣмъ!“
— „Такъ въ общемъ, ангель мой хранитель,
Я не обязанъ вамъ ничѣмъ!..

„Я молодъ былъ и очень пылокъ,
Пришлось мнѣ милостыней жить“
Промолвилъ ангель: „Потому-то
Нашель я нужнымъ подарить
Суму дырявую монаха.
Какъ-разъ умершаго предъ тѣмъ“
„Такъ въ общемъ, ангель мой хранитель,
Я не обязанъ вамъ ничѣмъ!“

„Солдатомъ ставъ, я рвался къ бою
Въ защиту нашихъ общихъ правъ,
Но не поспѣлъ туда явиться,
Въ дорогѣ ногу потерявъ“...
„Скажи спасибо!—ангель молвилъ, —

„Подагра въ ней была-бъ затѣмъ!“.

„Такъ въ общемъ, ангель мой хранитель,
Я не обязанъ вамъ ничѣмъ!“.

„Пришлось мнѣ по міру скитаться,
Стучаться въ каждое окно;
И вотъ меня подъ стражу взяли,
Сказавъ, что я украдъ вино“.

„Я защищаль тебя,—ты пробыль
Лишь годъ одинъ въ тюрьмѣ совсѣмъ!“.

„Такъ въ общемъ, ангель мой хранитель,
Я не обязанъ вамъ ничѣмъ!“.

„Къ Венерѣ въ садъ я мародеромъ
Пробрался какъ-то (чортъ занесъ!),—
Но и оттуда во-своися
Довольно кислый фруктъ унесъ“.

„Я помню,—молвилъ ангель,— это;
Но ты вѣдь пьянъ былъ передъ тѣмъ“.

„Такъ въ общемъ, ангель мой хранитель,
Я не обязанъ вамъ ничѣмъ!“.

„Я мужемъ сталъ одной дурнушки,
Но тщетно Господа молилъ,
Чтобъ мнѣ какой-нибудь пріятель
Рога потомъ не подарилъ“.

„Все это такъ,—отвѣтилъ ангель,—
Но къ бракамъ я и глухъ, и нѣмъ“.

„Такъ въ общемъ, ангель мой хранитель,
Я не обязанъ вамъ ничѣмъ!“.

„Теперь я старъ и неподвиженъ..
Скажите, скоро-ль, наконецъ,
Пошлетъ мнѣ мирную кончину
Небесный, общій намъ Отецъ?..“

„Да,—молвилъ ангель,— скоро, скоро,—
Гробъ для тебя готовъ совсѣмъ!“.

„Такъ въ общемъ, ангель мой хранитель,
Я не обязанъ вамъ ничѣмъ!“.

„Въ аду ли жить потомъ я стану.
Иль прямо на небо пойду,
И тамъ за все земное счастье
Возмездье должное найду?“.

Изловите негодяя!
Надоѣлъ: давно пора
Изловить намъ комара.

Торжествуемъ!.. Лиза съ боли
Пролила на столъ аи:
Утонулъ!.. Веселья, воли!
Скипетръ дерзкаго—Любви
Въ обѣ руки вложимъ сами,
Чтобъ не спесъ его крылами..
Нѣтъ, прошла его пора:
Мы не слышимъ комара.

Д О М О В Ы Е.

Я однажды, до зари,
Шель пѣшкомъ почной порою,
И застигнуть былъ грозою
Возлѣ башни Монлери.
Сталь я пѣть, но страшно стало:
Кто-то вдругъ захохоталь,
Чей-то голосъ прозвучаль:
„Наше царство миновало!“.

Посреди тѣней ночныхъ
Замелькали чьи-то лики,
И слышались клики
Вервицы домовыхъ.
Вотъ—труба загрохотала:
Шумный шабашъ начался;

Прежній голось раздался:
„Наше царство миновало!

„Да, ужь праздника намъ нѣтъ!
Улетимъ скорѣй побѣдно
Изъ обители неслѣдной,
Гонить разумъ насъ на свѣтъ.
Волшебства у насъ не стало:
Чудеса творимъ не мы —
Эти гордые умы...
Наше царство миновало.

„Дали эллинскимъ богамъ
Мы божественность и храмы,
Вѣчность, юность, еиміамы
И цвѣты по алтарямъ.
Сколько въ Галліи бывало
Въ честь намъ крови пролито!
Нынче мы — въ селѣ ничто...
Наше царство миновало.

„Мы къ стопамъ прелестныхъ фей —
Паладины, менестрели —
Преклонять неразъ умѣли
И вельможъ, и королей...
Чародѣйство покоряло
Намъ подъ небомъ все и всѣхъ.
Чародѣйство нынче — смѣхъ...
Наше царство миновало.

„Разумъ смогъ заковать и насъ:
Улетимъ же безъ возврата“...
Голось смолкъ... и, тьмой объята,
Башня рухнула въ тотъ часъ.
Домовыхъ уже не стало:
Вдаль ихъ крылья унесли;
Только слышалось вдали:
„Наше царство миновало!“.

Комета 1832 года.

Богъ посылаетъ къ намъ комету,
Намъ встрѣчи съ ней не избѣжать *),—
Она низвергнетъ всю планету,
Придется все намъ потерять...
Пирушки вольвыя, прощайте!
Не всѣмъ давала жизнь банкетъ...
Скорѣй на исповѣдь ступайте
Вы - трусы нашихъ скорбныхъ лѣтъ! .
Довольно жить,—мѣръ слишкомъ старъ.
Мѣръ слишкомъ старъ!.

Шаръ, заблудившійся въ пространствѣ,
И дни, и ночи—все смѣшай,—
При всемъ твоёмъ непостоянствѣ
Внизъ головою полетай!
Вертись волчкомъ, по волѣ рока,
Разбейся вдребезги скорѣй,—
Погасишь солнце ты съ-наскока, —
Такъ много солнць еще, ей-ей!..
Довольно жить,—мѣръ слишкомъ старъ,
Мѣръ слишкомъ старъ! .

Ну, развѣ мало намъ вульгарныхъ
Титулоносцевъ-дураковъ?
Ошибокъ, ссоръ и войнъ кошмарныхъ,
Лакеевъ власти и шотовъ?!
Боговъ изъ гипса развѣ мало,
Уроковъ мало ли судьбы?!
Ахъ, слишкомъ долго мысль дремала
На сценѣ кукольной борьбы!..

*) Нѣмецкіе астрономы предсказывали, что въ 1832 году комета встрѣтится съ земнымъ шаромъ и на землѣ произойдетъ рофа.

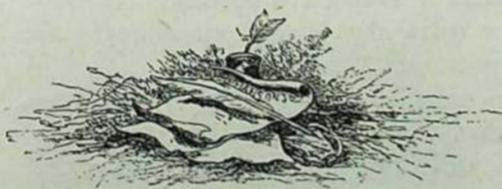
Довольно жить,—міръ слишкомъ старъ,
Міръ слишкомъ старъ!..

Мнѣ говорятъ юнцы: „Прогресса
Не остановитъ звонъ цѣпей!
Газъ просвѣщаетъ, учитъ пресса,
Паръ побѣждаетъ даль морей...
Лѣтъ двадцать только бы еще намъ—
И разовьется все кругомъ!“...
Я—тридцать лѣтъ подъ небосклономъ
Носился съ вашимъ „подождемъ“!..

Довольно жить,—міръ слишкомъ старъ,
Міръ слишкомъ старъ!..

Совсѣмъ иначе говорилось
Когда-то мнѣ на зорькѣ лѣтъ...
Какой надеждой сердце билось,
Какъ свѣтель мнѣ казался свѣтъ!..
Но мудрость—старости примѣта;
Мой голосъ слабъ, но мысль ясна...
Скорѣй, скорѣе—къ намъ, комета!
Вся жизнь исчерпана до дна!..

Довольно жить,—міръ слишкомъ старъ,
Міръ слишкомъ старъ!..

Гробница Манюэля.

Все кончено, расходится толпа,—
Свое „Прости!“ народъ не повторяетъ;
И только Богу видно одному,
Что дружба слезы сердца проливаетъ,
На гробъ нѣмой посыпалась земля...
Вы памяти о немъ не сохраните,
Но вашимъ дѣтямъ путь къ могилѣ той
Указывать поэту помогите!

Почтимъ останки лептою своей!..
Онъ—гражданинъ былъ, вѣрившій въ свободу;
Я зналъ всѣ тайны доблестей его:
Всего себя онъ отдавалъ народу!..
За самый скромный памятникъ ему
Мы заплатить должны посильной данью!..
Поможемте во мракѣ дней свѣтить
Прекрасному отжившему преданью!..

Обязанъ я хвалою его почитать:
Двѣнадцать лѣтъ назадъ мы повстрѣчались
На пепелищѣ Франціи родной,
И въ насъ сердца другъ другу отозвались...
Я цѣлъ былое... Славный ветеранъ—
Онъ мнѣ улыбкой дружеской отвѣтилъ.
Пусть хоть гробницей скромною своей
Попрежнему онъ всѣмъ намъ будетъ свѣтель!..

Честолюбивъ онъ сроду не бывалъ,
Но—о кончинѣ доблестной мечталъ—
Всегда онъ слушалъ: не зоветъ ли вновь
Его къ себѣ отчизна дорогая...
Я былъ бы также доблестень, какъ онъ,
Когда бы съ нимъ могъ объ-руку идти я!

Его ужь нѣтъ.. О, пусть найдетъ покой
Достойная безсмертія стихія!..

Сражало краспорѣчіе его
Весь произволь, гнетущій добродѣтель;
То не ораторъ былъ ничтожныхъ дней,
А славнаго минувшаго свидѣтель.
Его съ трибуны свергли, онъ—упалъ
Въ объятія великаго народа..
Его гробницу станемъ охранять,
Какъ будто въ ней лежитъ сама свобода!..

Ты позабылъ о немъ, родной народъ,
Лишь онъ замолкъ подъ гнетомъ сиротливо;
А онъ все ждалъ, какъ на мели корабль,
Могучихъ волнъ желаннаго прилива.
Но только смерть и вспомнила его;
Она пришла къ нему въ уединенье...
О, помогите вычеркнуть теперь
Четыре года грустнаго забвенья!..

Пусть говоритъ гробница о слезахъ
По томъ, кого не слышать намъ съ трибуны!
Для васъ я миръ и дружбу восиѣвалъ,
Когда война всѣ обрывала струны;
Я подъ ярмомъ свободѣ гимны пѣлъ,—
За нихъ, за нихъ, друзья, мнѣ заплатите
И Манюэля славу охранить
Для памяти потомства помогите!..

Каминъ узника.

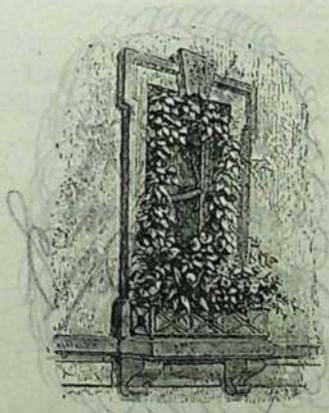
Какъ дорогъ узнику въ угрюмомъ казематѣ
Простой каминъ средь долгихъ зимнихъ вечеровъ!
Со мной у огонька сидитъ мой добрый геній
И навѣваетъ мнѣ мотивъ моихъ стиховъ,—
Рисуетъ вмигъ одинъ лѣса, моря и горы
На золотѣ углей, ожившихъ предо мной;
Какъ дымъ, развѣется томительная скука...
Не покидай меня, о добрый геній мой!..

Когда я молодъ былъ—онъ заставлялъ смѣяться,
Мечтать, стремиться вдаль, порой и слезы лить;
Баюкаетъ теперь онъ стараго мечтами,
Корабль среди огня умѣетъ проводить...
Я вижу—онъ плыветъ, съ морскимъ прибоемъ споря,
Туда, гдѣ ждетъ пловцовъ весенній проблескъ дня,
Одинъ я къ берегу прикованъ остаюся...
О, добрый геній мой, не покидай меня!..

Что вижу? Не орель ли, въ воздухѣ кушаясь,
 Къ чертогамъ солнца держитъ смѣлый свой полетъ?
 Нѣтъ, это—шаръ воздушный: флагомъ съ лодки
 Воздухоплаватель привѣтъ послѣдній плетъ...
 О, если храбрецу знакомо состраданье,
 Какъ долженъ онъ жалѣть жильцовъ тюремныхъ стѣнъ:
 Свободенъ и далекъ — онъ полной грудью дышитъ...
 О, добрый геній мой, заставь забыть мой плѣнъ!..

И вотъ передо мной—Швейцаріи картина:
 Озера, ледники, долины и стада...
 Въ предвѣдѣнны грозы суроваго закона,
 Я долженъ былъ бѣжать подъ щитъ друзей *) сюда;
 Я переправился-бъ тогда чрезъ эти горы,
 Гдѣ развѣвалися знамена дней былыхъ,—
 Но оторвать не могъ отъ Франціи я сердца...
 О, добрый геній мой, я жажду ласкъ твоихъ!..

Ты вызови еще миражъ въ моей пустынѣ,—
 Веди меня впередъ, въ заоблачную высь!..
 Напрасно мнѣ внизу твердятъ: „Будь политиченъ,—
 Свободнымъ хочешь стать — предъ высшими склонись!“
 Ты, не боящійся тюремщиковъ бессонныхъ,
 Вновь пробудилъ во мнѣ пылъ юности былой..
 Ударъ своимъ жезломъ по углямъ раскаленнымъ,—
 Не покидай меня, о, добрый геній мой!..

*) Друзья предлагали Беранже надежное убѣжище въ Швейцаріи во время преслѣдованія его судомъ.

Мой карнавалъ 1829 года.

О, пусть пошлетъ Господь вамъ радость,
Король мой, добрый мой король,—
Хоть вашъ монаршій гнѣвъ заставилъ
Меня играть плохую роль:
Уже вторично подъ замками
Я провожу свой карнавалъ...
Кому—подумаешь—полезно,
Чтобъ здѣсь я праздники встрѣчалъ!
Такихъ завѣтныхъ дней немного...
Но, впрочемъ, я за нихъ взыщу:
За все, за все по-королевски
Я вамъ, король мой, отплачу!..

Вѣдь про меня и въ тропной рѣчи
Вы вспомнить дали трудъ себѣ,—
Я принесенъ Ѳемидѣ въ жертву
И подчинился вновь судьбѣ...
Но вотъ я—узникъ одинокій—
Здѣсь провожу тѣ дни, когда
Парижъ веселый отдыхаетъ
Отъ будней хмураго труда;
И—вновь сатира точить стрѣлы,
Хоть я томлюсь, хоть я грущу...
За все, за все по-королевски
Я вамъ, король мой, отплачу!..

Смотрите—всѣ полны бокалы
И всѣ они уже въ рукахъ;
Друзья мои всѣ веселятся
На маскарадахъ и балахъ..
Они забыть уже успѣли,
Что я еще не подъ землей,—

Хоть пѣсни друга продолжаютъ
 Всѣ повторять наперебой...
 Средь нихъ бы самъ я веселился,—
 Сатира тамъ не по плечу!—
 Ну, а теперь по-королевски
 Я вамъ, король мой, отплачу!..

Вы знаете-ль шалунью Лизу?
 Въ тоскѣ отъ горя моего—
 Она утѣшится съ другими,
 Сказавъ: „Тѣмъ хуже для него!“
 Желая угодить красотѣ,
 Я самъ хотѣлъ изображать
 Въ стихахъ—какъ счастливы мы съ нею,
 Какъ васъ должны благословлять...
 Слуга покорный!.. Измѣняетъ
 Лизета другу-риемачу...
 За все, за все по-королевски
 Я вамъ, король мой, отплачу!..

Колчанъ мой старый весь разломанъ,
 Весь на судѣ опустошенъ;
 Одна стрѣла въ немъ уцѣлѣла,—
 Но я нисколько не смущенъ:
 Я напишу на ней вашъ адресъ,—
 Да, Карлъ Десятый, адресъ вашъ!—
 И самъ ее изъ-за рѣшетки
 Въ свободный отошлю вояжъ...
 Мнѣ старый лукъ мой не измѣнить...
 Я съ вами вовсе не шучу:
 За все, за все по-королевски
 Я вамъ, король мой, отплачу!..

„Проходите!“...

Боже, какая толпа молодежи,
Сколько красотокъ сейчас предо мной!
Дѣвушки всѣ такъ прелестны весной,
Старость моя-жь отъ весны не моложе!..
Сколько мнѣ разъ повторяли года,
Какъ безразсудны сердца молодых..
Мудрости плащъ надѣвайте всегда
И—проходите, мои дорогія!..

Вижу я—Зоя глядитъ на меня...
Скажетъ мамаша вамъ, милая Зоя,
Какъ я опаздывалъ день-ото-дня,
Съ каждымъ свиданьемъ ее беспокоя..
Очень она ужъ бывала строга
Къ милымъ, для сердца любезнымъ предметамъ..
Слѣдуйте, Зоя, мамаша совѣтамъ,
Если вамъ въ жизни любовь дорога!..

Бабушка ваша, красотка Лаура,
Знала прекрасно, что значить любовь;
Даже не прочь и теперъ она вновь
Юность учить всѣмъ законамъ Амура..
Старше меня она на десять лѣтъ —
Впрочемъ, любовь въ эти годы—не диво...
Вы ужъ меня не дразните, мой свѣтъ:
Бабушка ваша немножко ревнива.

Роза! Что мнѣ улыбаетесь вы?
Ваша улыбка—живая картина...
Ночью на-дняхъ (не уйти отъ молвы!)
Какъ-то накрыли у васъ господина..

Мѣсто и ночь уступаетъ зарѣ...
Лучше охотѣтесь-ка вы за мужьями!
Полно! Не пара мы, душечка, съ вами,—
Молодѣ для васъ я въ любовной игрѣ!..

Ахъ, проходите вы, милыя дѣвы!
Шалостей бойтесь въ любви, какъ огня...
Искры его долетѣть до меня
Могутъ изъ вашихъ сердець, какъ напѣвы...
Около пороха—пламя страстей?
Погребъ еще мой не пустъ, дорогія!..
Нѣтъ, заслоните сердца огневья,—
Мимо идите, красотки, скорѣй!..

Кардиналь и пѣсенникъ.

Что за прелестное посланье
Вы сочинили, монсиньоръ*)!..
Но что вы—мой читатель рьяный,
Не зналъ я, каюсъ, до сихъ поръ..
Прелать достойнѣйшей, попались
Въ свою ловушку вы сейчасъ:
Вѣдь муза пѣсенъ вамъ извѣстныхъ
Снимала плащъ свой, и неразъ;
Теряя скромность межъ бутылокъ,
И я ея не прикрывалъ,—
Мы съ ней такъ весело грѣшили,
Что насъ самъ Ваххъ благословлялъ...

Кардиналь,

Кардиналь,

Не таитесь предъ поэтомъ!

Что вы скажете объ этомъ,

Нашъ почтенный кардиналь?..

Какъ вы пашли мою Лизету,
Она понравилась ли вамъ?
Шалунья перду прибавляла
Къ моимъ остротамъ и стихамъ..
Не закрывайтесь капюшономъ! —
Успѣла постарѣть она
Настолько, что иезуитамъ
Не меньше васъ самихъ вѣрна:
Моляся, какъ умѣетъ, Богу,
Она—по щедрости своей—
Содержитъ здѣсь въ Парижѣ школу
Для ихъ покинутыхъ дѣтей...

*) Тулузскій архіепископъ Клермонъ Тоннеръ въ мартѣ 1829 года обнаружилъ пастырское посланіе по случаю поста. Въ этомъ посланіи, нападаая на современное образованіе, онъ, между прочимъ, высказывалъ одобреніе осужденію Беранже и порицалъ его пѣсни.

Кардиналь,
 Кардиналь,
 Не таитесь предъ поэтомъ!
 Что вы скажете объ этомъ,
 Нашъ почтенный кардиналь?..

За каждый стихъ патриотичный
 Сулите новый вы процессъ,—
 Какъ будто въ этомъ есть для церкви
 Совсѣмъ особый интересъ,—
 Еретиками называютъ
 Прелаты нашихъ гражданъ тѣхъ,
 Въ комъ—сердце честнаго француза,
 И обвинить готовы всѣхъ...
 Бѣднякъ я, жатвы не собираю
 Въ родной странѣ, но ей любимъ;
 Она не меньше дорога мнѣ,
 Чѣмъ для прелатовъ папскій Римъ!

Кардиналь,
 Кардиналь,
 Не таитесь предъ поэтомъ!
 Что вы скажете объ этомъ,
 Нашъ почтенный кардиналь?..

Коль вы, левитъ ультрамонтанскій,
 Читали пѣсенки мои,—
 Прошу васъ—будьте откровенны,
 Довѣрьте мысли мнѣ свои:
 Не находили-ль въ нихъ вы правилъ
 Достойнѣйшихъ самаритянъ?
 Какъ тотъ добрякъ, что всѣмъ извѣстенъ,
 Они-бъ не растравляли ранъ;
 Неся съ собой бальзамъ и масло,
 На бѣдномъ узникѣ они
 Могли-бъ замѣтить только цѣпи...
 Левитовъ больше въ наши дни!..

Кардиналь,
 Кардиналь,
 Не таитесь предъ поэтомъ!
 Что вы скажете объ этомъ,
 Нашъ почтенный кардиналь?..

Сознайтесь, вѣрный мой читатель,
 Что не совсѣмъ и нравъ мой плохъ,

Когда не только богъ веселья
 Воспѣтъ мной, но и добрый Богъ...
 Сдается мнѣ, что Онъ внимаетъ
 Съ небесъ тому, что я пою,
 Что шлетъ Онъ мнѣ благословенье
 За бѣдность честную мою..
 Здѣсь, за тюремными стѣнами,
 Внушаетъ Онъ—воззвать къ Нему;
 „Ничтожно все величье міра!“—
 Онъ говоритъ мнѣ самому...

Кардиналь,

Кардиналь,

Не таитесь предъ поэтомъ!

Что вы скажете объ этомъ,

Нашъ почтенный кардиналь?.

Коль разобрать—совсѣмъ не злы вы,
 И ваша ноша не легка,—
 Вы въ глубинѣ души простили
 Давно поэта-добряка...
 Простилъ и васъ онъ, досточтимый,
 Не въ мѣру строгій монсиньоръ,
 За ваше грозное посланье,
 За вашъ суровый приговоръ..
 Столъ для конклава*) накрываютъ,—
 Слѣшите въ Римъ, въ безгрѣшный Римъ!
 Дай Богъ вамъ всякаго успѣха,
 Дай Богъ вамъ папой стать самимъ!..

Кардиналь,

Кардиналь,

Не таитесь предъ поэтомъ;

Что-жь вы скажете объ этомъ,

Нашъ почтенный кардиналь?!

*) Въ то время скончался Левъ XII, въ Римѣ собирався конклавъ для выборовъ новаго „намѣстника Христова“, и епископъ тулузскій отправился туда.

Куплетъ.

На похоронахъ чаще я бывалъ,
Чѣмъ на балахъ, крестинахъ и вѣнчаньяхъ,
Но забывать сердца я заставлялъ
Хотя на мигъ одинъ отяжкихъ испытаньяхъ...

Меня ты, Боже щедро одарилъ:
Мнѣ не далъ власти, мудрость далъ едва ли,
Веселостью меня благословилъ,
Не оскорбляющей ни радость, ни печали!..

Моя гробница.

Какъ! Я здоровъ; а васъ уже тревожить
Мысль о гробницѣ пышной надо мной?
Друзья мои! Не нужно мавзолеевъ, —
Пусть богачи ихъ ставятъ надъ собой!..
На деньги тѣ, которыя за мраморъ
Или за мѣдъ должны-бъ вы заплатить,
Не лучше ли купить вина побольше,
Не лучше ли ихъ всё намъ прокутить?!

Поддержимъ жизнь виномъ,
Настроимъ всё цѣвницы!

Друзья, кутнемъ

И весело пропьемъ

Всѣ деньги для моей гробницы!..

Мой мавзолей вамъ могъ бы обойтись
Вѣдь тысячъ въ двадцать франковъ .. Что за вздоръ.
На эти деньги цѣлые полгода

Возможно пить вдвойнѣ, чѣмъ до сихъ поръ...
 Балы, концерты, шумныя пирушки, —
 Найдется чѣмъ то время помянуть...
 Волшебный замокъ, полный наслажденій, —
 Какъ для него гробницей не рискнуть?!

Поддержимъ жизнь виномъ,
 Настроимъ всѣ цѣвницы!

Друзья, кутнемъ

И весело пропьемъ

Всѣ деньги для моей гробницы!..

Я старѣюсь, но молода подруга;
 Наряды ей нужны. . А гдѣ ихъ взять?
 Блескъ роскоши пусть будетъ ей наградой
 За долгій постъ... Съ ней станемъ пировать!..
 Вѣдь всѣ мы ей обязаны весельемъ;
 Хоть чѣмъ-нибудь ей долгъ свой возвратимъ:
 Весь капиталъ въ пожизненную ренту
 Въ ея сердечкѣ вѣрномъ помѣстимъ!

Поддержимъ жизнь виномъ,
 Настроимъ всѣ цѣвницы!

Друзья, кутнемъ

И весело пропьемъ

Всѣ деньги для моей гробницы!..

Я не хочу, друзья, почетной логи
 Въ театрѣ скучномъ сумрачныхъ тѣней!
 Вотъ вамъ старикъ, бѣднякъ изнеможенный, —
 Ему мы скрасимъ мракъ предсмертныхъ дней...
 Предъ нимъ скорѣ занавѣсъ поднимуть, —
 Пусть онъ займетъ въ партерѣ кресло мнѣ;
 За это мы его въ кружокъ свой примемъ
 И хлопоты оплатимъ всѣ вполнѣ...

Поддержимъ жизнь виномъ.
 Настроимъ всѣ цѣвницы!

Друзья, кутнемъ

И весело пропьемъ

Всѣ деньги для моей гробницы!..

Ну, важно-ль мнѣ, чтобъ прочиталъ на камнѣ
 Какой-нибудь ученый про меня?
 И ароматъ цвѣтовъ вдыхать пріятнѣй
 Для всѣхъ при жизни въ яркомъ свѣтѣ дня!..

Вы не ищите, будущаго дѣти,
Мой мавзолей,—его не посѣтить:
Взамѣнъ него мнѣ мудрость подсказала
Всѣ эти деньги по вѣтру пустить!..

Поддержимъ жизнь виномъ,
Настроимъ всѣ цѣвницы!

Друзья, кутнемъ

И весело пропьемъ

Всѣ деньги для моей гробницы!..

Вѣчный жидь.

Христіанинъ, съ порога твоего
Мнѣ протяни стаканъ воды холодной!
Я—вѣчный жидь, я—бѣдный вѣчный жидь,
Измученный, страдающій, голодный...
Не старюсь я подъ бременемъ вѣковъ:
Конецъ міровъ—одно мое желанье.
Я каждый вечеръ жду его въ тоскѣ,
Но утромъ солнце снова леть сіянье...

Проходятъ дни, смѣняются года,—
Но все земля вращается, какъ прежде,
И отъ надежды я бѣгу къ надеждѣ;
И такъ—всегда, всегда, всегда!..

Ужъ восемнадцать тягостныхъ вѣковъ
По римскому и греческому праху,
По тысячамъ погибшихъ государствъ.
Меня бросаетъ вихрь судьбы съ-размаху..
Я видѣлъ нивы чахлыя добра,
Я видѣлъ бѣдствій тучныя долины,
Я видѣлъ новый міръ надъ лономъ водъ,—
Переживетъ онъ стараго руины...

Проходятъ дни, смѣняются года,—
Но все земля вращается, какъ прежде,
И отъ надежды я бѣгу къ надеждѣ;
И такъ—всегда, всегда, всегда!..

Чтобъ наказать, Богъ измѣнилъ меня:
Люблю я всѣхъ, кто любитъ и страдаетъ;
Отъ каждой кровли, гдѣ благословлять
Меня готовы, вихрь прочь отгоняетъ...
Ко мнѣ съ мольбой подходятъ бѣдняки,
Охотно имъ протягиваю руку,

Но грозный вихрь меня вдругъ оттолкнеть
И вдаль умчить на злую скорбь и муку...

Проходятъ дни, смѣняются года,—
Но все земля вращается, какъ прежде,
И отъ надежды я бѣгу къ надеждѣ;
И такъ — всегда, всегда, всегда!..

Усталый путникъ—хоть въ тѣни кустовъ
Я отдохнуть хочу, забывъ страданья;
Но только легъ —вдругъ слышу: громъ гремитъ,—
Ко мнѣ не знаетъ небо состраданья!
Что для него минута забытья,—
А между тѣмъ—его она тревожить...
Одинъ конецъ вселенной отдыхъ дать
Мнѣ послѣ страпствій подневольныхъ можетъ...

Проходятъ дни, смѣняются года,—
Но все земля вращается, какъ прежде,
И отъ надежды я бѣгу къ надеждѣ;
И такъ — всегда, всегда, всегда!..

Люблю дѣтей веселыхъ и живыхъ,
Смотрѣть на нихъ — большое наслажденье;
Но только я хочу къ нимъ подойти, —
Подхватить вихрь меня въ одно мгновенье...
О, неужель завидна старикамъ
Такая жизнь, не знающая тлѣнья?
Моя нога прахъ будетъ попираеть
Тѣхъ, для кого день не насталъ рожденья...

Проходятъ дни, смѣняются года, —
Но все земля вращается, какъ прежде,
И отъ надежды я бѣгу къ надеждѣ;
И такъ — всегда, всегда, всегда!..

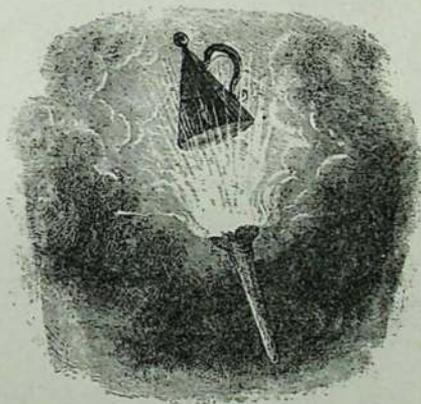
Когда я вижу мѣсто, гдѣ пришлось
Когда-то мнѣ—какъ людямъ всѣмъ—родиться,—
Гудитъ мнѣ вихрь: „Иди, иди, иди!“;
И нѣту силъ на мигъ остановиться...
Я слышу голосъ: „Стой, безумецъ, стой!“..
Но вихрь — опять: „Всѣ умерли, кто жили,—
Но для тебя нѣтъ пристани нигдѣ,
Тебѣ нѣтъ мѣста даже и въ могилѣ!“.

Проходятъ дни, смѣняются года,
Но все земля вращается, какъ прежде,

И отъ надежды я бѣгу къ надеждѣ;
И такъ—всегда, всегда, всегда!..

Безчеловѣчнымъ хохотомъ своимъ
Я оскорбить смѣлъ Богочеловѣка,
Когда Онъ вздохъ послѣдній на крестѣ
Слалъ къ небесамъ... Отъ вѣка и до вѣка
Казнюсь съ тѣхъ поръ... Вы, черствыя сердца, —
Мысль обо мнѣ пусть васъ не покидаетъ:
Не за Свою божественность,—о, нѣтъ!—
За человѣчность Богъ меня караетъ!..

Проходятъ дни, смѣняются года,
Но все земля вращается, какъ прежде,
И отъ надежды я бѣгу къ надеждѣ;
И такъ—всегда, всегда, всегда!..

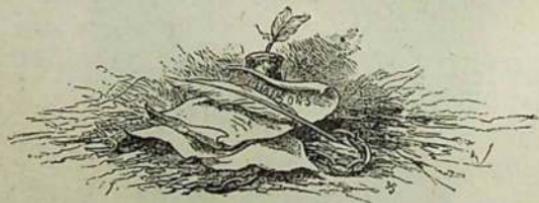

В. Скотт

С л а в а .

Нашъ вѣкъ — мыслитель грубый —
Делия порицаетъ:
Тому не ставятъ статуи,
Кто ихъ изображаетъ!..

Поэтъ, мудрецъ, художникъ!
Что слава? — Безъ сомнѣнья,
Съ насъ снимутъ этотъ саванъ
Иныя поколѣнья!..

Дочь народа.

Дочь народа, ты щедро народа пѣвцу
Раздавала дары наслажденій.—
Съ колыбели должна ты была полюбить
Всѣ созданья его вдохновеній...
Даже самыя первыя пѣсни его
Твоимъ первымъ слезамъ отвѣчали,—
Баронессы, графини, маркизы—вовѣкъ
Красотою его не прельщали...
О, не бойся: я вѣренъ тебѣ навсегда,
Не плѣнять меня роскошь и мода,—
У меня и у музы моей—свой девизъ:
Для народа, вся жизнь—для народа!..

Неизвѣстный и юный—бродилъ я вездѣ,
Видѣлъ замковъ старинныхъ немало,—
Но у запертыхъ ихъ обветшалыхъ воротъ
Муза гномовъ сѣдыхъ не искала:
Не являлось желанья войти мнѣ туда,
Гдѣ когда-то жизнь бурно кипѣла,—
Говорилъ я себѣ: „Вся поэзія прочь
Отъ нѣмыхъ этихъ стѣнъ улетѣла!“
Трубадуры пѣвали здѣсь гимны любви,
Но въ забвеньи была здѣсь свобода...
У меня-жь и у музы моей—свой девизъ:
Для народа, вся жизнь—для народа!..

Мнѣ не надо салоновъ, гдѣ скука живеть,
Окруженная роскошью свѣта!
Фейерверка огни гасить дождь въ мигъ одинъ,
Фейерверкъ—жизнь блестящая эта!..
Коль случайно заглянетъ веселье туда,—
Смерть ему суждена въ день рожденья;

Нѣтъ веселья — такъ нѣтъ и отрады ни въ чемъ.
 Нѣтъ надежды на лучъ вдохновенья...
 Пусть съ тобой мы бѣдны, пусть твой скромнѣе нарядъ, —
 Въ немъ милѣе мнѣ ты годъ-отъ-года;
 Наша доля темна, наша радость свѣтла...
 Для народа, вся жизнь — для народа!..

У какихъ баропесей, у какихъ свѣтскихъ дамъ
 Столько прелестей въ скромности скрыто?
 Кто изъ нихъ обладаетъ весельемъ твоимъ,
 Сердце чье такъ для счастья открыто?!
 Чьи глаза такъ горять, чье лицо такъ свѣжо,
 Такъ движенъя и мысли свободны,
 Чьи такъ чувства нѣжны, такъ стремленья смѣлы,
 Въ комъ порывы такъ все благородны?!
 Мнѣ послалъ тебя нашъ благородный народъ, —
 Да минуетъ его вся невзгода! —
 Пѣлъ я славу его и теперь — мой девизъ:
 Для народа, вся жизнь — для народа!..

„Откройте дверь!“

Пойдемъ въ поля, отпразднуемъ сегодня
Маріи день!.. Спѣшимте, господа,—
Съ букетами цвѣтовъ благоуханныхъ
И съ пѣснями пойдете съ ней туда!..
Веселый путникъ, долженъ захватить я
Съ собой свирѣль,—хоть и назвалъ свисткомъ
Ее одинъ оглохшій другъ поэта,
Но даже очень чуткій астрономъ...

Привратникъ мой, меня не ждите,—
Не скоро я вернусь теперь...
Мнѣ дверь скорѣе отворите!
Портѣ, портѣ, откройте дверь!..

Скорѣй, портѣ!.. Давно меня винять всѣ,
Что часъ обѣда я позабывалъ;
Вотъ и теперь добрякъ Жуи бранится,—
Хоть самъ онъ первый шагъ мой поддержалъ...
Тамъ ждуть друзья, тамъ ждетъ меня веселье;
Красавицъ милыхъ сколько тамъ!.. Ей-ей,
Само „аи“ терпѣніе теряетъ,—
Оно въ тюрьмѣ бунтуется своей...

Привратникъ мой, меня не ждите,—
Не скоро я вернусь теперь...
Мнѣ дверь скорѣе отворите!
Портѣ, портѣ, откройте дверь!..

Прекрасные дни праздника Маріи,
Какъ медлите вернуться вновь вы къ намъ!
Для насъ всегда по новымъ различались
Вы нѣсколькимъ сѣдѣвшимъ волоскамъ...
Такъ пусть Марія, вѣрная влеченьямъ,
Увидитъ весь комплектъ друзей опять!

Спѣшимте къ ней подѣ кровь гостепримный
Свободу нашей дружбы воспѣвать!..

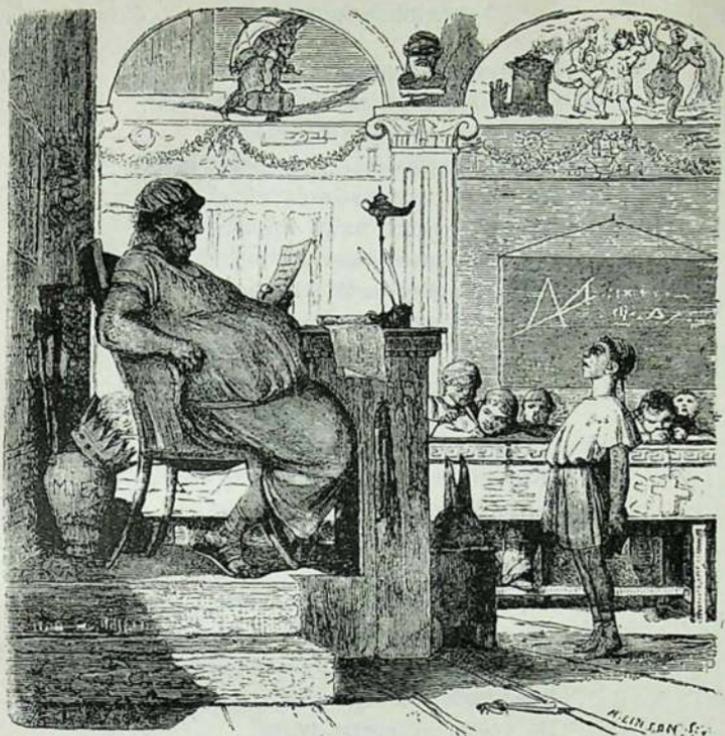
Привратникъ мой, меня не ждите,—
Не скоро я вернусь теперь...
Мнѣ дверь скорѣе отворите!
Портѣе, портѣе, откройте дверь!..

Старикъ-портѣе заснулъ въ своей каморкѣ;
Мои стишки остынуть могутъ вдругъ,—
А между тѣмъ, воспѣта въ нихъ Марія
И самъ ея достойнѣйшій супругъ...
Она всегда внимательна къ поэтамъ,
Она спѣшить откликнуться сердцамаъ,
Она надежды возвращать умѣетъ
Утратившимъ внезапно ихъ друзьямъ. .

Привратникъ мой, меня не ждите, —
Не скоро я вернусь теперь...
Мнѣ дверь скорѣе отворите!
Портѣе, портѣе, откройте дверь!..

Вотъ старику молчанье надоѣло,
Онъ говоритъ, что мнѣ нельзя уйти,
Что за девять я мѣсяцевъ обязанъ
Хозяину за номеръ свой внести...
Друзья мои, вамъ двери отворяютъ,—
Прошу привѣтъ Маріи передать;
Слагайте вы ей новые куплеты,—
Мнѣ стыдно въ Лувръ отсюда закричать:
„Тюремщикъ мой, меня пустите!
Что толку вамъ во мнѣ теперь?..
Мнѣ дверь скорѣе отворите!
Портѣе, портѣе, откройте дверь!“ .

Діонисъ — школьный учитель.

Изъ Сиракузъ его изгнали;
Въ Коринѣхъ учителемъ идетъ
Царь Діонисъ, сынъ Діониса,
Свой возмутившій весь народъ...
Но и въ паденьи онъ утѣшенъ:
Онъ въ школѣ можетъ разыскать
Рукою щедрою удары
И надо всѣмъ первенствовать;
Тамъ—по своей всеильной волѣ
Онъ можетъ угнетать дѣтей,
Онъ—снова царь... Еще изгнанье
Не учитъ мудрости людей!..

Тиранъ недавній сиракузянъ—
Съ учениковъ теперь беретъ
Налогъ онъ съ каждаго обѣда,

Налогамъ потерявъ и счетъ...
 Орѣхи-ль, медъ ли, виноградъ ли, —
 Ему—три четверти всего!
 „Пусть признаютъ, — онъ восклицаетъ —
 Всю силу права моего!..
 На все я здѣсь имѣю право, —
 Сто разъ доказывалъ!.. Скорѣй
 Цѣлуйте руку мнѣ!“ . Изгнанье
 Не учить мудрости людей!..

Одинъ хитрецъ, послѣдній въ классѣ,
 Въ тетрадкѣ пишетъ какъ-то разъ:
 „О, царь! Пускай Господь погубитъ
 Низвергнувшихъ съ престола васъ!“ .
 Хоть было плохо сочиненье,
 Награду выдали глупцу, —
 Наградъ не трудно добиваться
 И въ школѣ каждому льстецу...
 „Мой сынъ!—сказалъ ему наставникъ, —
 Тяжелъ мнѣ скипетръ мой, —ей-ей! —
 Будь мнѣ помощникомъ!“ . Изгнанье
 Не учить мудрости людей! .

Другой подходитъ, по секрету
 Ему съ поклономъ говорить:
 „Вонъ школьникъ тотъ списалъ сатиру, —
 На васъ она!“ . Благодарить
 Его учитель и—скорѣе
 Вѣжить къ преступнику; поймать
 Успѣлъ на мѣстѣ преступленья
 И пальцы сталъ ему ломать:
 „Я не желаю, чтобъ писали“, —
 Кричить на диво школѣ всей.—
 „Я—царь, я—богъ вашъ!“ . Да, изгнанье
 Не учить мудрости людей!..

Ему пригрезилось однажды,
 Что дѣти въ заговоръ вступитъ
 Хотятъ, за всѣ свои обиды
 Чѣмъ—неизвѣстно отомстить...
 Дрожа за власть свою, безумецъ
 Случайно видитъ какъ-то разъ,
 Что пасмѣхаются мальчишки

Надъ иностранцами... Сейчасъ
Зоветь къ себѣ пришельцевъ въ школу:
„Идите, бейте всѣхъ дѣтей,—
Я имъ отецъ!“... Увы, изгнанье
Не учить мудрости людей!..

Отцы и матери мальчишекъ,
Которыхъ сѣкли день и ночь,
Вступая за школьниковъ, изгнали
Тирана изъ Коринѳа прочь...
Но Діонисъ, сынъ Діониса,
Уныню дани не платилъ,—
Онъ въ тотъ же день, смѣнивъ одежду,
Въ жрецы Цибеллы поступилъ...
Свободнѣй тамъ топтать, чѣмъ въ школѣ,
Законы родины своей
И проклинять ее... Изгнанье
Не учить мудрости людей!..

Красота и безобразіе.

Ахъ, красота мученій столько
Приносить,—маска въ ней видна!
Хотѣлъ бы я, чтобъ ты вдругъ стала
До безобразія дурна..
Излишекъ красоты опасенъ!
Возьми, о, Боже мой, назадъ
У ней дары очарованій,—
Молю о томъ я даже адъ!..
Пусть станетъ милая дурнушкой,
Хоть безобразной можетъ быть,—
Вѣдь все равно—ее я буду
Съ такой же силою любить!..

Едва успѣлъ договорить я,
Какъ вдругъ явился (о, Творецъ!)
Передо мной рогатый дьяволъ —
Самъ безобразія отецъ..
„Ужасной сдѣлаемъ ее мы,—
Сказалъ,—соперниковъ твоихъ
Отгонимъ прочь.. Большой любитель
Я превращеній всѣхъ такихъ!
Вотъ-вотъ красавица идетъ къ намъ...
Разсыпья, жемчугъ красоты!
Поблекните, всѣ розы счастья!..
Съ такой ли силой любишь ты?“

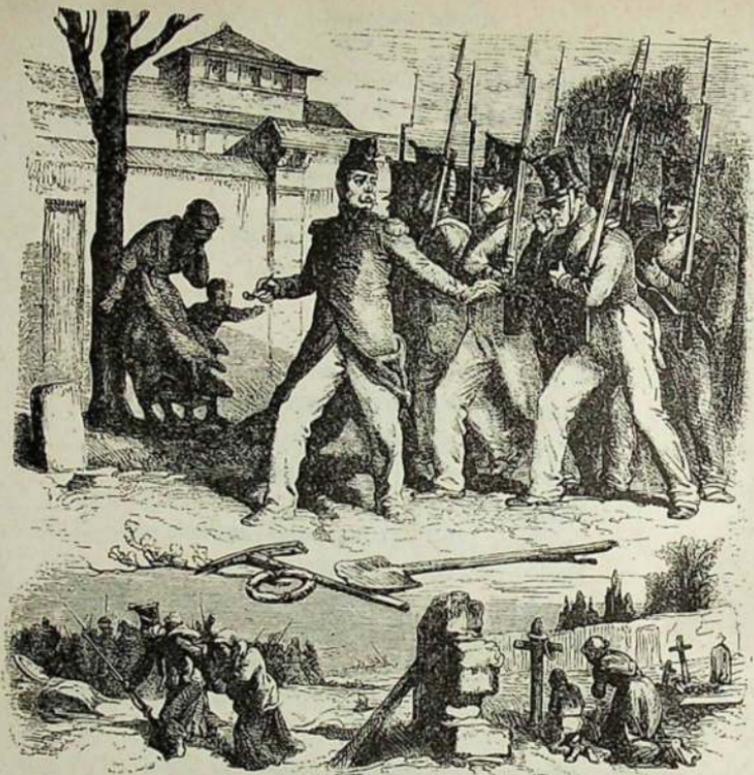
„Ахъ, что со мной?“ красотка шепчетъ;
Подходить къ зеркалу она,
Глазамъ не вѣрять, смотреть, смотреть—
Нѣмымъ отчаяньемъ полна..
„Клялася жить ты для меня лишь,—

Сказалъ я.—Вѣрь любви моей;
 Теперь, какъ я, такихъ счастливыхъ
 И въ цѣломъ мірѣ нѣтъ людей,—
 Конецъ мучительнымъ тревогамъ!
 Одной моей любви тебя
 Люциферъ отдавъ... Съ той же силой
 Къ тебѣ стремлюся я. любя!“.

Глаза потухшіе слезами
 У ней наполнились, печаль
 Терзаетъ бѣдную дурнушку,—
 Ее мнѣ даже стало жаль...
 „Ахъ, возврати ей свѣжесть розы,
 Отдай ей чары всѣ сполна!“.
 —„Пожалуй!“ съ адскою улыбкой
 Мнѣ отвѣчаетъ сатана...
 И—возродилася мгновенно,
 Вся красота,—еще милѣй
 Красотка стала... Съ той же силой
 Любовь моя стремится къ ней!..

Чуть только зеркало сказало,
 Что чары прежней красоты
 Вернулись,—слезъ какъ не бывало,
 На щечкахъ вспыхнули цвѣты...
 Исчезъ Люциферъ моментально
 Въ свои подземные края...
 Но что я вижу! Ты уходишь?
 Куда-жь ты, милая моя?!
 —„Прощай! Та дѣвушка, которой
 Пришлось красавицею быть,—
 Того, кто таѣ ее полюбитъ,
 Вовѣки не должна любить!“.

Старый капраль.

Въ ногу, ребята, идите.
Полно, не вѣшать ружья!
Трубка со мной... проводите
Въ отпускъ безсрочный меня.
Я былъ отцомъ вамъ, ребята...
Вся въ сѣдинахъ голова...
Вотъ она—служба солдата!..
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!..
Разъ! Два! Разъ! Два!

Да, я прибилъ офицера!
Молодъ еще оскорблять
Старыхъ солдатъ! Для примѣра
Должно меня разстрѣлять.

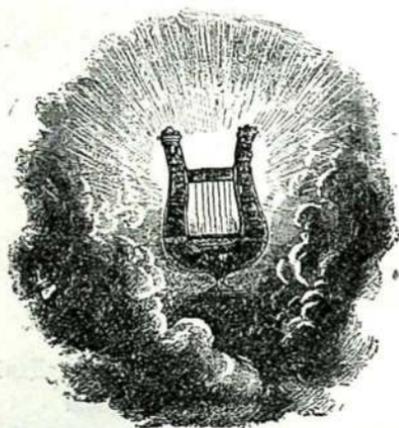
Вышилъ я... кровь заиграла...
 Дерзкія слышу слова, —
 Тѣнь императора встала...
 Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, ровняйся!..
 Разъ! Два! Разъ! Два!

Братцы! Солдатскіе годы,
 Служба—въ рукахъ у судьбы...
 Помню я ваши походы,
 Время великой борьбы.
 Эхъ, наша слава пропала!..
 Подвиговъ нашихъ молва
 Сказкой казарменной стала...
 Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, ровняйся!..
 Разъ! Два! Разъ! Два!

Ты, землячокъ, поскорѣе
 Къ нашимъ стадамъ воротись.
 Нивы у насъ зеленѣе,
 Легче дышать... Поклопись
 Храмамъ селенья родного...
 Боже! Старуха жива!..
 Не говори ей ни слова...
 Въ ногу ребята! Разъ! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, ровняйся!..
 Разъ! Два! Разъ! Два!

Кто тамъ такъ громко рыдаетъ?
 А, я ее узнаю...
 Русскій походъ воспоминаеть..
 Да, отогрѣлъ всю семью...
 Снѣжной, тяжелой дорогой
 Несъ ея сына.. Вдова
 Вымолить миръ мнѣ у Бога..
 Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, ровняйся!..
 Разъ! Два! Разъ! Два!

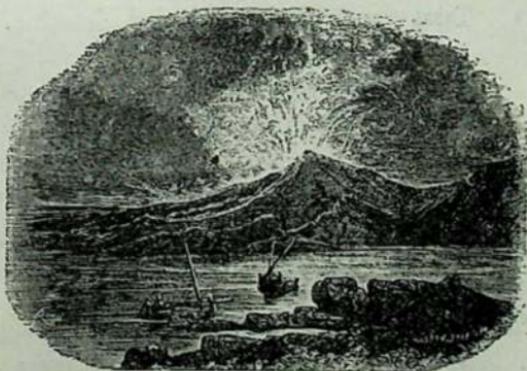
Трубка, никакъ, догорѣла?
Нѣтъ, затянусь еще разъ.
Близко, ребята. За дѣло!
Прочь, не завязывать глазъ!
Цѣлься вѣриѣ! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай Богъ домой вамъ вернуться.
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!..
Разъ! Два! Разъ! Два!

Молодымъ людямъ.

На берегу, подъ краткимъ небомъ яснымъ,
Слѣдя за легкой цѣпью облачковъ,
Когда-нибудь вы сердцемъ пожалѣйте
Измученныхъ скитальцевъ-моряковъ!

На уваженъе всѣ права имѣеть
Тотъ человекъ, что къ пристани идетъ,
Всѣмъ на нее указываетъ смѣло,
А самъ готовъ погибнуть въ безднѣ водъ!..

Счастье.

Смотри—ты видишь: счастье тамъ!
Твердить надежда мнѣ,—
Король, прелать и буржуа
Предъ нимъ—всѣ наравнѣ!
Ему—привѣтъ, ему—поклонъ
Отъ всѣхъ, со всѣхъ сторонъ...
Туда—смѣлѣй,
Туда—скорѣй,
Тамъ—счастье, тамъ!..

Смотри—ты видишь: счастье тамъ,
На зелени луговъ,
Подъ кровомъ мирныхъ деревень,
Вдали отъ городовъ...
Тамъ—солнца блескъ, тамъ—жизни цвѣтъ,
Тамъ тунейдцевъ нѣтъ;
Бѣжимъ туда,
Тамъ—рай труда,
Тамъ—счастье, тамъ!..

Смотри—ты видишь: счастье тамъ,
Среди родныхъ полей...
О, Боже, сколько тамъ плодовъ
И сколько тамъ дѣтей!..
Тамъ—день свѣтлѣй, тамъ—ночь темнѣй
И поцѣлуй звончѣй...
О, поспѣшай
Въ тотъ дивный край,
Тамъ—счастье, тамъ!..

Смотри—ты видишь: счастье тамъ,
Гдѣ создалъ храмъ банкиръ...

Къ его услугамъ каждый мигъ
 Все, чѣмъ гордится міръ...
 Въ своемъ дому не счесть ему
 Сокровищъ разныхъ тѣму...
 Туда, бѣднякъ!
 Удвоимъ шагъ!
 Тамъ—счастье, тамъ!..

Смотри—ты видишь: счастье тамъ,
 Въ сомкнувшихся рядахъ,
 Гдѣ пушекъ громъ, гдѣ лязгъ штыковъ
 Врагамъ вселяетъ страхъ;
 Гдѣ каждый правъ, кто одолѣлъ.
 Гдѣ славу ждетъ удѣлъ...
 Смѣлѣй—за мной
 Въ шумъ боевой,
 Тамъ—счастье, тамъ!..

Смотри—ты видишь: счастье тамъ,
 На быстромъ кораблѣ,
 Гдѣ всѣмъ открытъ безбрежный путь,
 Невѣдомый землѣ;
 Гдѣ, о свободѣ говоря,
 Улыбки шлютъ моря...
 Туда, скорѣй
 Въ просторъ морей!
 Тамъ—счастье, тамъ!..

Смотри—ты видишь: счастье тамъ,
 Въ глуши азійскихъ странъ,
 Гдѣ силу грозную куютъ
 Огонь и мечъ-тиранъ,
 Гдѣ власти взглядъ не зналъ преградъ.
 Гдѣ духи тьмы царять...
 Смѣлѣй вдвоемъ
 Туда идемъ,
 Тамъ—счастье тамъ!..

Смотри—ты видишь: счастье тамъ,
 Гдѣ океанъ шумитъ,
 Гдѣ внемлетъ ропотъ волнъ морскихъ
 Америки гранитъ,
 Гдѣ гражданій надъ всѣмъ одинъ

Свободный властелинъ...

Тамъ—Новый свѣтъ!

Туда—чуть-свѣтъ!

Тамъ—счастье, тамъ!..

Смотри—ты видишь: счастье тамъ,

Въ лазурныхъ облакахъ...

Ничто не манитъ старика,

Онъ—еле на ногахъ...

Бѣгите, дѣти! Онъ—усталъ

И всюду опоздалъ...

За васъ—года!

Ну, ну, туда!..

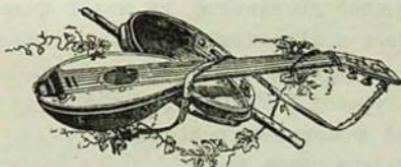
Тамъ—счастье, тамъ!..

Бубенчики.

Впередъ идемте, бѣдные безумцы!
Пускай бубенчики внезапно зазвенятъ!..
Мы—какъ мулы испанскіе, со звономъ—
Идемъ впередъ, хотя и наугадъ...

Творецъ желаетъ каждому на долю
Часть заблужденій передать нести;
И къ мантии премудрости бубенчикъ
Безумье прицѣпляетъ на пути...

Пять этажей.

Въ душевной дворницкой, въ мракѣ подвала,
Родилась я дѣвчонкой простой;
Лѣтъ въ пятнадцать лакеи квартала
Всей гурьбой увивались за мной.
Вскорѣ я молодому вельможѣ
Показалась очень мила:
Эта честь обошлася мнѣ въ то же...
И я въ первый этажъ перешла.

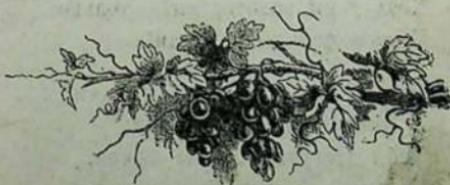
Тамъ, въ роскошныхъ покояхъ, и руки,
И лицо мое стали бѣлѣй.
Успоительны золота звуки..
Не видала я будничныхъ дней!
Но страстей изнурительна сила:
Умеръ онъ. Что я слезъ пролила!
Да печаль красоту пощадила...
Во второй я этажъ перешла.

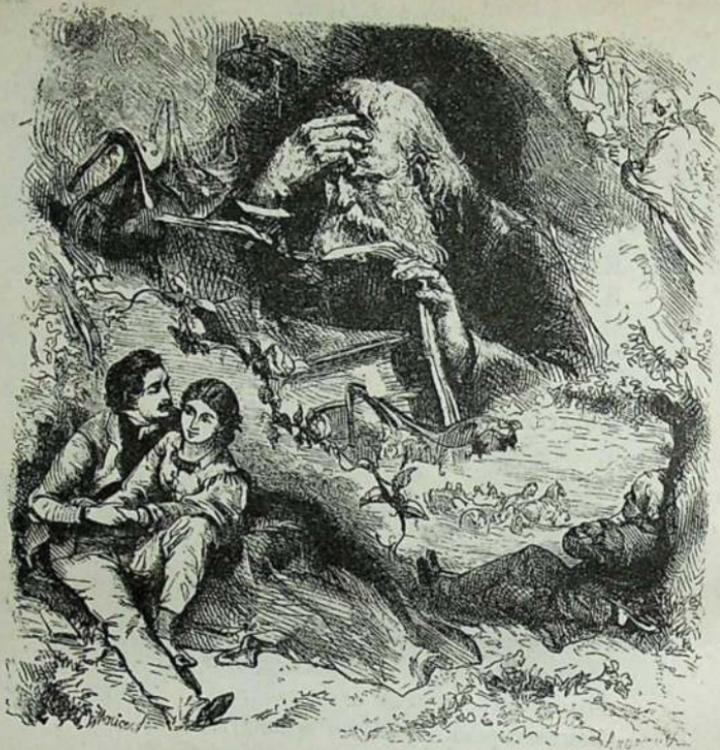
Тамъ я герцога-цѣра поймала—
 Впукъ его былъ красивый такой...
 За огонь они дали немало:
 Первый—пепель, а пламя—другой.
 Я къ танцору душой привязалась...
 Удалилася знать—не снесла;
 Но мнѣ зеркало все улыбалось—
 И я въ третій этажъ перешла.

Тамъ, слывя баронессой, я съ жиромъ
 Ощипала всѣ перья почти
 Англичанину, двумъ-тремъ банкирамъ
 И аббату—Господь мнѣ прости!
 Но я замужъ пойти захотѣла
 За плута одного: онъ до-тла
 Обокралъ меня.. я посѣдѣла—
 И въ четвертый этажъ перешла.

А въ четвертомъ—иная работа:
 Мнѣ племянницъ пришлось пригласить...
 Мы кутимъ, и одна намъ забота—
 Коммиссаровъ побольше дразнить.
 Налету я свой хлѣбъ добывала,
 И хозяйство, и счета вела,
 Да стара и чудовищна стала—
 И на пятый этажъ перешла.

И теперь я—служанка съ метлою,
 И пріютомъ мнѣ пыльный чердакъ;
 Одинока; огня нѣтъ зимою...
 И не вѣрять сосѣди никакъ—
 Чѣмъ была я на жизненномъ рынкѣ...
 Но отъ жизни бывалой моей
 Я теперь еще вижу соринки,
 Подметая всѣ пять этажей.

Алхимикъ.

Ты говоришь, бѣднякъ-алхимикъ,
Что можешь золото извлечь
Изъ всѣхъ металловъ малоцѣнныхъ
И старость въ молодость облечь?
Меня печалитъ началъ возрастъ.
Верни мнѣ силы юныхъ дней,—
Мой кошелекъ всегда къ услугамъ
Науки вдумчивой твоей!
Въ твой философскій камень вѣрить
Готово сердце... Извлекай
Хоть горы золота, мнѣ—только
Былую молодость отдай!..

Раздуй сильнѣе горнь мѣхами
И книгу древнюю открой;
Тебѣ доступны тайны жизни,
Постижь ты міра вѣчной строй...

Источникъ счастья и богатства
 Передъ тобой сольеть струи
 Въ одинъ твой тигель чародѣйскій,—
 Мечты исполнятся твои!..
 Ты смотришь на огонь такъ властно...
 Что видишь въ немъ? О, не скрывай!
 Возьми все золото себѣ ты,
 Мнѣ-жь только молодость отдай!..

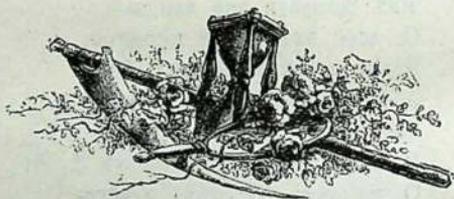
Весь опьяненъ надеждой пылкой,
 Ты говоришь: „О, короли!
 Цѣлуйте ноги мнѣ, я буду
 Богаче Крезовъ всей земли!
 Что предо мной Кортецъ, Пизарро,—
 Они открыли для другихъ
 Золотоносныя долины,
 Я—царь и богъ богатствъ земныхъ!“
 Ты, нищій, сталъ высокобренъ?
 По мнѣ—хоть царства покувай,
 Бери все золото,—но только
 Мою мнѣ молодость отдай!..

Мнѣ возврати дни молодые
 Со всей ихъ милой нищетой,
 Верни душѣ огонь желаній,
 А тѣлу—пыль страстей былой!..
 Возьми всю оцѣтлость разсудка,
 Влей въ сердце мнѣ живую кровь!
 О, воскреси богатство чувства,
 Дай пережить всю жизнь мнѣ вновь!..
 Въ своей роскошной колесницѣ
 Ты на прогулку поѣзжай,—
 Увидишь, какъ я буду счастливъ...
 Мнѣ—только молодость отдай!..

Могу и я цѣнить богатство,
 Оно—волшебный, дивный даръ;
 Но я люблю, я опасаясь,
 Что для своей подруги старъ...
 Ну, вдругъ сейчасъ она по пальцамъ
 Начнетъ считать мои года
 Да и свои напомнитъ кстати,—
 Что-жь мнѣ отвѣтить ей тогда?!

Любовь ждетъ знойной ласки солнца,
 Ей дорогъ жизни свѣтлый мэй...
 Не нужно мнѣ богатствъ несмѣтныхъ,—
 Мою мнѣ молодость отдай!..

Ну, что нашель ты? Не таися!..
 Какъ, ничего?! Не ждать добра!..
 Ты сталъ еще бѣднѣй, чѣмъ прежде,
 А я—старѣе, чѣмъ вчера...
 „Нѣтъ, нѣтъ!—ты шепчешь.—Новолушья
 Я жду... Тогда опять начнемъ:
 Успѣхъ насъ сдѣлаетъ богами!“...
 Старикъ, ты сталъ пустымъ лжецомъ!..
 Но заблуждаться такъ приятно,—
 Готовъ я вѣрить... Продолжай!
 Тебѣ—все золото; морщины
 Разгладь мнѣ, молодость отдай!..

Похоронная пѣснь.

(На смерть Кенекура.)

Онъ глухъ и къ воплямъ „Miserere“
Подъ этой траурной парчой...
Какъ, въ этомъ гробѣ непробудно
Спать другъ мой, другъ мой дорогой?!
Смолкайте, скорбные напѣвы!
Товарищъ вѣрный мой угасъ,—
Его мнѣ дружба завѣщала
Благословить въ послѣдній разъ!..

Покинувъ путь земныхъ скитаній,
Безъ страха онъ вступилъ туда,
Гдѣ нѣтъ ни зависти, ни злобы,
Ни подневольнаго труда...
Иная жизнь, права иная..
Вашъ адъ не страшень съ нимъ для насъ,—
Его мнѣ дружба завѣщала
Благословить въ послѣдній разъ!..

Душа его, порвавъ оковы,
Въ иной направилась предѣлъ;
Золотокрылый ангелъ Божій
Съ ней въ міръ надвѣздный полетѣлъ...
О, какъ была она прекрасна!
Какъ рано пробилъ смерти часъ!..
Его мнѣ дружба завѣщала
Благословить въ послѣдній разъ!..

Онъ скромень былъ и благородень,
Лишень богатства всѣхъ даровъ,
Онъ богачу казался бѣднымъ
И богачомъ для бѣдняковъ...

*Золотокрылый
ангелъ Божій
Съ ней въ міръ
надвѣздный
полетѣлъ...*

Души богатой дарованья
 Не выставляя онъ напоказъ...
 Его мнѣ дружба завѣщала
 Благословить въ послѣдній разъ!..

Гонимый бурными волнами,
 Челнокъ мой къ берегу присталь,—
 „Войди въ мой домъ, найди въ немъ пристань“ —
 Мнѣ Кенекуръ тогда сказалъ.
 Своимъ радушіемъ меня онъ
 Отъ многихъ лишнихъ бѣдствій спасъ..
 Его мнѣ дружба завѣщала
 Благословить въ послѣдній разъ!..

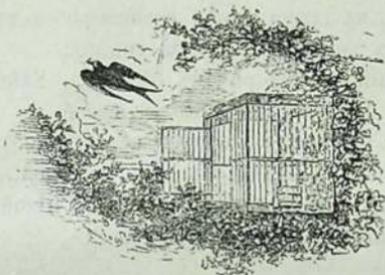
Царемъ пировъ его веселыхъ
 Объявленъ былъ я... Парусъ мой
 Я починилъ, настроилъ лиру
 И вновь вступилъ въ борьбу съ судьбой...
 Близъ друга солнце жизни снова
 Мнѣ засіяло въ тотъ же часъ,—
 Его мнѣ дружба завѣщала
 Благословить въ послѣдній разъ!...

Заслышавъ снова пѣсни друга,
 Онъ слалъ привѣтъ имъ раньше всѣхъ;
 Онъ предвѣщаль имъ жизнь въ народѣ
 И твердо вѣрилъ въ мой успѣхъ...
 Онъ опянялся вдохновеньемъ,
 Огонь души его не гасъ,—
 Его мнѣ дружба завѣщала
 Благословить въ послѣдній разъ!..

О, пусть тотъ бѣдный свѣтъ, которымъ
 Теперь мерцаетъ пѣснь моя,
 Ему освѣтитъ путь далекій
 Въ намъ недоступные края!..
 Пусть всѣ его читаютъ имя,
 Когда въ живыхъ не станетъ насъ,—
 Его мнѣ дружба завѣщала
 Благословить въ послѣдній разъ!..

Печальнымъ гимнамъ здѣсь не мѣсто!
 Ушелъ онъ въ лучшей изъ мировъ:

Надъ этимъ гробомъ внятно эхо
Живой поэзи даровъ...
Смолкайте, скорбные нагѣвы!
Товарищъ вѣрный мой угасъ,—
Его мнѣ дружба завѣщала
Благословить въ послѣдній разъ!..

Рыжая Жанна.

Спитъ на груди у ней крошка-ребенокъ,
Жанна другого несеть за спиной;
Старшій съ ней рядомъ бѣжить... Башмаченокъ
Худъ и не грѣветъ ножонки босой...
Взяли отца ихъ: дозоръ окаанный
Выслѣдилъ—кончилось дѣло тюрьмой...
Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Жизни заря и для Жанны алѣла:
Сельскій учитель отецъ ея былъ;
Жанна читала, работала, пѣла;
Всякій за нравъ ее тихій любилъ,
Плясывалъ съ ней и подъ тѣнью каштанной
Жаль у ней бѣлую ручку порой...
Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Фермеръ къ ней сватался—дѣло рѣшили,
Да изъ пустого оно разошлось:
Рыжикомъ Жанну въ деревнѣ дразнили—
И испугался онъ рыжихъ волосъ.
Двое другихъ ее звали желанной—
Но вѣдь у ней ни гроша за душой...
Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Онъ ей сказалъ: „Не найти мнѣ подружки
Краще тебя—полюбилъ тебя я—
Будемъ жить вмѣстѣ: въ убогой лачужкѣ
Есть у меня дорогихъ три ружья;

По лѣсу всюду мнѣ путь невозбранный,
 Свадьбу скрутить капелланъ замковой"...
 Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
 Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Жанна рѣшилася—Жанна любила,
 Жаждала матерью быть и женой!
 Три раза Жанна подъ сердцемъ носила
 Сладкое бремя въ пустынѣ лѣсной.
 Бѣдныя дѣти, пригожій, румяный,
 Каждый взошелъ, что цвѣтокъ полевой...
 Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
 Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Чудо любовь совершаетъ на свѣтѣ,
 Ею горять всѣ прямыя сердца!
 Жанна еще улыбается: дѣти
 Черноволосы, всѣ трое—въ отца!
 Голосъ жены и подруги избранной
 Узнику въ душу гливаешь покой...
 Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
 Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Тоска по родинѣ.

Сказали мнѣ: „Въ Парижъ поѣдемъ съ нами,—
Тамъ—наяву увидишь всѣ мечты;
Тамъ—золото, искусства, просвѣщенъе,—
Свои поля забудешь съ нами ты!“
Приѣхалъ я; но на меня взгляните:
Моя весна поблекла въ цвѣтѣ дней..
Ахъ, возвратите мнѣ мою деревню,
Родныя горы, ширь родныхъ полей!..

Кровь стынетъ въ жилахъ, сердце изнываетъ;
А между тѣмъ—я покорялся вамъ:
Я просвѣщенъ настолько, что танцую
Среди красавицъ свѣтскихъ по баламъ...
Я умираю... Нѣтъ здѣсь исцѣленья,—
Меня тоска по родинѣ гнететъ...
Ахъ, возвратите мнѣ мою деревню,
Воскресныхъ дней веселый хороводъ!..

Вамъ не попятъ обычаевъ крестьянскихъ,
Вамъ наши сказки съ пѣснями смѣшны;
Отъ волшебства, что въ оперѣ творится,
Смутятся духомъ наши колдуны..
Канонъ слагая ангельскому клиру,
Въ концертахъ вашихъ звуковъ бы занять..
Ахъ, возвратите мнѣ мою деревню,
Родимыхъ пѣсень дайте услыхать!..

Избушки наши, наша колокольна
Не отличались роскошью дворцовъ:
Здѣсь—что ни домъ—шедѣвръ архитектуры,
Здѣсь—пышный Лувръ среди своихъ садовъ...

Здѣсь все волшебнымъ кажется миражемъ,
 Здѣсь—словно въ сказкѣ—чудеса кругомъ...
 Ахъ, возвратите мнѣ мою деревню
 И нашу церковь, и родимый домъ!..

Вы дикаря-язычника крестите,—
 Предъ смертью вспомните онъ своихъ боговъ...
 У очага скитальца вспоминаетъ
 Старушка мать средь братьевъ-бѣдняковъ...
 Я пасъ стада, я жилъ подъ вольнымъ небомъ;
 Среди лавинъ хранилъ меня Творецъ...
 Ахъ, возвратите мнѣ мою деревню
 И посохъ мой, мой хлѣбъ, моихъ овецъ!..

Что слышу я? О, небо! Вы сказали:
 „Настанетъ утро—уѣзжай домой;
 Вновь расцвѣтетъ весна, осушить слезы
 Лучами солнца край родимый твой!“.
 Прощай, Парижъ, пріютъ искусствъ и славы!..
 Не мнѣ жалѣть о роскоши твоей...
 Ахъ, я увижу вновь мою деревню,
 Родныя горы, ширь родныхъ полей!..

Моя кормилица.

Изъ всѣхъ былыхъ воспоминаній
Я пышный замокъ возвожу;
И о кормилицѣ своей я
Все, что запомнилъ, расскажу...
Ужъ наступаетъ вечеръ жизни,
Я пѣсню первую пою:
„Спи, мой малютка, баю-баю,
Спи, мальчикъ, баюшки-баю!“.

Когда-то, въ августѣ то было,
Шесть франковъ получивъ въ авансъ,
Со мной кормилица-красотка
Въ Окзерскій сѣла дилижансъ...
Дитя Парижа—отданъ былъ я
Расти въ крестьянскую семью...
„Спи, мой малютка, баю-баю,
Спи, мальчикъ, баюшки-баю!“.

Вотъ я въ Бургонь пріѣхалъ съ нею,—
Полезенъ климатъ пѣснѣ тамъ...
Старикъ—красоткинъ мужъ—попался
Въ рукѣ съ бутылкой первый намъ;
Жанъ въ виноградникѣ работалъ,—
Тамъ пѣлъ и пилъ онъ, какъ въ раю...
„Спи, мой малютка, баю-баю,
Спи, мальчикъ, баюшки-баю!“.

Подъ кровлей ихъ, при звукахъ пресси,
Я могъ наглядно изучать
Приготовленье винъ... Пьянѣя,
Жанъ уходилъ въ сарай свой спать...

Жена—надъ старымъ насмѣхаясь,
 Мнѣ напѣвала: „Не старѣй!
 Спи, мой малютка, баю-баю,
 Спи, мальчикъ мой, расти скорѣй!“.

Смиранный патерь по-сосѣдски
 Къ намъ заходилъ подѣ вечерокъ:
 Чуть Жанъ въ сарай—онъ неизмѣнно
 Переступалъ черезъ порогъ...
 Отъ францисканскихъ ароматовъ
 Мое испортилось меню...
 „Спи, бѣдный мальчикъ, баю-баю,
 Спи, милый, баюшки-баю!“.

Старикъ въ аббатствѣ чрезъ недѣлю
 Въ саду работу получилъ;
 Какъ богъ безъ нектара—тоскуя,
 Я́ молоко виномъ смѣнилъ...
 Моя кормилица, полнѣя,
 Вздыхала, пѣснь твердя свою:
 „Спи, мой малютка, баю-баю,
 Спи, мальчикъ, баюшки-баю!“.

Узнавъ исторію всю эту,
 Изволилъ крестный предсказать,
 Что я вино возненавижу
 И стану рясы почитать...
 Я-жь предскажу, что передъ гробомъ
 Моимъ не „Реквиемъ“ споютъ,
 А ту же пѣсню: „Баю-баю!
 Спи, бѣдный, спать отраднѣ тутъ!“.

Контрабандисты.

Горе купцамъ-торгашамъ!
Намъ всѣмъ—богатство и счастье!
Приметь народъ въ насъ участие,
Къ нашимъ примкнетъ онъ друзьямъ...
Горе купцамъ-торгашамъ!...

Полночь... Мулы и товары,
Люди—смѣлѣе за мною!
Ружьи зарядимъ, пистолы,—
Будемъ готовы къ отбою!..
Стражниковъ много, такъ что же!—
Дешевъ свинець... Не опасно:
Мѣткія пули отважныхъ
Видятъ и ночью прекрасно...

Горе купцамъ-торгашамъ!
Намъ всѣмъ—богатство и счастье!
Приметь народъ въ насъ участие,
Къ нашимъ примкнетъ онъ друзьямъ...
Горе купцамъ-торгашамъ!..

Жизнь наша—рискъ благородный,
Въ подвиги все намъ зачтется...
Нашимъ красоткамъ въ передникъ
Золото, золото льется...
Въ замки, въ дома и въ лачуги
Смѣлость намъ дверь отворяетъ;
Если законъ насъ осудить,—
Что намъ?—народъ насъ прощаетъ!..

Горе купцамъ-торгашамъ!
Намъ всѣмъ—богатство и счастье!
Приметь народъ въ насъ участие,
Къ нашимъ примкнетъ онъ друзьямъ...
Горе купцамъ-торгашамъ!..

Холодъ и дождь—випочемъ намъ,
 Спимъ мы подъ грохотъ лавины...
 Сколько отваги вдыхаешь
 Съ воздухомъ горной вершины! .
 Сто разъ онѣ насъ видали,
 Какъ боевыми ночами
 Мы, къ облакамъ поднимааясь,
 Смерть попирали ногами...
 Горе купцамъ-торгашамъ!
 Намъ всѣмъ—богатство и счастье!
 Приметь народъ въ насъ участие,
 Къ нашимъ примкнетъ онъ друзьямъ...
 Горе купцамъ-торгашамъ!..

Мѣной живутъ всѣ народы,
 Путь преграждаютъ законы;
 Смѣло пройдемъ чрезъ границу,—
 Чтò намъ таможей препоны!..
 Насъ охранить Провидѣнье,—
 Мы не творимъ святотатства,
 Если хотимъ равномерно
 Распредѣлить всѣ богатства...
 Горе купцамъ-торгашамъ!
 Намъ всѣмъ—богатство и счастье!
 Приметь народъ въ насъ участие,
 Къ нашимъ примкнетъ онъ друзьямъ...
 Горе купцамъ-торгашамъ!..

Наши правители разумъ,
 Вѣрно, давно потеряли,
 Если налогамъ повсюду
 Только расти помогали...
 Чтобы рѣка всѣхъ поила,
 Создалъ Господь ее правый;
 Въ прудъ превратить ее хочетъ
 Тщетно законникъ лукавый...
 Горе купцамъ-торгашамъ!
 Намъ всѣмъ—богатство и счастье!
 Приметь народъ въ насъ участие,
 Къ нашимъ примкнетъ онъ друзьямъ...
 Горе купцамъ-торгашамъ!..

Какъ, раздѣлить пожелали
 Волей конгресса нежданно

Наше могучее племя
 На два враждебные стана?..
 Нѣтъ! Эти люди не будутъ
 Прясть одну пряжу напрасно,
 Винамъ однимъ улыбаться..
 Это — какъ Божій день, ясно!..
 Горе купцамъ-торгашамъ!
 Намъ всѣмъ — богатство и счастье!
 Приметь народъ въ насъ участие,
 Къ нашимъ примкнетъ онъ друзьямъ...
 Горе купцамъ-торгашамъ!..

Птица летитъ за границу, —
 Не говорятъ вѣдь ей: „Слѣдуй
 Съ этихъ мѣстъ новымъ законамъ,
 Здѣсь водвореннымъ побѣдой!“.
 Два короля — два владѣнья..
 Пролитой братскою кровью
 Освящены ихъ права всѣ
 Въ мѣрѣ, забытомъ любовью..
 Горе купцамъ-торгашамъ!
 Намъ всѣмъ — богатство и счастье!
 Приметь народъ въ насъ участие,
 Къ нашимъ примкнетъ онъ друзьямъ...
 Горе купцамъ-торгашамъ!..

Насъ въ деревняхъ воспѣваютъ,
 Вѣримъ мы сердцу народа,
 Выстрѣлы эхо разбудятъ,
 Съ эхомъ — проснется свобода!
 Родина гибнетъ подъ гнетомъ
 Властныхъ сосѣдей, но смѣло
 Кличъ возглашаетъ предсмертный:
 „Контрабандисты, за дѣло!“..
 Горе купцамъ-торгашамъ!
 Намъ всѣмъ — богатство и счастье!
 Принялъ народъ въ насъ участие,
 Къ нашимъ примкнулъ онъ рядамъ...
 Горе купцамъ-торгашамъ!..

Моимъ друзьямъ-министрамъ.

Нѣтъ, нѣтъ, друзья, мнѣ ничего не надо!
Другимъ—мѣста, отличья и чины
Вы щедрою рукою разсыпайте,—
Нѣтъ, не для нихъ мы съ музой рождены!
Пугливой птицей отъ двора лечу я,
Меня страшать приманки королей...
Что нужно мнѣ? Подруга съ тонкимъ станомъ,
Пирушекъ хмель, веселый кругъ друзей...
Благословить солону колыбели
Собравшись, Богъ—невѣдомо зачѣмъ
Создавъ меня—пророчески сказалъ мнѣ:
„Ты—будь ничѣмъ!“

Что блескъ судьбы?.. Онъ былъ бы такъ несносенъ
Пѣвцу свободы, милой всѣмъ равно;
При видѣ крохъ богатства говорю я:
На этотъ хлѣбъ мнѣ права не дано!
Какой бѣднякъ, трудящійся до пота,
Не видящій порой и свѣта дня,
На эти крохи правъ неоспоримыхъ
Здѣсь не имѣетъ болѣе меня?!.
Прочь, ложный стыдъ! Нисколько не краснѣя,
Въ своей сумѣ пошарю я,—зачѣмъ,
Что самъ Творецъ сказалъ мнѣ въ день рожденья:
„Ты — будь ничѣмъ!“

Когда восторгъ глубокой вдохновенья
Меня возноситъ къ дальнимъ небесамъ,—
Я внизъ гляжу, мой взоръ не различаешь,
Гдѣ поданнымъ мѣста, гдѣ королямъ;

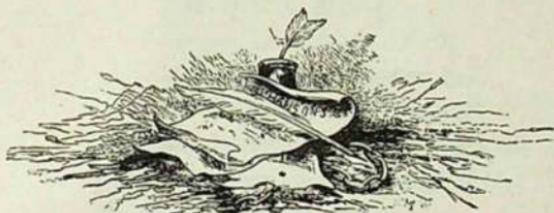
Солдаты могу я счесть за генераловъ
 И генераловъ за солдатъ принять...
 Мнѣ внятенъ гулъ какихъ-то ликованій, —
 Чьихъ, почему?—того мнѣ не понять...
 Я слышу имя, чье—ей-ей—не знаю...
 Великіе, чьей славы голосъ нѣмъ,—
 Самъ Богъ сказалъ мнѣ, міръ мнѣ открывая:
 „Ты—будь ничѣмъ!“.

Вы, лодманы страны родной, узнайте:
 Я шлю восторгъ свой доблестнымъ борцамъ,
 Жалѣющимъ о хижинѣ, вступая
 На тотъ корабль, что отданъ всѣмъ вѣтрамъ..
 Издалека любясь храбрецами,
 Я имъ кричу: „Счастливаго пути!“.
 И, отъ души молясь за ихъ успѣхи,
 Я думаю, что къ нимъ мнѣ не идти..
 Душою всѣмъ великимъ соревнуи,
 На берегу я сплю и пью, и ѣмъ...
 Создавъ меня, сказалъ мнѣ Кормчій міра:
 „Ты—будь ничѣмъ!“.

Сомнѣнья нѣтъ, надъ вами мавзолеи
 Поставятъ послѣ... Скоро въ сторонѣ
 Мой бѣдный холмикъ каждою весною
 Зазеленѣетъ... Счастливы я вполиѣ!..
 Одѣтый въ трауръ, весь народъ за вами
 Въ процессіи печальной побредетъ;
 Я—жду лишь дрогъ съ одной убогой клячей...
 Чего искать, звѣзда гдѣ упадетъ?!
 Не все-ль равно, что ваша, что мой приюты
 Послѣдніе?.. Въ могилы лечь намъ всѣмъ!..
 Мнѣ самъ Творецъ сказалъ надъ колыбелью:
 „Ты—будь ничѣмъ!“.

Итакъ, позвольте выдти изъ дворца мнѣ,—
 Величію принесъ я дань свою...
 Друзья, прощайте! Я за этой дверью
 Оставилъ лиру скромною мою...
 Пускай спѣшитъ подъ эти драпировки
 Свобода къ вамъ, не забывая насъ;
 Пускай она поддержкою вамъ будетъ

И въ добрый, и въ недобрый даже часы!
На улицѣ, въ толпѣ народной стану
Ей гимны пѣть — ко всѣмъ приманкамъ нѣмъ...
Самъ Богъ сказалъ мнѣ, въ жизнь меня пуская:
„Ты—будь ничѣмъ!“

ГОТТОНЪ.

Двѣ старухи зашентались;
Вельзевуль смѣяться радъ,—
На Готтонъ, служанкѣ бѣдной,
Дорогой надѣтъ нарядъ...

Глазки, щечки, губки!..
Тра-ла, тра-ла-ла!..
Это—дьяволъ въ юбкѣ!
Тра-ла, тра-ла-ла!..

Самъ баронъ нашъ сталъ игрушкой
Въ этихъ маленькихъ рукахъ...
Объ закладъ побьюсь: копыта
Скрыты въ крошкахъ-башмачкахъ!

Глазки, щечки, губки!..
Тра-ла, тра-ла-ла!..
Это—дьяволъ въ юбкѣ!
Тра-ла, тра-ла-ла!..

Прибрала къ рукамъ барона,
Очень счастлива Готтонъ,—
Хочетъ впрямь быть важной дамой,
Задавать всѣмъ свѣтскій тонъ ..

Глазки, щечки, губки!..
Тра-ла, тра-ла-ла!..
Это—дьяволъ въ юбкѣ!
Тра-ла, тра-ла-ла!..

Хоть отъ кухни до гостиной
Дологъ путь,—но что за страхъ?—
Добралась Готтонъ до цѣли,
Будетъ спать въ пуховикахъ. .

Глазки, щечки, губки!..
Тра-ла, тра-ла-ла!..
Это — дьяволь въ юбкѣ!
Тра-ла, тра-ла-ла!..

Ходятъ слуги и служанки
Всѣ на цыпочкахъ предъ ней,
Подаетъ въ кровать ей кофе
Лишь одинъ брюнетъ-лакей...
Глазки, щечки, губки!..
Тра-ла, тра-ла-ла!..
Это — дьяволь въ юбкѣ!
Тра-ла, тра-ла-ла!..

Въ замкѣ всѣмъ вертеть и всѣми;
Какъ дурачить всѣхъ, — эффект!..
Даже мэра назначаютъ
Лишь Готтонъ да субъ-префектъ...
Глазки, щечки, губки!..
Тра-ла, тра-ла-ла!..
Это — дьяволь въ юбкѣ!
Тра-ла, тра-ла-ла!..

Даже тонъ въ капеллѣ можетъ
Задавать всегда Готтонъ:
Былъ простой церковный служба
Ей въ кюрэ преобразонъ!..
Глазки, щечки, губки!..
Тра-ла, тра-ла-ла!..
Это — дьяволь въ юбкѣ!
Тра-ла, тра-ла-ла!..

Карнавалъ придетъ, — аббату
Молодому умъ вскружить,
Назоветъ его „плутишкой“,
Въ ардекина превратить...
Глазки, щечки, губки!..
Тра-ла, тра-ла-ла!..
Это — дьяволь въ юбкѣ!..
Тра-ла, тра-ла-ла!..

Мебель, лошади, наряды —
У Готтонъ, балы всегда;

Воздавать почетъ готовы
Ей большіе господа...

Глазки, щечки, губки!..

Тра-ла, тра-ла-ла!..

Это—дьяволь въ юбкѣ!

Тра-ла, тра-ла-ла!..

Вотъ тутъ Богу и молитесь!..
И богатство, и почетъ,
И покой, и наслажденья
Адъ присиѣшникамъ даетъ...

Глазки, щечки, губки!..

Тра-ла, тра-ла-ла!..

Это—дьяволь въ юбкѣ!

Тра-ла, тра-ла-ла!..

Колибри.

Какъ счастливъ я,
Мои друзья:
Я покорилъ весь адъ
И въ знакъ покорности его —
Бѣснокъ данъ мнѣ отъ него
Прелестнѣйшій въ закладъ...
Какъ муха-птица, онъ
Красивъ со всѣхъ сторонъ,—
У изголовья моего
Со мной весь день сидитъ,
Со мною ночью спитъ...
Колибри-крошка, ты
Живишь мои мечты,
Лелѣешь пѣнѣмъ слухъ...
Мой милый кроткій духъ,
Цари въ душѣ моей!
Цѣлуй меня скорѣй,
Колибри, добрый духъ!..

Нашъ миренъ сонъ,—
Проснется онъ,
Разбудитъ и меня;
Начнетъ такъ мило щебетать,
Вокругъ меня начнетъ порхать
На ясной зорькѣ дня...
Весь искрится, горитъ,
Весь золотомъ блеститъ,
Лучей его не сосчитать,
Лазурь и изумрудъ
На тѣлцѣ всемъ цвѣтутъ,—
Весь — какъ цвѣтокъ живой—
Рѣзвится предо мной,

Лелѣть пѣньемъ слухъ...
 Мой милый, кроткій духъ,
 Цари въ душѣ моей!
 Цѣлуй меня скорѣй,
 Колибри, добрый духъ!..

Отдамъ приказъ —
 Летить сейчасъ
 Немедленно къ тому,
 Кто просить помощи моей
 Среди страдающихъ людей, —
 По слову моему...
 Богатство и любовь,
 Все, все онъ можетъ вновь
 Вернуть по добротѣ своей. .
 Томлюсь ли жаждой я,
 Подносить онъ, друзья,
 Всегда, безъ зова, самъ
 Бокаль къ моимъ устамъ, —
 Лелѣть пѣньемъ слухъ...
 Мой милый, кроткій духъ,
 Цари въ душѣ моей!
 Цѣлуй меня скорѣй,
 Колибри, добрый духъ!..

Не счесть всего,
 Во власть его
 Чтò отдано не въ счетъ...
 Ему знакомы всѣ пути,
 Онъ можетъ мигомъ перейти
 Предѣлъ земель и водъ...
 На наши корабли
 Богатства всей земли
 Онъ можетъ вдругъ перенести...
 Голконды ли нужны
 Сынамъ родной страны
 Въ тѣ дни, когда она
 Страдать осуждена?..
 Лелѣй мнѣ пѣньемъ слухъ,
 Мой милый, кроткій духъ,
 Цари въ душѣ моей!
 Цѣлуй меня скорѣй,
 Колибри, добрый духъ!..

Я знаю — мнѣ
 Онъ могъ исполнѣ
 Преподнести вѣнецъ,
 Всѣ ордена, чины всѣ вразъ,
 Все, чѣмъ почетъ плѣняетъ насъ,
 Построить мнѣ дворецъ...
 Я не плѣняюсь тѣмъ, —
 Къ чему все то, зачѣмъ?..
 Не въ дружбѣ съ этимъ счастья часть!..
 Безъ свѣта, безъ любви
 Весь міръ тонулъ въ крови
 Отъ этихъ самыхъ благъ...
 Нѣтъ, я себѣ не врагъ, —
 Лелѣй мнѣ пѣньемъ слухъ,
 Мой милый, кроткій духъ,
 Цари въ душѣ моей!
 Цѣлуй меня скорѣй,
 Колибри, добрый духъ!..

Я у него
 Лишь одного
 Готовъ просить теперь:
 Простую кровлю надъ собой
 Да кубокъ съ влагой золотой,
 Да запертую дверь;
 Побольше — пѣсенъ, розъ,
 Поменьше — горькихъ слезъ...
 Вотъ весь предѣлъ желаній мой!..
 Что вижу?.. Наяву
 Въ земномъ раю живу, —
 Звенить жемчужный смѣхъ,
 Ты краше гурій всѣхъ..
 Лелѣй мнѣ пѣньемъ слухъ,
 Мой милый, кроткій духъ,
 Цари въ душѣ моей!
 Цѣлуй меня скорѣй,
 Колибри, добрый духъ!..

Эмиль Дебро.

(Пѣсня-объявленіе.)

Бѣдный Эмиль *)—онъ предъ нами мелькнулъ
Милой веселью, лучистою тѣнью;
Много блуждаетъ напѣвовъ его,
Отъ поколѣнья летя къ поколѣнью.
Въ области пѣсенъ веселыхъ царя,
Даль онъ шарманкамъ и хорамъ свободу;
Изъ кабачка въ кабачокъ шли за нимъ
Пѣсни любви къ бѣднягамъ и къ народу...

Онъ оставался ребенкомъ всегда;
Былъ легкомысленъ; довольствомъ забытый—
Онъ лишь смѣялся надъ тѣмъ, что течетъ
Жизнь, какъ вино въ щели бочки разбитой...
Смѣло освистывалъ онъ всѣхъ глушцовъ,
Всѣмъ фаворитамъ въ глаза онъ смѣялся,
Къ Лувру дороги и знать не хотѣлъ,
Другомъ для всѣхъ бѣдняковъ оставался...

Былъ онъ богатъ?—говорите вы мнѣ...
Нѣтъ, господа: жилъ въ мансардѣ убогой,
Платѣ поэта щадить не могло
Время—въ своей равномѣрности строгой;
Дровъ не хватало зимой въ очагѣ,
Искрились стекла окошка цвѣтами,—
Весь онъ дрожалъ, но спѣшили осушать
Бѣдности слезы своими стихами...

*) Эмиль Дебро—популярный французскій поэтъ, авторъ многихъ имѣвшихъ громадный успѣхъ пѣсенъ («Колонна», «Ты помнишь ли, солдатъ?», «Фанфанъ» и т. д.), † въ началѣ 1831 г.

Франція плакала, видя свой блескъ
 Меркнувшимъ съ блескомъ оружія въ спорѣ...
 Голосъ Эмиля тогда вызывалъ
 Отъликъ исторіи въ пѣсняхъ свободныхъ:
 Слава былого жила въ кабачкахъ,
 Тѣни героевъ—въ преданьяхъ народныхъ!..

Въ сумракъ могилы сошелъ молодымъ,—
 Старый—его провожалъ я угрюмо;
 Изъ кабачка долетѣлъ къ намъ напѣвъ
 Пьяницъ какихъ-то средь гула и шума...
 Пѣсни Эмиля я сразу узналъ,—
 Долго имъ быть суждено молодыми!
 Могутъ ли спорить дары королей
 Въ бѣдномъ народѣ съ дарами такими?!

Вы, богачи и великіе дня,
 Хоть нищету для семьи облегчите:
 Сборникъ Эмиля кушите,—ему
 Ради талавта небрежность простите!
 Неблагодарны не будьте пѣвцамъ,—
 Мы облегчаемъ страдальцамъ невзгоду...
 Чтобы довольнымъ быть горькой судьбой,
 Пѣсни Дебро—всѣхъ нужнѣе народу!..

Пословица.

Аленъ былъ нѣкогда въ принцессу
Влюбленъ; но—какъ тутъ ни дивись—
Онъ былъ простымъ оруженосцемъ,—
Какъ съ мужикомъ съ нимъ обошлись...
Была статсъ-дама у принцессы,—
Предъ отцвѣтающимъ цвѣткомъ
Аленъ разсыпался въ признаньяхъ,—
Съ нимъ обошлись, какъ съ мужикомъ...

Была у дамы компаньонка,
Душой стремившаяся въ высь;
И здѣсь—не выгорѣло дѣло,
Какъ съ мужикомъ съ нимъ обошлись...
У компаньонкиной субретки
Аленъ другой нашелъ приемъ,—
Она дивилась, какъ съ нимъ можно
Такъ обойтись, какъ съ мужикомъ!..

Про то узнала компаньонка,—
Алена шансы поднялись;
За компаньонкою—статсъ-дама:
Съ нимъ, какъ съ барономъ, обошлись...
Принцесса гордость позабыла,
Аленъ сталъ близко съ ней знакомъ..
Прощай, пословица былая:
„Съ нимъ обошлись, какъ съ мужикомъ!“.

Блуждающіе огни.

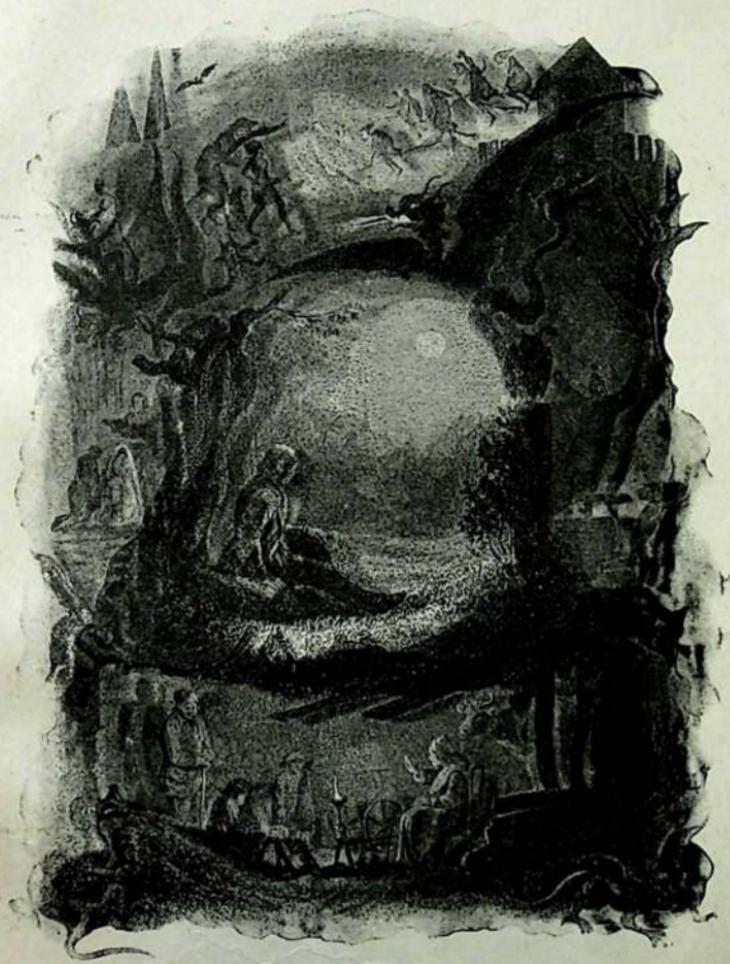
Лѣтняя ночь!.. И просторъ, и покой!..
Чистое небо, цвѣтовъ аромать!..
Дѣтство мое вы плѣняли собой,
Осени дней украшайте закатъ!..
Какъ хорошо мнѣ, усталому, здѣсь,—
Все мнѣ рисуется далекіе дни,
Все — кругозоръ очарованный весь,
Даже болотные эти огни...
Въ дѣтскіе годы ихъ пляска, ихъ свѣтъ
Въ бѣгство меня обратить бы могли:
Страхъ мой исчезъ за туманами лѣтъ,
Сладость невѣдѣнья скрылась вдали...
Танцуйте, огоньки,
Танцуйте, танцуйте, танцуйте,
Танцуйте, огоньки!..

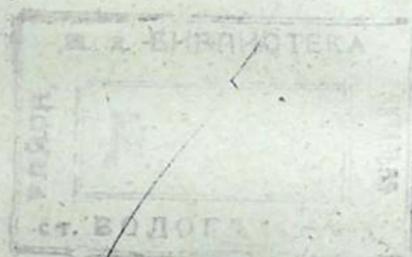
Помню—въ тиши вечеровъ я слыхалъ
Много разказовъ объ этихъ огняхъ,
Злыми ихъ людъ деревенскій считалъ,
Въ дѣтское сердце вселяя къ нимъ страхъ...
Слышалъ я—имъ охранять суждено
Клады въ глуши безпредѣльныхъ полей,
Вѣрилъ во все, что разсудку темно—
Въ тайныя силы духовъ и тѣней...
Видѣлъ драконовъ въ расщелинахъ горъ,
Видѣлъ я башни надъ прахомъ руинъ,
Видѣлъ—чего не увидитъ мой взоръ
Въ возрастъ, согбенный подъ ношей годивъ...
Танцуйте, огоньки,
Танцуйте, танцуйте, танцуйте,
Танцуйте, огоньки!..

Лѣтъ десяти заблудился я разъ
 Вечеромъ позднимъ, вдругъ вижу — блеснулъ
 Свѣтъ вдалекѣ и мгновенно погасъ,
 Снова зажегся — меня обманулъ:
 Это — у крестной въ окнѣ огонекъ! —
 Мысль промелькнула, — скорѣе — туда,
 Ждетъ меня тамъ не дождется пирогъ!..
 И — на него побѣжалъ я тогда...
 „Стой! — закричалъ мнѣ пастухъ, — погоди..
 Свѣтитъ онъ пляскѣ толпы мертвецовъ“...
 Замерло сердце мгновенно въ груди,
 Я умереть былъ отъ страха готовъ...
 Танцуйте, огоньки,
 Танцуйте, танцуйте, танцуйте,
 Танцуйте, огоньки!..

Юношей былъ я, шестнадцати лѣтъ, —
 Тотъ же блеснулъ огонекъ предо мной
 Тамъ — гдѣ сложилъ свой почтенный скелетъ
 Старый кюрэ подъ могильной плитой, —
 Вдругъ мнѣ почудилось — онъ говорить:
 „Буду молиться за васъ!“ Я вскричалъ:
 „Ты черезчуръ о себѣ возмечталъ!
 Душу мою Вседержитель хранитъ!“...
 Страшно мнѣ было въ тотъ вечеръ вдвойнѣ —
 Гнѣва природы и гнѣва Небесъ:
 Вѣрилъ я всею душою вполнѣ
 Міру загробному, міру чудесъ...
 Танцуйте, огоньки,
 Танцуйте, танцуйте, танцуйте,
 Танцуйте, огоньки!..

Первой любовью я Розу любилъ...
 Только немножко бы золота намъ, —
 Всѣ бы желанія я воплотилъ
 Въ эту любовь, какъ въ божественный храмъ!
 Вдругъ предо мною — мерцанье огней:
 Къ кладу завѣтному пусть поведутъ!..
 Слѣдомъ за ними — скорѣе, скорѣй
 Я побѣжалъ и попалъ прямо въ прудъ...
 „Что-жь надъ паденьемъ смѣялись твоимъ?“
 Слышу вопросъ я. Нисколько, о нѣтъ!

Только вот счастлива Роза съ другимъ,
 Миѣ-жь до сихъ поръ тотъ все чудится свѣтъ!..

Танцуйте, огоньки,
 Танцуйте, танцуйте, танцуйте,
 Танцуйте, огоньки!..

Ранѣ времени я постарѣлъ,
 Душу свою заблужденій лишивъ...
 Видите, какъ посѣдѣтъ я успѣлъ,
 Голову бурямъ житейскимъ открывъ...
 Мудрость меня научила всему,
 Но восхищался я больше зарей,
 Вѣря лишь взору очей своему,
 Не нарушая науки покой...
 Знанія факель всѣхъ сильфовъ изгналъ,—
 Сильфы баюкали сердце неразъ...
 Ахъ, еслибъ снова ребенкомъ я сталъ!
 Если бы снова боялся я васъ!..

Танцуйте, огоньки,
 Танцуйте, танцуйте, танцуйте,
 Танцуйте, огоньки!..

„Поспѣшимъ!“

Ахъ, еслибъ былъ я молодецъ и отваженъ,—
Какъ истинный гусаръ бы я леталъ
На скакунѣ, крутя усы, и грозно
Въ пылу сраженій саблею сверкалъ...
Ну, ну, мой конь, лети туда скорѣе,
Гдѣ борится на жизнь и смерть народъ!
Пусть нашимъ трусамъ жалкимъ станетъ стыдно!..
Впередъ, мой конь! Спѣшимъ! Впередъ, впередъ!..
Тамъ—слава ждетъ!..

Да, еслибъ я былъ молодецъ и любимъ былъ
Красавицей, прелестнѣйшимъ цвѣткомъ,—
Сказалъ бы я: „Сударыня, со мною
Садитесь вмѣстѣ на коня вдвоемъ!
Геройству древнихъ женщинъ подражайте—
Продайте украшенія скорѣй!
На коршю отдайте простыни вы!..
Кровь льется тамъ къ подножью алтарей...
Туда—смѣлѣй!“

О, если я имѣлъ бы миллионы,—
Сказалъ бы я героямъ и борцамъ:
„Подкупите продажныхъ дипломатовъ!
Устроимъ смотръ, блестящій смотръ войскамъ...
Попагрю болящая Европа,
Едва сама держась на костыляхъ,
Не вѣрить добродѣтели въ лохмотьяхъ...
Мишурный блескъ цѣннѣй въ ея глазахъ...
Внушимъ ей страхъ!“

А если бы я королемъ могучимъ
Былъ гдѣ-нибудь, хоть на краю земли,—

Направилъ бы я къ Зунду и къ Босфору
 Снабженные громами корабли;
 Я разбудилъ бы сонный полумѣсяцъ,
 Кровь викинговъ норманнскихъ бы согрѣлъ;
 Достигъ бы скипетръ мой предѣловъ міра,
 Мой гимнь побѣды всюду бы гремѣлъ...
 Могучь—кто смѣлъ!..

Ахъ, еслибъ день одинъ лишь былъ я Богомъ,
 Къ Которому молитву храбрецовъ
 Несетъ ихъ кровь,—щитомъ своимъ прикрылъ бы
 Я доблестныхъ героевъ и борцовъ;
 Моя любовь всѣхъ ихъ благословляла-бъ,
 Въ открытый бой повелъ бы я ихъ самъ,
 Я весь бы путь ихъ лаврами усѣялъ,
 Я-бъ имъ открылъ дорогу къ чудесамъ...
 Спишимъ—къ борцамъ!..

Да, поспѣшимъ!.. Но, Боже мой великій,
 Я не могу ихъ облечить судьбу!..
 О, Царь Небесъ, Отецъ свободы свѣтлой,
 Будь ихъ щитомъ, услышь мою мольбу!..
 Единая Опора правды міра,
 Пусть голосъ мой къ возмездію зоветь!
 Пусть трубнымъ гласомъ прогремитъ онъ славу
 Тебѣ, свободы жаждущій народъ!..
 Впередъ! Впередъ!

Публичный писецъ *).

Дѣти.

Сударь, пусть, вмѣсто насъ, въ честь добрѣйшаго Жака
Наши мысли всѣ выскажетъ ваше перо!

Писецъ.

Я готовъ восхвалять его. Бѣднымъ поддержкой
Былъ всегда онъ... Люблю воспѣвать я добро...
Я скажу, что остался въ богатствѣ свободенъ
Онъ отъ всѣхъ обольщеній тлетворной волны...

Дѣти.

Нѣтъ, вы лучше о нашей любви къ нему спойте,—
Дѣти вовсе не такъ, какъ вы сами, умны!

Писецъ.

Говоря о немъ, можно прославить богатство,—
Пусть оно слишкомъ многимъ на свѣтѣ вредно,—

*) Куплеты на именины г-ну Жаку Лафиту отъ дѣтей, просившихъ у него помощи.

Деньги Жака — плоды многолѣтней работы,
 Не запачкать имъ, другъ никому все равно;
 Иногда и у насъ благоденствуетъ честность,
 Улыбаются небо талантамъ страны...

Дѣти.

Нѣтъ, вы лучше о нашемъ отцѣ вспомните, —
 Дѣти вовсе не такъ, какъ вы сами, умны!

Писецъ.

Я хочу вызвать образъ его на трибунѣ,
 Гдѣ далъ голосъ его свѣтлой мысли полеть...
 Онъ отважно бралъ общества честь подъ защиту,
 Помогая другимъ — забывалъ всякій счетъ...
 Показалъ онъ намъ родины нашей богатства,
 Чтò изсякнуть по прихоти властной должны...

Дѣти.

Лучше нашу больную вы мать обрисуйте, —
 Дѣти вовсе не такъ, какъ вы сами, умны!

Писецъ.

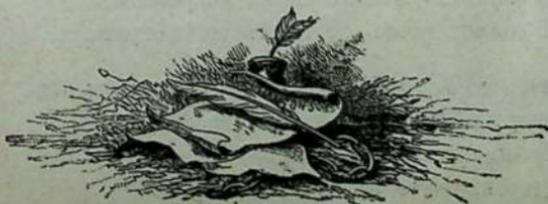
Клевету я хочу передъ нимъ обезславить:
 Добродѣтели ядъ клеветы не шадить...
 Но и зеркало, все потускнѣвъ отъ дыханья,
 Черезъ мгновенье снова, какъ прежде, блестить...
 Пусть узналъ онъ предательство глупости лживой, —
 Лавры снова цвѣтутъ — обаянья полны...

Дѣти.

Что надежда въ немъ наша, вы лучше скажите, —
 Дѣти вовсе не такъ, какъ вы сами, умны!..

Писецъ.

Дѣти, бѣдныя дѣти, я знаю, что нужно
 Жака вашей опорой единой назвать,
 Что вы просите впредь милосерднаго Бога
 Всѣ житейскія блага ему посылать...
 Чтобы чистыя эти принести пожеланья,
 Вамъ открыть къ нему двери еще вѣдь должны;
 Черезъ замочныя скважины крупные люди
 Проникаютъ, но дѣти — не такъ вѣдь умны!..

Шатобриану.

Шатобрианъ, зачѣмъ, зачѣмъ бѣжишь ты
Отъ родины, отъ всѣхъ ея невзгодъ?
Вѣдь Франціи сіяющему небу
Прекраснѣйшей изъ звѣздъ недостаетъ!..

Какъ мать, страна родная восклицаетъ:
„Гдѣ сынъ мой? Гдѣ судьбу свою влачить?!“.
Ставь, какъ Гомеръ, и немощенъ, и бѣденъ—
У чуждаго порога онъ стучить!..

Изгнанника—Америка вернула
Его намъ послѣ долгихъ смутныхъ лѣтъ,—
Богатаго невянущею славой,—
Онъ, какъ Колумбъ, далъ мысли Новый Свѣтъ...

Элады древней пилигримъ великій,
Воспѣвшій славу вѣчности святой,—
Онъ видѣлъ всѣхъ колѣнопреклоненныхъ
Передъ его святыни красотой...

Когда опять онъ долженъ былъ покинуть
Страну родную,—гдѣ ни проходилъ
Онъ по руинамъ царствъ иноплеменныхъ,—
Вездѣ слѣды французовъ находилъ...

То были дни исторіи всемірной,—
Народовъ ужасъ—мечъ вождя блисталъ
Въ лучахъ свѣтила славы искрометной
И солнца свѣтъ на всѣхъ насъ отражалъ.

Заслышавъ твой волшебный, мощный голосъ,
Впервые мысль зардѣлася во мнѣ...
Прими сегодня, путникъ утомленный,
Глотокъ воды въ далекой сторонѣ!

Шатобрианъ, зачѣмъ, зачѣмъ бѣжишь ты
Отъ родины, отъ всѣхъ ея невзгодъ?
Вѣдь Франціи сіяющему небу
Прекраснѣйшей изъ звѣздъ недостаетъ!..

Когда подъ знамя Франціи вернулась
Семья французскихъ старыхъ королей,
Надѣялся онъ въ дочери Гурбонамъ
Свободу взять,—хоть предковъ нѣтъ у ней...

Онъ милостыней щедрой краснорѣчья
Поддерживалъ честь дома ихъ всего:
Живыхъ цвѣтовъ отваги вдохновенной
Онъ не жалѣлъ для торжества его...

Но позабытъ не могъ онъ правъ народа...
Нашлись безумцы: „Ясенъ небосклонъ,—
Они сказали.— Факель днемъ не нуженъ!“
И— снова онъ въ изгнанье осужденъ...

И ты хотѣлъ быть съ ними въ ихъ паденьи?!
Безумье ихъ позорно и смѣшно,
Твою любовь, твою святую вѣрность
На степень зла низводитъ всю оно!..

Слѣши назадъ, иди опять къ народу,—
Онъ человѣченъ, онъ таланты чтить,
Онъ—увѣнчавъ себя побѣдой новой.
Тебя въ душѣ, какъ свой цароль, хранить!..

Служи ему, ему лишь одному, ты!..
Вернись къ нему!.. Онъ вѣритъ въ день чудесъ;
Онъ святъ въ страданьи; каждый геній жизни
Былъ для него посланникомъ Небесъ...

Шатобрианъ, зачѣмъ, зачѣмъ бѣжишь ты
Отъ родины, отъ всѣхъ ея невзгодъ?
Вѣдь Франціи сіяющему небу
Прекраснѣйшей изъ звѣздъ недостаетъ!..

Отказъ.

Одинъ министръ обогатить
Меня задумалъ, и при этомъ
Душой нисколько покривить
Мнѣ не придется передъ свѣтомъ...
Мнѣ много-ль надо самому?—
Но чуть столкнусь я съ меньшимъ братомъ,—
Сейчасъ почувствую, пойму,
Что я родился быть богатымъ!..

Съ больнымъ и бѣднымъ раздѣлить
Нельзя ни чина, ни почета,—
Есть деньги—можно облегчить
Его судьбу,—была-бъ охота!..
Друзья, да здравствуетъ металлъ!
Даю вамъ слово, что корону,—
Когда-бъ на тронѣ возсѣдалъ,—
Я заложилъ бы Гарпагону!..

Едва ко мнѣ перепадетъ
Порой деньжонокъ мало-мало,
Сейчасъ же мигомъ все уйдетъ,
Какъ-будто вовсе не бывало...
Капиталистомъ мнѣ не быть,—
Вѣдь для того необходимо
Сперва карманы починить,
Чтобъ не просыпать деньги мимо...

Однако, другъ мой, лучше вы
Оставьте золото все съ вами!..
Еще въ дни юности, увы,
Женился я на строгой дамѣ:
Свобода—имя дамѣ той...

Пѣвецъ красавицъ всѣхъ веселыхъ,
 Я очутился съ простотой
 Самъ въ обстоятельствахъ тяжелыхъ...

Моя супруга, монсиньоръ,
 Совсѣмъ помѣшана на чести;
 Она, потушивъ скромно взоръ,
 Ни въ чемъ, пигдѣ не терпитъ лести..
 Ей все равно — блеститъ салонъ,
 Лежитъ ли улица предъ нею,
 Чуть гдѣ слышится льстивый тонъ,
 Сейчасъ кричитъ: „Долой ливрею!“

И то сказать — зачѣмъ платить
 Свободной музѣ и правдивой;
 Вѣдь все равно ей вѣкъ дожить,
 Какъ и была, вольнолюбивой!..
 Я — только „су“! Нѣтъ горя въ томъ,
 Что оцѣненъ цѣною этой;
 Посеребрить меня тайкомъ —
 Я сталъ фальшивою монетой!..

Зачѣмъ меня обогащать?..
 Вѣдь я — преробкое созданье,
 Меня могло бы напугать
 Такое странное желанье..
 Всегда я первый выдамъ васъ,
 Чуть всколыхнется подозрѣнье;
 Коснитесь сердца, — каждый разъ
 Разбудить лиру вдохновенье!..

Реставрація и пѣсня.

Да, пѣсня, я—народъ любя—
Сказаль не безъ резона,
Что вмѣстѣ съ Карломъ и тебя
Французы свергли съ трона!
Но каждый новый нашъ законъ
Былъ рабства новымъ правомъ...
Взойди же, пѣсня, вновь на тронъ!
Спасибо, господа, вамъ!..

Я полагаль, что возведуть,
По славному примѣру,
Всѣ въ идеаль свободный трудъ,
И мысль расширить сферу...
Но нѣтъ!.. Иной повсюду тонъ
Замѣтить всѣ могли бы...
Взойди же, пѣсня, вновь на тронъ!
Вамъ, господа, спасибо!..

Стоить у насъ съ декабрьскихъ дней
Палата за Палату,
Желая стойкостью своей
Себѣ повысить плату;
Ей удалось убѣдить
Себя въ своихъ заслугахъ...
Пора и пѣснѣ вновь царить,
Безъ мысли о недугахъ!..

Спасенье славы всей страны
Лишь въ томъ, чтобъ—слава роздыхъ—
Титулоносцы-кашлупы *)

*) Въ то время шла рѣчь о сохраненіи наслѣдственности для членовъ палаты пэровъ.

Сидѣть остались въ гнѣздахъ...
 Птенцы, которыхъ дастъ имъ Богъ,
 Отъ нихъ права всѣ примуть,—
 Подслушавъ пѣсни каждый вздохъ,
 Вѣнца съ нея не снимуть...

Народной гвардіи—хвала,
 Въ ней пьедесталь закона;
 Она порядокъ создала,
 Въ ней—правъ всѣхъ оборона;
 Ей кое-кто на высотѣ
 Весьма обезпокоенъ...
 Пѣвецъ, за пѣсни красотѣ
 Короны ты достоинъ!..

О, солнце Гента, не тебѣ
 Свѣтить борцамъ іюля,—
 Имъ не покорствовать судьбѣ,
 Удачу карауля!..
 Прочь доктринерски-тусклый свѣтъ,
 Свѣтъ, затемненный дымкой!
 Ты, пѣснь, на тровѣ славнѣйшихъ лѣтъ
 Взойди хоть невидимкой!..

Министры наши... Кто изъ нихъ
 Въ судьбѣ не сомнѣвался,
 Когда барометръ дней былыхъ
 Немного колебался?..
 Чуть грянетъ громъ, хотя вдали,—
 Всѣ примутся креститься...
 Какъ пѣснѣ, странницѣ земли,
 Средь нихъ не воцариться?!

Немало есть вельможъ-глупцовъ,—
 Чтобъ въ милости остаться,
 Они и явныхъ подлецовъ
 Лишить ихъ мѣсть боятся...
 Они не тронуть никого,
 Лишь имъ бы не мѣшали...
 И пѣснь народа своего
 Они-бъ не развѣнчали!

Да, реставрація опять
 Для пѣсни наступила...

Тебѣ-ль трехцвѣтный шарфъ скрывать? --
Ливрей ты не носила...
Не бойся, —болѣе въ тюрьмѣ
Намъ не смягчаться правомъ...
Взойди на тронъ, сіяй во тьмѣ!
Спасибо, господа, вамъ!..

Однако, отдыхъ лирѣ дай
Усталого поэта:
Монхъ соперниковъ встрѣчай
Улыбкою привѣта!
Тамъ заглушить искусства розъ
Заботы не могли бы,—
Надѣнь корону царства грезъ!
Спасибо, всѣмъ спасибо!..

Воспоминанія дѣтства.

Мѣста, гдѣ ты меня баюкала, надежда,—
Я снова вижу ихъ... Хотя мнѣ за пятьдесятъ,
Въ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ молодѣешь,—
Они душѣ несутъ весенній аромать...

Привѣтъ всѣмъ вамъ, друзья дней юности далекой!
Благословеніе любовь моя вамъ шлетъ,
Кто пріютилъ меня въ годину ранней бури,
Кто осѣнилъ мой путь крыломъ своихъ заботъ!..

Хочу я видѣть все—и даже ту каморку,
Гдѣ надъ дѣтми царилъ почтенный педагогъ,
Который поучалъ насъ съ гордостью наивной
Тому, чего и самъ взять въ толкъ себѣ не могъ...

Увы,—еще тогда я къ лѣности былъ склоненъ,
Но рисовалъ себѣ рядъ призрачныхъ картинъ;
Я даже въ ремеслѣ считалъ себя талантомъ
И думалъ, что во мнѣ сидитъ второй Франклинъ...

Все это было въ тотъ счастливейшій всѣхъ возрастъ,
Когда заря любви едва начнетъ всходить
И утро ясное вѣнчаетъ насъ цвѣтами,
И дружба нѣжная начнетъ впередъ манить...

Мѣста, гдѣ ты меня баюкала, надежда,—
Я снова вижу ихъ... Хотя мнѣ за пятьдесятъ,
Въ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ молодѣешь,—
Они душѣ несутъ весенній аромать...

Среди вотъ этихъ стѣнъ во время поражений
Громъ пушекъ вражескихъ впервые услышалъ

И—пѣснямъ праздничнымъ разсѣянно внимаю—
Я имя родины впервые повторялъ...

Съ душой безоблачной, мечтами окрыленной,
Виталь я въ небесахъ фантазіей своей;
Здѣсь молнія небесъ случайно приучила*)
Меня сносить легко перуны королей...

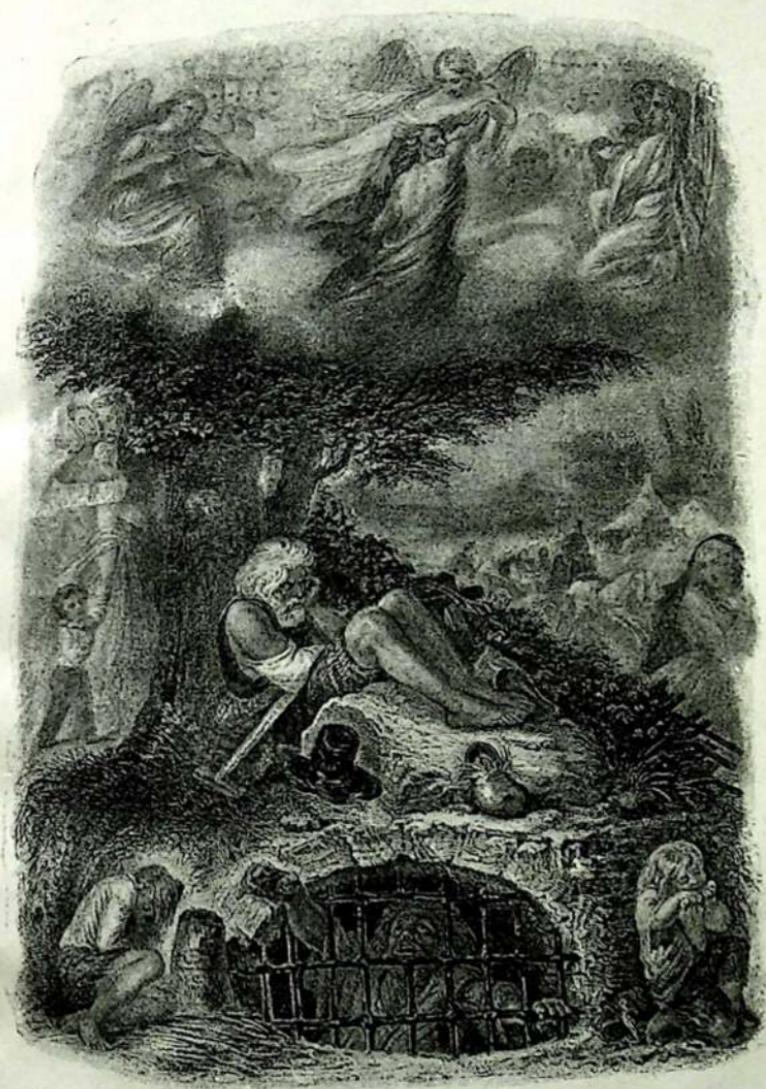
Подъ скромной кровлею вооружился разумъ
И дерзостно вступилъ съ судьбою въ грозный бой;
Надъ славою теперъ смѣется онъ, надъ дымомъ—
Такъ много въ мѣрѣ слезъ принесшимъ всѣмъ собой...

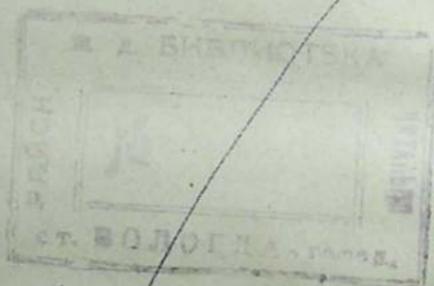
Родные, близкіе, свидѣтели были
Зорь утреннихъ моихъ, моихъ весеннихъ лѣтъ!
Мила мнѣ колыбель безоблачнаго дѣтства,
Хотя баюкавшей меня давно ужъ нѣтъ...

Мѣста, гдѣ ты меня баюкала, надежда,—
Я снова вижу ихъ... Хоть мнѣ за пятьдесятъ,
Въ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ молодѣешь,—
Они душѣ несутъ весенній ароматъ..

* См. стихотвореніе «Портной и фея», въ... томѣ

Ползущій по грязи червякъ...
Какъ братьевъ, васъ любилъ тогда-бъ я,
И оставаясь бѣднякомъ;
Бродяга старый—умираю
Я вашимъ искреннимъ врагомъ!

Жителямъ острова св. Маврикія.

Какъ! Ваше эхо пѣсцямъ нашимъ вторить!..
О, маврикійцы,—все еще они
Французами донинѣ остаются,
Какъ предки ихъ въ давно былые дни..
На крыльяхъ бури долетѣлъ ихъ голосъ
Изъ той страны, откуда солнце къ намъ
Ведетъ заря.. Всего отраднѣй сердцу
Внимать такимъ далекимъ голосамъ!

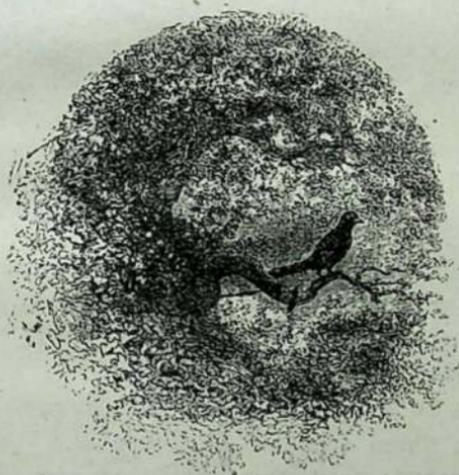
Такъ, значить, пѣсни молодости вольной
Свершили къ вамъ далекій путь такой!
Отъ береговъ Маврикія ихъ откликъ
Плыветъ ко мнѣ шумливою волной..
Хоть сталъ я старѣ, хоть сталъ благоразумень,
Но мнѣ свободнѣй стало вновь дышать:
Изъ откликовъ, до сердца долетавшихъ,
Такимъ далекимъ слаще всѣхъ внимать!

Мнѣ говорили—на прибрежьи Ганга
Изгнанники французскихъ береговъ
Свою тоску баюкали напѣвомъ
Моимъ весельемъ вызванныхъ стиховъ..
Пусть и теперь моя подруга-муза
Печали ваши, братья, утолитъ!
Мнѣ радостнѣй всего тотъ откликъ слышать,
Издалека который долетитъ...

И если вновь моимъ придется пѣснямъ
Отправиться въ такой же дальній путь,
Примите этихъ ласточекъ-рѣзвучекъ,
Имъ у себя позвольте отдохнуть!..

Ихъ встрѣйте такъ, какъ добрый сынъ встрѣчаетъ
Въ чужбинѣ вѣсть о матери своей,—
Вѣдь вѣсть такая рѣдкая отраднѣй
Всѣхъ самыхъ лучшихъ радостныхъ вѣстей...

Любовь свою вы сами прославляйте!
Богъ слиться дастъ вновь нашимъ голосамъ;
Отъ сердца къ сердцу пусть они стремятся
По чуждымъ имъ кочующимъ волнамъ!
Но пойте, братья, только по-французски,
Чтобъ мы могли другъ другу отвѣчать...
Изъ откликовъ на искреннее слово
Такіе—всѣхъ отраднѣе встрѣчать!..

Пятьдесятъ лѣтъ.

Къ чему цвѣты? Вѣдь я не именинникъ!..
 Ахъ, да, букетъ вашъ возвѣщаетъ мнѣ,
 Что надъ моею сегодня головою
 Полвѣка ходъ закончило вполнѣ...
 Какъ быстро мчатся наши дни земные,
 Какъ много я мгновений потерялъ!..
 О, сколько же морщинъ неоспоримыхъ
 Я на лицѣ сегодня насчиталъ!..

Нѣтъ, не вернуть былого мнѣ назадъ!
 Мнѣ стукнуло сегодня пятьдесятъ!..

Въ такіе годы все отъ насъ уходитъ,
 Все ускользаетъ; засыхаетъ плодъ
 На деревѣ съ поблекшею листвою,
 Вотъ-вотъ сейчасъ онъ съ вѣтки упадетъ...
 Но кто-жь стучится въ дверь ко мнѣ? Напрасно!
 Не отворю; роль кончена моя!..

Держу пари—то докторъ, гость незванный;
 Сказаль бы прежде: „То Лизета!“, я...
 Нѣтъ, не вернуть былого мнѣ назадъ:
 Мнѣ стукнуло сегодня пятьдесятъ!..

Богата старость всякою болѣзною!
 Подагра злая тяжко мучить насъ,
 Слабѣть зрѣнье съ каждымъ новымъ годомъ,
 Надъ глухотой смѣются всѣ подчасъ...
 Пустою лампой разумъ потухаетъ,
 Въ дрожащихъ вспышкахъ тлѣть мышлей пить...
 Вы сами, дѣти, будете отцами,—
 Должны вы свято старость нашу чтить!..
 Нѣтъ, не вернуть былого мнѣ назадъ:
 Мнѣ стукнуло сегодня пятьдесятъ!..

О, небо! Слышу—смерть ко мнѣ подходитъ
 И потираетъ руки вшопыхахъ;
 Стучится въ дверь мою гробоконатель...
 Прощайте, люди!.. Все здѣсь—тлѣнь и прахъ!..
 Внизу—борьба, война, чума и голодъ;
 А тамъ, вверху—блестять, плеяды звѣздъ...
 Открою дверь... Богъ донести поможетъ
 На небеса поэта тяжкій крестъ...
 Нѣтъ, не вернуть былого мнѣ назадъ:
 Мнѣ стукнуло сегодня пятьдесятъ!..

Ахъ, это вы?.. Вы—юная подруга,
 Сестра любви, наперсница страстей?!
 Вы пробудить мою хотите душу,
 Стряхнуть съ нея кошмаръ недавнихъ дней...
 Повсюду розы юности цвѣтущей
 Вы, какъ весна, хотите разсыпать?..
 Ихъ ароматъ всѣ грезы воскрешаетъ,—
 Нѣтъ, не хочу еще я умирать!..
 Ахъ, не вернуть блаженства дней назадъ:
 Увы, увы—вѣдь мнѣ ужъ пятьдесятъ!..

Ж а к ъ.

Жакъ, просынайся! Скорѣе, дружокъ!..
Приставъ пріѣхалъ въ деревню неожиданно,
Изъ дома въ домъ ходитъ онъ неустанно,
Требуя новый какой-то налогъ...

Вставай, мой Жакъ!

Вставай, бѣднякъ!

Сейчасъ онъ къ намъ направитъ шагъ...

Ты посмотри—разсвѣло вѣдь совсѣмъ...
Спалъ ли такъ долго и крѣпко когда ты?..
Вотъ у сосѣда Реми все изъ хаты
Взялъ подъ арестъ онъ—на просьбы всѣ нѣмъ...

Вставай, мой Жакъ!

Вставай, бѣднякъ!

Сейчасъ онъ къ намъ направитъ шагъ...

Су одного намъ ему не отдать...
Смилуйся, Боже великій, надъ нами!..
Встань, объ отсрочкѣ проси со слезами!..
Ахъ, если могъ бы король подождать!..

Вставай, мой Жакъ!

Вставай, бѣднякъ!

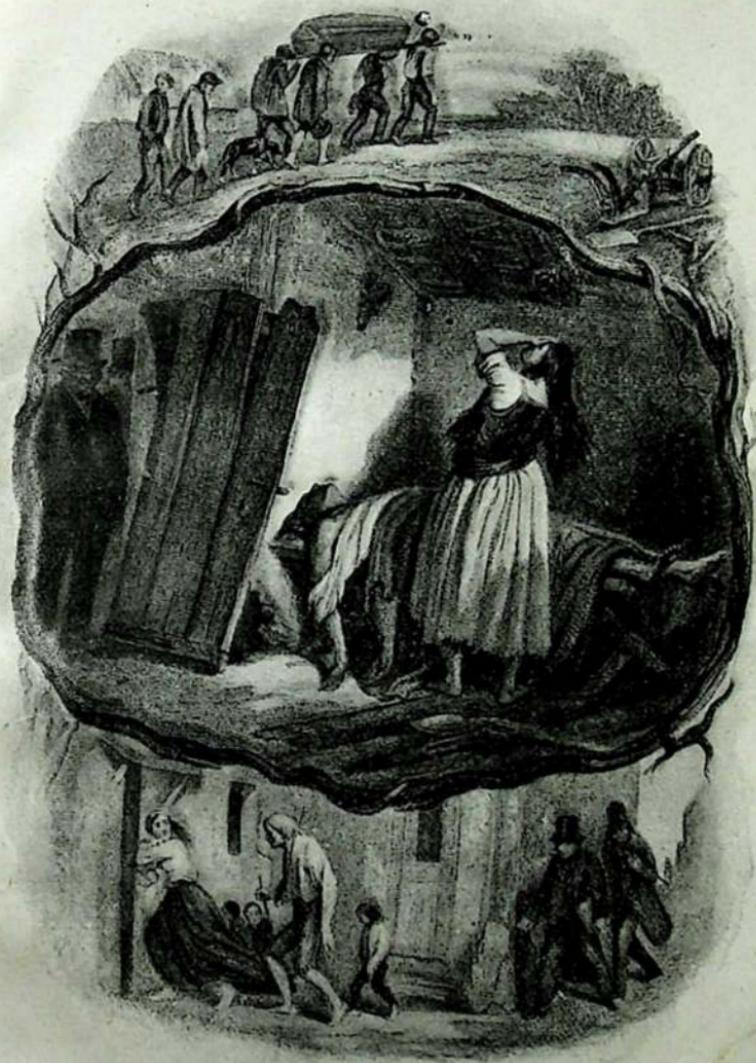
Сейчасъ онъ къ намъ направитъ шагъ...

Подати насъ разоряютъ вконецъ...
Видно, богатому бѣдныхъ не жалко!..
Что у насъ есть? Лишь лопата да прялка,
Шесть малышей да старикъ—твой отецъ...

Вставай, мой Жакъ!

Вставай, бѣднякъ!

Сейчасъ онъ къ намъ направитъ шагъ...

Есть за лачугой землицы клочекъ;
 Намъ нищета лишь ее удобряетъ,
 Съѣтъ хлѣбъ горе, а жатву снимаетъ
 Злой ростовщикъ... Чѣмъ уплатишь налогъ?..

Вставай, мой Жакъ!

Вставай, бѣднякъ!

Сейчасъ онъ къ намъ направить шагъ...

Трудишься-трудишься, прибыли нѣтъ;
 Все дорожаетъ вдвойнѣ годъ-отъ-года,
 Даже и соль—этотъ сахаръ народа...
 Боже, когда же Ты дашь намъ просвѣтъ?

Вставай, мой Жакъ!

Вставай, бѣднякъ!

Сейчасъ онъ къ намъ направить шагъ...

Слабъ ты... Вино бы могло поддержать
 Силы твои въ нашей жизни унылой...
 Дамъ я кольцо обручальное, милый,—
 Можно его за безцѣнокъ продать...

Вставай, мой Жакъ!

Вставай, бѣднякъ!

Сейчасъ онъ къ намъ направить шагъ...

Спишь ты; не видишь ли въ сладостныхъ снахъ,
 Что даровали богатство намъ боги?
 Что для богатыхъ всѣ эти налоги?..
 Нѣсколько лишнихъ мышей въ закромахъ!..

Вставай, мой Жакъ!

Вставай, бѣднякъ!

Сейчасъ онъ къ намъ направить шагъ...

Боже великій!.. Да что же съ тобой?
 Что-жъ означаетъ такое молчанье?..
 Ты говорилъ все вчера про страданье,
 Молча страдавшій такъ долго со мной...

Вставай, мой Жакъ!

Вставай, бѣднякъ!

Сейчасъ онъ къ намъ направить шагъ...

Бѣдный страдалецъ—онъ счастливъ вполне:
 Больше ему ничего и не надо...

Смерть, ты за жизнь трудовую—награда!
Добрые люди помогутъ женѣ...
 Спи крѣпко, Жакъ!
 Спи, братъ-бѣднякъ!
Пусть приставъ къ вамъ направитъ шагъ!..

Орангутанги.

Хотите вы Эзопу вѣрить,
Такъ были времена, когда
Орангутанги говорили,
Какъ мы всё съ вами, господа.
Отъ нихъ пошли въ ходъ адвокаты
Въ юриспруденціи у насъ,—
Не знаю—въ добрый, иль въ недобрый,
Иль просто въ безразличный часъ...
Одинъ изъ нихъ своей однажды
Аудиторіи сказалъ:
„Вѣдь человѣкъ всегда на свѣтѣ
Орангутангамъ подражалъ!

„Да,—продолжалъ онъ,—первымъ долгомъ,
Отъ насъ заимствовано имъ
Искусство сборовъ и поборовъ
Въ починъ искусствамъ всѣмъ другимъ.
Потомъ, по нашему примѣру,
Ходитъ онъ началъ налегкѣ,
Держася прямо, словно палка,
И даже съ тросточкой въ рукѣ.
Громамъ небеснымъ нашу почесть
Съ тѣхъ поръ онъ слѣпо воздавалъ...
Да, человѣкъ всегда на свѣтѣ
Орангутангамъ подражалъ!..

„Любовь самцовъ-орангутанговъ
Себѣ онъ взялъ за образецъ,
Забывъ лишь вѣрность нашихъ самокъ,
И превзошелъ насъ, наконецъ...

Онъ подражалъ такъ превосходно
 Цинизма нашего цвѣтамъ,
 Что самъ въ безстыдствѣ утонченномъ
 Давать и „шахъ“, и „мать“ сталъ намъ.
 У насъ уроки жить свободно
 Самъ Діогенъ великій бралъ...
 Да, человѣкъ всегда на свѣтѣ
 Орангутангамъ подражалъ!..

„У насъ онъ армію увидѣлъ —
 И центръ, и два ея крыла, —
 Она составлена прекрасно,
 Неподражаемо была;
 Ее вели вожди-герои,
 Всѣхъ приводившіе въ азартъ,
 Стрѣлки и гвардія въ ней были
 И образцовый авангардъ —
 Еще тогда, когда и въ Троѣ
 Парисъ Елену не скрывалъ...
 Да, человѣкъ всегда на свѣтѣ
 Орангутангамъ подражалъ!..

„Владѣть мечомъ, копьемъ и палкой —
 Искусство всѣхъ искусствъ земныхъ;
 Преподаемъ его мы людямъ,
 Но въ немъ всегда искуснѣй ихъ...
 А почему же, вы скажите,
 Ведется такъ изъ вѣка въ вѣкъ,
 Что обезьянъ царемъ считался
 Ихъ подражатель — человѣкъ?!
 Боговъ себѣ изобрѣтая,
 Онъ насъ же въ нихъ обожествлялъ...
 Да, человѣкъ всегда на свѣтѣ
 Орангутангамъ подражалъ!“.

— „Какъ! — возмутился тутъ Юпитеръ, —
 И обезьяны, и бобры,
 И пчелы — всѣ кричатъ здѣсь будутъ,
 Что всѣ они — въ верху горы, —
 Что человѣкъ — медвѣдь двуногій,
 Что имъ не стоитъ дорожить?!
 Какъ онъ ни глупъ, но онъ умѣетъ
 Мнѣ больше всѣхъ ихъ угодить!..

Огнятъ у всѣхъ звѣрей даръ слова,
Чтобъ опъ Олимпъ нашъ не смущалъ,
Чтобъ человѣкъ и впредь искусно
Орангутангамъ подражалъ!“.

Безумцы.

Солдатики изъ олова —
 Въ шеренгахъ мы стоимъ,
 Всѣ дружно въ струнку тянемся,
 Рутину всѣ хранимъ...
 Попробуй-ка кто выступить,
 Нарушить старый строй,—
 Кричимъ мы угрожающе:
 „Безумцевъ всѣхъ долой!“
 Ихъ бьютъ, ихъ жгутъ, преслѣдуютъ;
 Но—въ память ихъ идей,
 „Во славу человѣчества“—
 Воздвигнуть мавзолей...

Ужъ сколько, сколько времени
 Прошло и вновь пройдетъ,
 А мысль еще все дѣвственна,
 Супруга тщетно ждетъ...

Глупцы ея безумною
 Считають, а мудрецъ
 Совѣтуеть ей прятаться;
 Но, встрѣтивъ наконецъ
 Вдали отъ свѣта лживаго,
 Безумецъ самъ на ней—
 Не сватаяся— женится
 Для счастья всѣхъ людей...

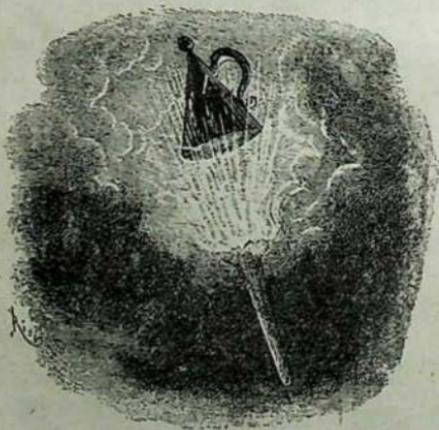
Съ пророкомъ самъ встрѣчался я,—
 Звался онъ Сень-Симонъ,—
 Пересоздать все общество
 Отважно думалъ онъ;
 Вложилъ онъ въ дѣло мудрое
 Богатство все и самъ
 Подъ старость руку долженъ былъ
 Протягивать глупцамъ...
 Онъ жилъ лишь вѣрой крѣпкою,
 Что мысль его спасеть
 Отъ краха человѣческой,
 Впадавшій въ звѣрство родъ...

Фурье намъ проповѣдуетъ:
 „Изъ грязи поднимись,
 Народъ страны обманутой,
 Въ фаланги соберись!
 Работой неустанною
 Завѣть любви свершай
 И въ сферѣ притяженія
 Стремись, твори, дерзай!..
 И вступишь обновленная
 Земля въ союзъ святой
 Съ роднымъ ей небомъ, людямъ всѣмъ
 Желанный давь покой...

„Освободите женщину!—
 Взываетъ Анфантенъ,—
 Права съ ней всѣ раздѣлите!
 Къ чему позорный плѣнъ?“
 — „Фи, — сдѣлали гримасу вы,—
 Да трое всѣ они
 Годятся въ эпиграмму лишь,
 Не больше, въ наши дни!“

Ахъ, господа, всё тщетно мы
Искали счастья тронъ,—
Честь всёмъ безумцамъ, вѣрящимъ,
Что счастье—не сонъ!..

Ну, кто далъ міру древнему
Прекрасный Новый Свѣтъ?—
Безумецъ, надъ которымъ всё
Смѣялись столько лѣтъ!..
Кто смерть принять за истину
Готовъ хоть на крестъ?—
Безумецъ, посвящающій
Себя святой мечтѣ!..
Покинетъ солнце мракъ земной,—
Безумецъ въ міръ придетъ,
Для счастья человѣчества
Свѣтильникъ свой зажжетъ!..

Самоубійство.

(На смерть Виктора Эскуссъ и Огюста Лебра).

И вотъ они мертвы, здѣсь, въ комнатѣ закрытой,
Гдѣ облакомъ еще виситъ угарный газъ...

Ихъ жизнь едва-едва расцвѣтъ свой начинала,
Какъ пробилъ для нея послѣдній грозный часъ...
Ужасная судьба! Печальная причина!..

Они промолвили: „Крушенье терпѣть свѣтъ!

Смотрите, какъ блѣдны и лоцманъ, и матросы,
Волнами весь избитъ несчастный нашъ корветъ!..
Вотъ погрузится онъ въ бездонную пучину...

Впередъ! Спасемся вьлавы!“... И, страшный путь избравъ,
Дорогу къ небесамъ далекимъ пролагая,
Они вдвоемъ—за бортъ, другъ другу руки сжавъ...

О, дѣти бѣдныя!.. Вѣдь эхо повторяетъ
Еще напѣвъ любви, баюкавшей ихъ сонъ...

Туманилась заря, имъ люди говорили,
 Что солнце всетаки взойдетъ на небосклонъ ..
 Томяся и грустя, они всѣмъ отвѣчали:
 „Не все ли намъ равно, что пьютъ росу поля,
 Черезъ которыя проходимъ мы порою,
 Что лаской солнечной согрѣта вся земля?
 У насъ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни жатвы благодатной...
 Да развѣ солнышко встаетъ когда для насъ?!“
 И, дружно къ небесамъ дорогу пролагая,
 Они ушли вдвоемъ въ одинъ и тотъ же часъ...

О, дѣти бѣдныя!.. На жизнь вы клеветали,
 Какъ старцы дряхлые подъ бременемъ годичъ...
 Изъ кубковъ, поданныхъ любовью вамъ, скажите,
 Съ отравой горькою ну былъ ли хоть одинъ?..
 И слышался отвѣтъ, дышавшій тайной скорбью:
 „Любовь — сонъ ангела невиннаго въ раю...
 Любови!.. Не мы-ль ее когда-то воссѣвали,
 Готовые отдать ей душу всю свою?!
 Отъ культа этого остался дымъ лишь только;
 Кумиръ нашъ былъ лишь тѣнь отъ тѣни бытія!“
 И, дружно къ небесамъ дорогу пролагая,
 Покинули нашъ міръ рука-съ-рукой друзья...

О, дѣти бѣдныя!.. Вѣдь послѣ, оперившись,
 Орлами ставъ, летѣть могли бы вы съ гнѣзда
 Въ заманчивую даль и бросили бы вызовъ
 Всему, что смертныхъ взоръ пугаетъ такъ всегда...
 Подняться вы могли-бъ въ заоблачныя сферы
 И славу созерцать, доступную богамъ...
 „Нѣтъ, лавры славы—прахъ, отдастъ всегда ихъ зависть
 Въ добычу по землѣ мятущимся вѣтрамъ!
 А еслибъ суждено намъ такъ подняться было,
 Все-жъ были мы должны спуститься бы съ небесъ“...
 И, дружно къ небесамъ дорогу пролагая,
 Исчезли грустные искатели чудесъ...

О, дѣти бѣдныя!.. Какимъ печалямъ горькимъ
 Предъ службой долгу въ насъ не замолчатъ?
 Всѣхъ знамя родины собою покрываетъ,—
 Найдете въ ней вы любящую мать!..
 „Да, знамя родины!.. Его сопровождаетъ
 Эскортъ отборный родины сыновъ;

Оно-жь, надъ кровлею вождя распростираясь,
Хранить его покой для безмятежныхъ сновъ...
А вотъ солдатъ не спитъ: весь залить вражьей кровью,
Голодный и больной—онъ умирать идетъ"...
И, дружно къ небесамъ дорогу пролагая,
Прахъ отрясли они отъ всѣхъ земныхъ заботъ...

О, дѣти бѣдныя!.. Кормилица дурная
Толпою призраковъ вашъ населила умъ!..
Но ясно вижу я, какъ свѣтлый Богъ сияетъ
Сквозь сумракъ призрачный унылыхъ вашихъ думъ...
И вопли ваши всѣ услышалъ бы Онъ скоро
И успокоилъ васъ по благости Своей...
„Ахъ,—говорили вы,—уйдемъ отъ мрака жизни,
Не станемъ жить и ждать безвѣрія страстей!
Мы не хотимъ и ждать, чтобъ даже имя Бога
Изгладилось у насъ изъ памяти... О, нѣтъ!“...
И, дружно къ небесамъ дорогу пролагая,
Они ушли туда, гдѣ брезжить вѣчный свѣтъ...

О, благодный Творецъ, прости имъ ихъ безумье!..
Они не вѣдали, что мы не для себя
Приходимъ въ этотъ мѣръ, а чтобъ за жизнь бороться,
Чтобъ Истину искать, страдая и любя...
Апостоловъ такихъ имъ въ жизни не встрѣчалось,
Которые бы имъ сказали: „Жить—любить!
О, дѣти, слѣдуйте закону состраданья,
Имѣйте мужество души не угасить!..
Внушайте всѣмъ любовь—несчастливымъ и гонимымъ—
И душу самую отдайте за другихъ!“...
И вотъ они съ земли путь къ небу отыскали,
И вотъ—они ушли... Мы не увидимъ ихъ!..

П а с с и.

Прощай, Парижъ, тебя я покидаю!
Я выхожу изъ душныхъ стѣнъ твоихъ,—
Нашелъ въ Пасси пріютъ я вождельный,
Въ немъ отдохну отъ всѣхъ тревогъ своихъ...
Прощай, Парижъ! Тебя лишу я права
Меня въ твоей землѣ похоронить;
Я за вино домашнее не стану
Тебѣ налогъ—что ни стаканъ—платить...

О, еслибъ здѣсь, въ Пасси, вдали отъ шума
Житейскихъ бурь, состарѣться я могъ,—
Хотя-бъ за то принести забвенью въ жертву
Пришлось мнѣ славы призрачной вѣнокъ!
О, еслибъ могъ—отъ свѣта отчужденный—
Заснуть я здѣсь, какъ птица подъ листвою,
Навѣкъ заснуть подъ звуки вольныхъ пѣсень,
Когда-то спѣтыхъ въ честь свободы мной!..

5733

Оглавление III тома.

Пѣсни Беранже.

	СТР.
Мое исцѣленіе, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	5
Охотникамъ, <i>его же</i>	7
Мой карнавалъ, <i>его же</i>	9
Тѣнь Анакреона, <i>его же</i>	11
Эпитафія моей музы, <i>его же</i>	14
Сильфида, <i>его же</i>	16
Лизины совѣты, <i>его же</i>	18
Голубь-вѣстникъ, <i>его же</i>	20
Поздній бракъ, вольный переводъ <i>Иванъ-да-Марьи</i>	22
Дружба, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	23
Плохое вино, <i>его же</i>	25
Любовный напитокъ, <i>его же</i>	29
Вертелъ, <i>его же</i>	31
Науки, <i>его же</i>	33
Портной и фея, <i>его же</i>	37
Уборъ новобрачной, <i>его же</i>	39
Больной, <i>его же</i>	41
Вѣнокъ изъ васильковъ, <i>его же</i>	45
Дамокловъ мечъ, <i>его же</i>	47
Больница, <i>его же</i>	50
Тридцатилѣтней бабушкѣ, <i>его же</i>	52
Разбитая скрипка, <i>его же</i>	54
Свадебный контрактъ, <i>его же</i>	58
Пѣснь Киргиза, вольный переводъ <i>Иванъ-да-Марьи</i>	60
Ласточки, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	64
Дѣвочки, <i>его же</i>	68
Печать, <i>его же</i>	71
Юная муза, <i>его же</i>	73
Бѣгство Амура, <i>его же</i>	75
Годовщина, <i>его же</i>	77
Старый сержантъ, <i>его же</i>	79

	СТР.
Узникъ, переводъ <i>М. Л. Михайлова</i>	84
Кроткій ангель, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	87
Добродѣтель Лизеги, <i>ею же</i>	89
Путникъ, <i>ею же</i>	92
Октавія, <i>ею же</i>	94
Мои похороны, <i>ею же</i>	96
Надпись на сборникъ стиховъ <i>М.</i> , <i>ею же</i>	99
Трубадуры, <i>ею же</i>	100
Тринадцать за столомъ, <i>ею же</i>	104
Проклятая весна, <i>ею же</i>	106
Цсара, <i>ею же</i>	108
Воображаемое путешествіе, <i>ею же</i>	111
Два формата, <i>ею же</i>	113
Куплеты къ «моему» портрету, <i>ею же</i>	116
Чердакъ, <i>ею же</i>	118
Лѣстница Іакова, <i>ею же</i>	122
Переселеніе душъ, <i>ею же</i>	127
Бѣдныя Амуры, <i>ею же</i>	131
Послѣднему президенту Директоріи, <i>ею же</i>	133
Коронація Карла Простого, <i>ею же</i>	135
Похороны Давида, <i>ею же</i>	139
Безконечно малые, <i>ею же</i>	142
Охотникъ и молочница, <i>ею же</i>	146
Добрый вечеръ, <i>ею же</i>	150
Миссіонеръ изъ Монружа, <i>ею же</i>	152
День Ватерлоо, <i>ею же</i>	155
Въ альбомъ г-жѣ <i>Ам. де-В.</i> , <i>ею же</i>	157
Надгробная рѣчь Тюрлюпену, <i>ею же</i>	158
Гортензи, <i>ею же</i>	162
Два гренадера, <i>ею же</i>	163
Еще Амуры, <i>ею же</i>	168
Смерть дьявола, <i>ею же</i>	170
Военноплѣнный, <i>ею же</i>	173
Аббать-мусульманинъ, вольный переводъ <i>Иванъ-да-Марьи</i>	175
Дофинъ, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	177
Красный человѣчекъ, <i>ею же</i>	180
Цыгане, <i>ею же</i>	185
Народная память, переводъ <i>Ап. Григорьева</i>	190
Негры и маріонетки, <i>ею же</i>	195
Ангель-хранитель, <i>ею же</i>	197
Комаръ, переводъ <i>Л. А. Мея</i>	200
Домовые, <i>ею же</i>	202
Комета 1832 года, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	204
Гробница Манюэля, <i>ею же</i>	206
Каминъ узника, <i>ею же</i>	208
Мой карнавалъ 1829 года, <i>ею же</i>	210

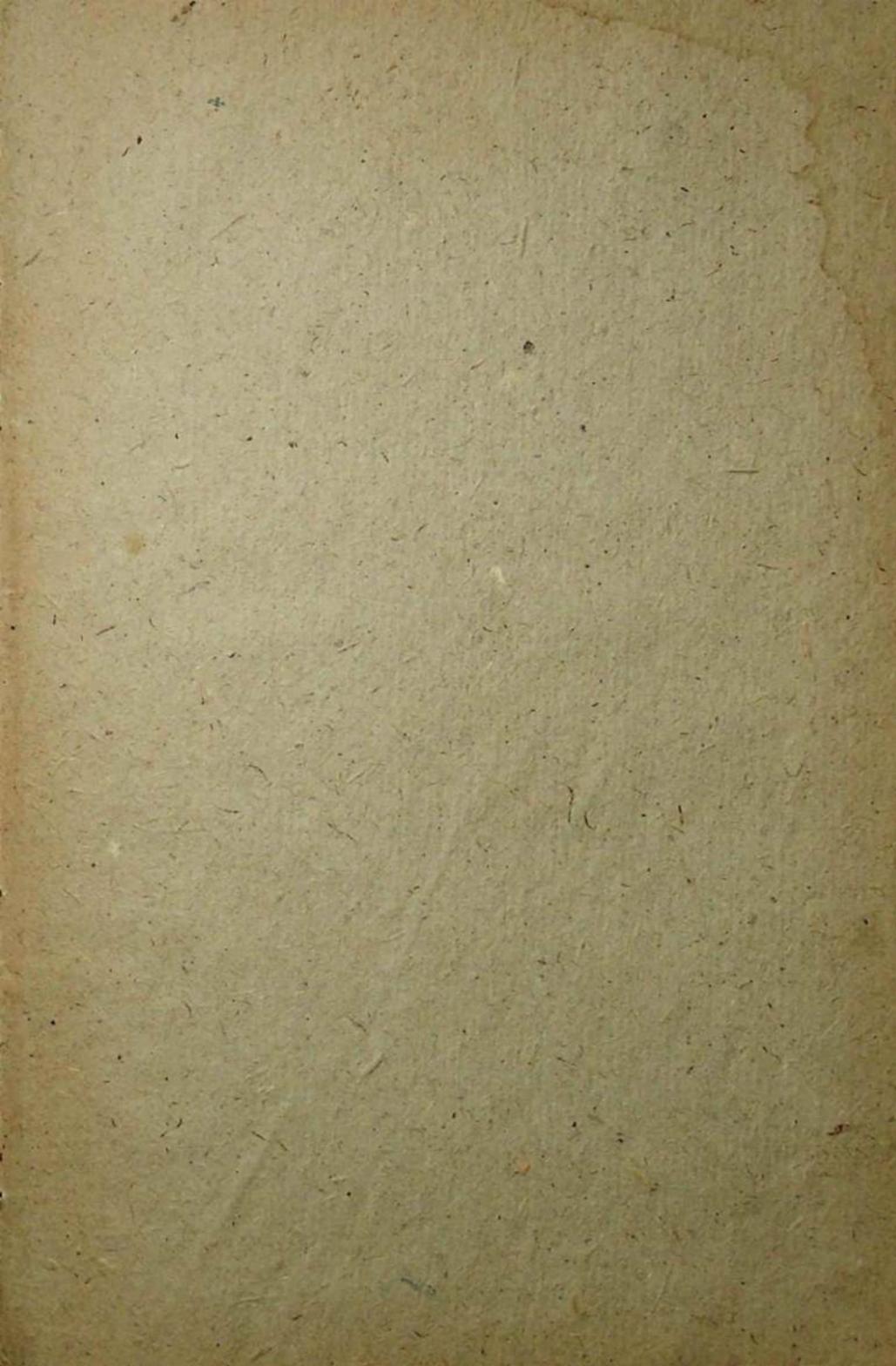
	СТР.
«Проходите!», <i>А. А. Коринфскаго</i>	212
Кардиналь и пѣсенникъ, <i>его же</i>	214
Куплетъ, <i>его же</i>	217
Моя гробница, <i>его же</i>	218
Вѣчный жидъ, <i>его же</i>	221
Слава, <i>его же</i>	224
Дочь народа, <i>его же</i>	225
«Откройте двери!», <i>его же</i>	227
Дионисъ — школьный учитель, <i>его же</i>	229
Красота и безобразіе, <i>его же</i>	232
Старый капраль, переводъ <i>В. С. Курочкина</i>	234
Молодымъ людямъ, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	237
Счастье, <i>его же</i>	238
Бубенчики, <i>его же</i>	241
Пять эгажей, переводъ <i>Л. А. Мея</i>	242
Алхимикъ, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	244
Похоронная пѣсня (на смерть Кенекура), <i>его же</i>	247
Рыжая Жанна, переводъ <i>Л. А. Мея</i>	250
Тоска по родинѣ, переводъ <i>А. А. Коринфскаго</i>	254
Моя кормилица, <i>его же</i>	256
Контрабандисты, <i>его же</i>	258
Моимъ друзьямъ-министрамъ, <i>его же</i>	261
Готтонъ, <i>его же</i>	264
Колибри, <i>его же</i>	269
Эмиль Дебро (пѣсня-объявленіе), <i>его же</i>	272
Пословица, <i>его же</i>	274
Блуждающіе огни, <i>его же</i>	275
«Поспѣшимъ!», <i>его же</i>	280
Публичный писецъ, <i>его же</i>	282
Шатобриану, <i>его же</i>	284
Отказъ, <i>его же</i>	286
Реставрація и пѣсня, <i>его же</i>	288
Воспоминанія дѣтства, <i>его же</i>	291
Старый бродяга, <i>его же</i>	293
Жителямъ острова св. Маврикія, <i>его же</i>	298
Пятьдесятъ лѣтъ, <i>его же</i>	300
Жакъ, <i>его же</i>	302
Орангутанги, <i>его же</i>	307
Безумцы, <i>его же</i>	310
Самоубійство, <i>его же</i>	313
Пасси, <i>его же</i>	316

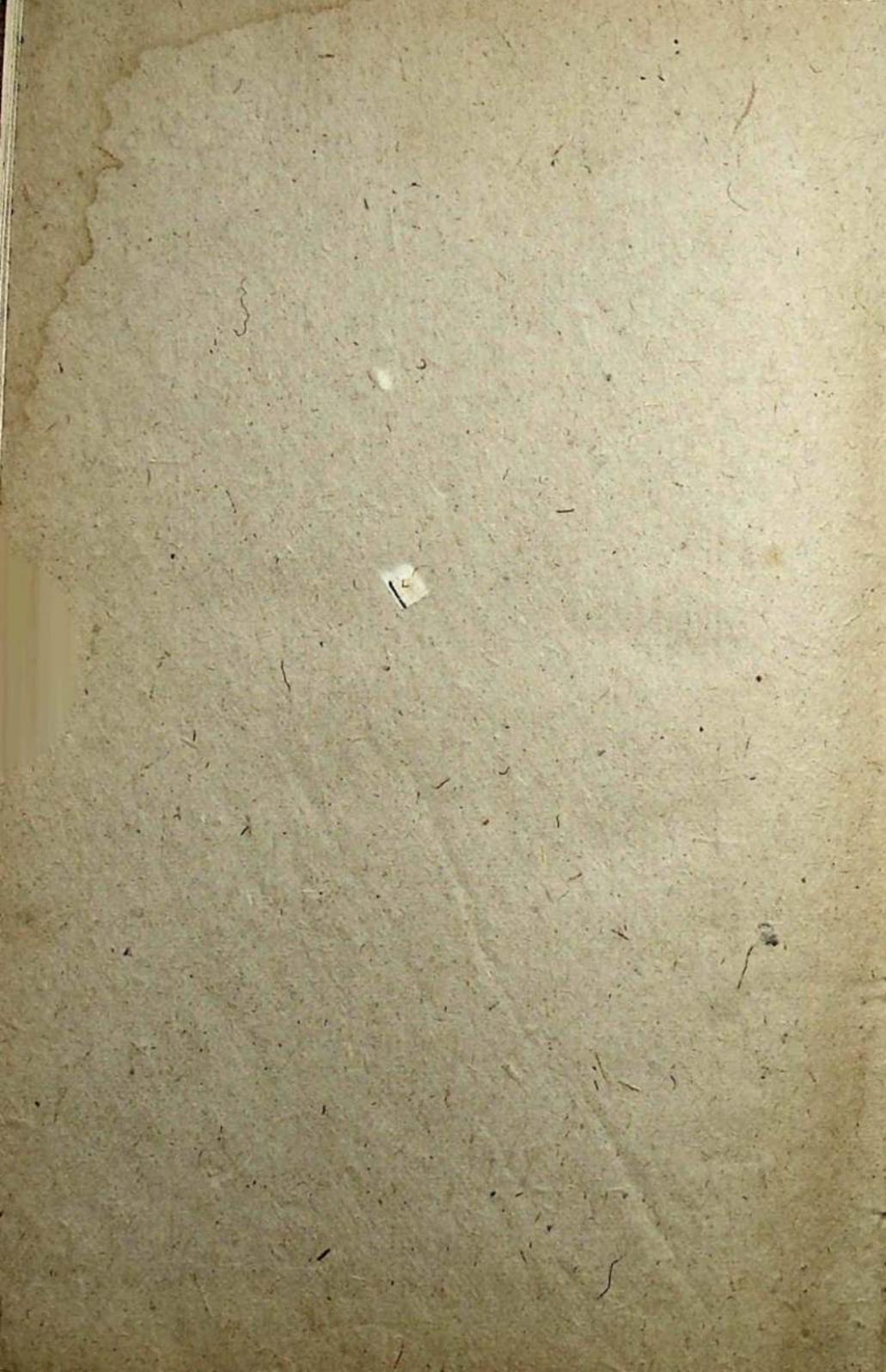
2010 год, жел. деп.
Библиотека КОР

6-48

ИЗДАНИЕ П. С. ПАНТЕЛЪЕВА.

Handwritten purple ink scribble or signature.

Handwritten initials or mark, possibly "x/x".